

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.В. КУЙБИЦЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД
(Часть вторая)

Под редакцией д-ра юрид. наук В.Ф. Воловича

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТОМСК-1993

Актуальные проблемы правопедения в современный период:
Сб. статей / Под ред. В.Ф. Воловича. - Томск : Изд-во Том.ун-та,
1993. - Ч. 2. I201000000.

В сборник включены статьи преподавателей, научных сотрудников и аспирантов юридических факультетов университетов Западной Сибири. Представленные материалы, написанные на основе действующего законодательства, обобщения следственной и судебной практики, посвящены актуальным проблемам уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики. Авторами анализируются применение нормативных актов, вносятся предложения, направленные на повышение эффективности правового регулирования.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников.

Рецензент - канд. юрид. наук С.А. Елизеев

А I201000000 без объявл.
I77 (012)-93

Томский государственный университет, 1993

О СПОСОБАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

В.Д.Филимонов

Уголовная ответственность за общественно опасные посягательства на конституционные права и свободы граждан является важной гарантией их реального осуществления.

В соответствии с действующим законодательством уголовная ответственность за указанные действия осуществляется или на основании правовых норм, закрепляющих специальные составы преступлений, или на основании правовых норм, предусматривающих ответственность за должностные и некоторые иные преступления.

Так, в действующем уголовном законодательстве закреплены составы таких преступлений, как нарушение тайны переписки, телефонных переговоров или телеграфных сообщений, нарушение неприкосновенности жилища, нарушение законодательства о труде и др., но в нем нет специальных составов нарушения права на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости, пользование достижениями культуры и др. За нарушение этих конституционных прав граждан в настоящее время возможна уголовная ответственность по статьям уголовных кодексов, предусматривающих составы злоупотребления служебным положением, превышения власти, но, конечно, при условии, что оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

В свою очередь те правовые нормы, которые предусматривают специальные составы нарушений конституционных прав и свобод, делятся на два вида. Одни из них устанавливают уголовную ответственность за прямые нарушения прав и свобод /например, за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений и т.п./, другие - за создание препятствий на пути их осуществления /воспрепятствование осуществлению равноправия женщин, законной деятельности профсоюзов, избирательного права и др./.

Чем это вызвано ?

Очевидно, тем, что степень общественной опасности прямого нарушения прав и свобод выше, чем при воспрепятствовании их осуществлению. Создание препятствий на пути использования конституционных прав и свобод по общему правилу не лишает человека возможности добиться в конечном итоге выполнения своих требований. Он может это сделать путем обращения за помощью в соответствующие организа-

ции и другим подобным образом.

В связи с этим возникают следующие вопросы: не следует ли предусмотреть в уголовном законодательстве составы нарушений тех конституционных прав и свобод, которые в настоящее время не обеспечены специальной уголовно-правовой охраной? Не следует ли в этих целях шире использовать конструкцию воспрепятствования осуществлению права или свободы?

Представляется, что правильным будет такой ответ на эти вопросы: необходимо стремиться к тому, чтобы охрана всех конституционных прав и свобод осуществлялась на основе специальных уголовно-правовых норм. Это позволило бы с большей убедительностью показать, что все права и свободы граждан в нашей стране не только провозглашены, но и надлежащим образом гарантированы. Однако конструкцию воспрепятствования осуществлению прав и свобод следует использовать лишь в тех случаях, когда нет возможности прямо указать в законе конкретные нарушения прав и свобод.

Практика применения действующего уголовного законодательства показала, что составы воспрепятствования осуществлению тех или иных прав и свобод в деятельности судебно-следственных органов встречаются крайне редко. Часто они так широко сформулированы в законе, что больше напоминают правовые декларации, чем составы тех или иных преступлений. Поэтому вести на их основе уголовно-правовую борьбу с нарушениями прав и свобод трудно.

Все это приводит нас к выводу, что эффективная охрана прав и свобод возможна главным образом путем закрепления в законе указаний на конкретные виды их нарушений. С помощью одних правовых деклараций этого добиться нельзя. Поэтому и множить такие составы преступлений в нашем уголовном законодательстве нецелесообразно.

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

В.И.Плохова

Вопросы конкуренции правовых норм первоначально, а затем более детально рассматривались представителями науки уголовного права (А.А.Герцензон, Н.Д.Дурманов, В.Н.Кудрявцев, А.С.Никифоров, В.П.Малков, В.А.Куринов и др.). И тем не менее и в теории, и на практике много нерешенных вопросов. Неоднозначно понимается вопрос о видах конкуренции. В.Н.Кудрявцев выделяет, наряду с другими, конкуренцию части и целого; Малков В.П. – против выделения такого вида, называя при этом полную и неполную конкуренцию, не определяя её и правила преодоления. По-разному трактуется понятие общей и специальной норм, которые наиболее часто конкурируют между собой. В.Н.Кудрявцев при этом обращается к логике и определяет их как отношение подчинения, при котором все (выделено мной. – В.П.) существенные признаки одного из понятий составляют только часть существенных признаков другого. В качестве примера этого вида конкуренции автор приводит ст.ст.170 и 175 УК РСФСР, в последней далеко не все признаки ст.170.

Представители теории государства и права этот вопрос также решают неоднозначно. И.Н.Синякин определяет общую норму через род, а специальную – через вид. А.Ф.Черданцев критикует такое определение, указав, во-первых, на относительность такого деления, во-вторых, на то, что общие нормы могут регулировать не только род общественных отношений, а какой-то один элемент.

Существующая теоретическая разработка вопроса не дала практике надежных критериев разграничения конкуренции и идеальной совокупности. Большие трудности вызывает квалификация преступлений, которые могут совершаться как должностными, так и частными лицами. Даже в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР предлагается неоднозначное решение этого вопроса. Так, контрабанду, совершенную должностным лицом с использованием служебного положения, рекомендуется квалифицировать только по ст.78 УК; приписки же в государственной отчетности, которые тоже совершаются должностным лицом с использованием служебного положения, – по ст.152^I и ст.170 УК. Неоднозначно решается вопрос о квалификации умышленного причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, повлекшего

смерть. В опубликованной практике такие случаи предлагается квалифицировать только по ст.106 УК,

В дальнейшем УК РСФСР только из ст.170 выделено более 15 специальных составов. Оскорбление, например, предусмотрено четырьмя статьями УК и законом СССР "О защите чести и достоинства президента"; угроза тоже дифференцируется в зависимости от потерпевшего и содержится в четырех статьях УК и т.д. Наблюдается тенденция увеличения специальных норм. Так, из 25 составов преступлений, внесенных в УК после 1 февраля 1987 г., -7 специальных норм (28%). Насколько оправдана такая дифференциация?

. Проблема критериев (условий) выделения специальных норм в общей теории права только ставится (см.: В.М.Баранов, И.Н.Синякин).

Наука трудового права, которая занимается этими вопросами более основательно, пришла к выводу, что, во-первых, должно быть специфично то, что дифференцированно регулируется; во-вторых, необходима унификация, "без решения которой эффективность правового регулирования заметно снижается".

В монографиях по уголовному праву (А.Н.Трайнина, В.Н.Кудрявцева, В.П.Малкова), в которых "зародилось" решение рассматриваемых вопросов, в основном объясняется выделение тех или иных специальных норм. Подчеркивается, например, политическое значение выделения статьи 152¹ УК; стремление повысить или снизить санкцию; дифференцировать ответственность и др. Но жизнь показала крайне низкую эффективность ст.152¹ (при распространении очковтирательстве эта норма применяется в единичных случаях); не оправдались "благие намерения" выделения ст.ст.191¹, 94¹, 94² и др.

Таким образом, требует дальнейшей разработки вопрос о критериях выделения специальных норм (частный случай проблемы критериев криминализации деяний, но не идентичный ему); о правилах построения самой специальной нормы.

Т.В.Строкина

Профессиональная деятельность изучается различными науками. В науке уголовного права возникают следующие вопросы. Кто является субъектом профессиональной неосторожности? Каковы признаки профессионально действующего лица? Понятие последнего должно стать отправным при определении профессиональной неосторожности.

В различных словарях, а также литературе по экономике труда, психологии труда, трудовому праву даны различные определения профессии. Профессия – это и общность людей, занятых определенного рода трудовыми функциями, и деятельность, работа профессионала, т.е. сам процесс реализации трудовых и притом профессионально выполняемых функций (Е.А.Климов).

Как правило, формулировки связаны с терминами „работник“, „специалист“, „профессионал“. В трудовом праве понятие „работник“ включает рабочего и служащего и подразумевает человека, ставшего субъектом трудового правоотношения. В словарях этот термин используется в двух значениях: это тот, кто работает, и тот, кто занимается какой-либо работой как профессией, постоянно работает где-либо (Словарь русского языка. 1984. Т. III).

Определение „специалист“ также не однозначно. Под ним понимают человека, обладающего специальными знаниями в какой-либо отрасли науки или техники, представителя какой-либо специальности, а также как мастера в каком-либо деле, знатока в чем-либо (Словарь русского языка. 1984. Т. IV). Последнее значение граничит с одним из оттенков термина „профессионал“. Таковым является человек, избравший какое-либо занятие своей профессией, специалист своего дела (Словарь иностранных слов. 1989).

Мы видим, что термины „работник“, „специалист“, „профессионал“ тесно связаны. Понятие „работник“ используется, когда речь идет о любом человеке, занятом выполнением профессиональных функций. Лишь часть работников являются специалистами и профессионалами. Для установления субъекта профессиональной неосторожности необходимо введение нового термина – „профессионально действующее лицо“. Работник, специалист, профессионал могут быть таким лицом, а могут им и не быть. Работник становится профессионально действующим лицом только при наличии у него специальных признаков.

Учитывая вышеизложенное, используя имеющиеся признаки профессии, можно среди них выделить те, которые имеют значение для уголовного права, и дать определение профессионально действующего лица.

Во-первых, это обладание специфическими знаниями, особым характером и степенью подготовки.

Одной из черт профессиональной деятельности операторов технических систем, врачей является наличие подготовки, удостоверенной соответствующим документом. Это требование содержится, например, в Положении о порядке присвоения квалификации водителя, выдачи водительских удостоверений и допуска водителей к управлению транспортными средствами. Такая подготовка способствует предупреждению неосторожного причинения вреда.

Во-вторых, с этим признаком тесно связан такой, как наличие у данного лица специального круга обязанностей.

На работника, выполняющего профессиональные функции, всегда возложены определенные обязанности, закрепленные соответствующими нормативными актами. И профессиональная неосторожность есть не просто нарушение обычных правил предосторожности, а отклонение от этих обязанностей.

В-третьих, в числе признаков профессионально действующего лица следует выделить специфический характер выполняемых функций, сложность деятельности.

В связи со значительным увеличением технических средств, усложнением технологических процессов профессиональная деятельность приобретает ряд особенностей. Человеку все больше приходится выполнять такие функции, как слежение, контроль и управление производственными процессами (Е.А.Милерян). Поэтому огромное значение приобретает профессиональная осторожность. Малейшая невнимательность, отступление от правил и инструкций может привести к тяжким последствиям, возрастает "цена" принимаемых решений.

Итак, выделив несколько признаков профессионально действующего лица, можно дать следующее определение.

Профессионально действующее лицо - это лицо с особым характером и степенью подготовки, наделенное специальными обязанностями, специфическим характером профессиональных функций. За профессиональную неосторожность следует привлекать лишь при наличии указанных признаков. Отсутствие хотя бы одного из них исключает ответственность лица.

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАИВАНИЕ И ЕГО ВИДЫ

А. М. Трухин

Согласно ст. 3 УК РСФСР уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления. При этом и на момент расследования или рассмотрения дела в суде должны существовать и преступление, и преступник. Известно, что после того, как преступление совершено, могут произойти события (изменение обстановки и др.), которые способны изменить юридическую природу содеянного, вследствие чего либо отпадает основание уголовной ответственности, либо эта ответственность будет существенно смягчена.

В уголовном законе четко определено, что преступлением признается деяние общественно опасное (ст. 7 УК РСФСР). В целом опасность категория прогностическая, что означает вред в будущем. Общественная опасность как особое свойство принципиально отличает преступление от иных правонарушений, а преступника от иных правонарушителей. Общественная опасность преступления и преступника, находящихся в диалектическом единстве через вину, заключается в том, что если с ними с неотвратимостью и целенаправленно не вести борьбу уголовно-правовыми средствами, то они способны самовоспроизводиться, заражать криминогенно среду и деорганизовать социальный организм вплоть до его уничтожения. Отсюда становится очевидным значение принципа неотвратимости уголовной ответственности преступника за преступление.

Сегодня мы имеем такую уголовную политику и карательную практику, когда возникает представление, что наказания часто отбывают не преступники, в то время как преступники процветают на свободе. Такого представления в правовом государстве не должно возникать. Все, что касается уголовной ответственности и наказания, т.е. привлечения, назначения, смягчения, исключения и т.д., должно быть четко определено в уголовном законе. Без выяснения социально-юридической природы уголовно-правовых явлений невозможно реализовать требования социальной справедливости, базирующихся на таких принципах, как неотвратимость, целесообразность, дифференцированность. Там, где надо привлекать - привлекать, где надо освобождать - освобождать.

В советском уголовном законодательстве нет самостоятельного института деятельного раскаяния, что, по нашему мнению, является существенным недостатком. Обычно о нем говорят в плане разграничения добровольного отказа от совершения преступления, исключая

щего уголовную ответственность, и обстоятельств, смягчающих ответственность, таких, как "предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда", "чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступлений" (пп. I и 9 ст. 38 УК РСФСР). К разновидностям деятельного раскаяния (многие считают их специальными видами добровольного отказа) можно отнести также положения, содержащиеся в Особенной части уголовного закона - в п. "б" ст. 64, в примечаниях в ст. ст. 174 и 218 УК РСФСР.

Все виды деятельного раскаяния хотя и имеют много общих моментов, но характеризуются разными обстоятельствами, что определяет их специфическую правовую природу, порождающую различные правовые последствия для субъекта - исключают или смягчают уголовную ответственность.

Установление действительной сущности этих обстоятельств, их четкая классификация позволят выделить деятельное раскаяние в самостоятельный институт уголовного права, определить его место в системе других институтов, что должно способствовать повышению эффективности уголовного закона. Некоторые аспекты института деятельного раскаяния уже сейчас так или иначе отражены в уголовном законе, но они разобщены по различным нормам, что не способствует их единообразному и правильному пониманию. Многие из этих положений необходимо переосмыслить, придать им как бы новый импульс для достижения той цели, которая стоит перед уголовным законом, а именно охраны социальных ценностей от причинения вреда (ст. I УК РСФСР).

В уголовном праве нет единого мнения относительно юридической природы добровольного отказа, не все признают его возможность на стадии оконченного покушения, не понимают тот механизм, который лежит в основе исключения уголовной ответственности за содеянное. Почти все единодушно признают невозможность добровольного отказа на стадии оконченного преступления, хотя фактически такой отказ предусмотрен в указанных нами статьях Особенной части. Многие признают этот отказ, поскольку он якобы происходит при неоконченной преступной деятельности, не представляя себе, как это соотносится с юридическим составом этих преступлений. Нет ясности и в том, почему по общему правилу виды деятельного раскаяния, указанные в ст. 38 УК РСФСР, смягчают ответственность, а их конкретные проявления в Особенной части исключают её.

На все эти вопросы требуется дать ответ.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. С. Фролов

Принято считать, что каких-либо особых оснований уголовной ответственности соучастие в преступлении не вносит. Совершение деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой, является единственным основанием для ответственности как единично действовавшего преступника, так для лиц, совершивших преступление в соучастии, в том числе в соучастии с распределением ролей.

Однако поскольку организаторы, подстрекатели и пособники лично не выполняют объективную сторону конкретных составов преступлений, их состав, в отличие от состава исполнителя, устанавливается с учетом положений ст. ст. 17 и 18 УК РСФСР.

Нормативных указаний, содержащихся в этих статьях, для квалификации некоторых форм групповой преступной деятельности оказывается недостаточно, а это порождает ряд проблем.

1. Сам ли соучастник выполняет действия, являющиеся содержанием его состава преступления, или за него делает это исполнитель. (С позиции акцессорности соучастия без исполнителя преступления, совершившего хотя бы приготовление или покушение на преступления, соучастие исключается).

2. Как квалифицировать неудавшуюся деятельность организатора, подстрекателя и пособника. (Теперь это рассматривается судебной следственной практикой по правилам о развитии умышленной преступной деятельности как приготовление к преступлению).

3. Если деятельность исполнителя преступления была пресечена на стадии приготовления или покушения, то отразится ли это обстоятельство на квалификации действий прочих соучастников. (На практике зависимость оценки действий организаторов, подстрекателей и пособников от действий исполнителя строго признается очевидной. Если исполнитель отвечает за неоконченное преступление, то и иные соучастники несут ответственность только за соучастие в неоконченном преступлении).

4. В какой мере на организатора, подстрекателя и пособника распространяются квалифицирующие признаки преступления, измененные его исполнителем. (Объективные и субъективные признаки преступления, усиливающие наказуемость, меняются соучастникам, если

они ими осознавались. **Обстоятельства, характеризующие личность соучастника, включая и признак повторности преступления, принимаются во внимание лишь для оценки того соучастника, к кому они относятся).**

Практическое решение всех перечисленных вопросов основано на фактическом признании **акцессорности соучастия, зависимости форм и пределов ответственности организаторов, подстрекателей и пособников от действий исполнителя преступления.**

В теории уголовного права проблема основания уголовной ответственности многие годы решалась на противопоставлении принципов акцессорности соучастия самостоятельной ответственности соучастников. Объявляя акцессорную теорию соучастия буржуазной, а следовательно, неприемлемой для советского уголовного права, многие советские авторы не заметили или не хотели заметить, что отвергаемая ими теория отличается значительно большим демократизмом, чем та, которая ими одобряется.

Советская уголовно-правовая доктрина, судебно-следственная практика и уголовное законодательство вплоть до конца 50-х годов признавали соучастием в преступлении заранее не обещанное укрывательство, законным в ряде случаев признавалось наказание членов семьи преступника только потому, что они жили вместе, хотя и ничего не знали о совершенном им преступлении.

Для осуществления такой практики принципы акцессорности соучастия, конечно, не подходили. Кстати, в буржуазных странах в области борьбы с государственными преступлениями выводы, основанные на признании акцессорности соучастия, полностью игнорируются.

В процессе расширения уголовно-правовой базы для борьбы с организованной преступностью проблема обоснования уголовной ответственности членов преступных формирований является одной из важнейших.

Криминализация деяний, пока еще не вписывающихся в уголовное законодательство, должна, на наш взгляд, проходить с соблюдением требований, вытекающих из акцессорности соучастия.

МЕСТЬ КАК МОТИВ УБИЙСТВА

Т. А. Плакина

Убийство из мести по ныне действующему уголовному законодательству РСФСР относится к умышленным убийствам без отягчающих и смягчающих обстоятельств и квалифицируется по ст. 103 УК РСФСР. Исследование мотива мести имеет своей целью, во-первых, выявление его особых признаков, позволяющих отграничить убийство из мести от убийства по иным мотивам; во-вторых, проведение классификации убийств из мести, установление степени общественной опасности различных видов этого преступления и решение на этой основе вопросов, связанных с назначением наказания и предупреждением преступлений.

Для того, чтобы иметь представление о содержательной характеристике мотива мести, необходимо выяснить, какие элементы он в себя включает, чем отличается от иных мотивов.

В Толковом словаре В. Даля мечь определяется как отплата злом за зло, обидой за обиду. Аналогичные формулировки даются и в других толковых словарях. Из этого определения могут быть взяты, по крайней мере, четыре признака, характеризующие мотив мести.

Первый признак — это прямая связь между поведением потерпевшего и возникновением мотива. Возникновению мотива мести всегда предшествует какая-либо деятельность потерпевшего. Нельзя отомстить за предстоящий поступок, его совершению можно лишь воспрепятствовать. Именно поэтому убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга, можно лишь с оговоркой считать частным случаем убийства из мести, ведь под п. "в" ст. 102 УК РСФСР подпадают и убийства, совершенные с целью воспрепятствовать правомерной деятельности потерпевшего по выполнению своего служебного или общественного долга.

Второй признак — особое качество поведения потерпевшего. Мечь является реакцией на 'зло', 'обиду', ранее причиненные виновному в совершении убийства, либо на действия, воспринимаемые виновным как таковые. Этот признак позволяет отграничить мотив мести от мотива зависти, возникновение которого связано с деятельностью потерпевшего, непосредственно не затрагивающей интересов виновного. Повод же возникновения мотива мести всегда конкретен и в действительности или только в представлении виновного негативно отражается на его интересах. Им может являться как нарушающее закон либо иные социальные нормы деяние, так и правомерный либо соответ-

тствующий иным социальным нормам поступок, и по этому основанию убийства из мести можно разделить на два вида, характеризующиеся различной степенью общественной опасности. Подтверждением влияния повода возникновения мотива мести на общественную опасность убийства служит признание законодателем отягчающим обстоятельством убийства совершение его из мести за правомерную деятельность потерпевшего по выполнению им своего служебного или общественно-го долга.

Третью характерную особенность мотива мести следует искать в элементах, из которых он состоит. В литературе названы элементы, входящие в состав ревности; недоверие, злоба, эгоизм. Думается, что эти же элементы включает в себя и месть, однако в несколько ином соотношении: превалирующим элементом является злоба, недоверие играет весьма незначительную роль, степень же проявления эгоизма, противопоставления индивидом своих интересов интересам общества, определяющая и степень общественной опасности преступления, может быть различной в зависимости от повода возникновения мотива мести и от того, совпадает ли причинитель зла, обиды виновному с потерпевшим. Что же касается ревности, то там все три элемента имеют примерно одинаковый вес.

И, наконец, еще один — четвертый признак мести: в некоторых случаях мотив мести может преломляться таким образом, что нарушается привычная схема, когда причинитель зла становится потерпевшим, а лицо, которому причинено зло, — виновным в совершении убийства, преступником, и появляются другие действующие лица. Это бывает в следующих ситуациях:

- 1) потерпевшим является не само лицо, которому мстит виновный, а кто-либо из близких этого лица;
- 2) виновный мстит за какой-либо поступок, совершенный не в отношении его самого, а в отношении кого-нибудь из его близких;
- 3) в случае комбинации двух предшествующих ситуаций.

Представляется, что наибольшей степенью опасности при прочих равных условиях обладают те убийства из мести, где потерпевшим выступает кто-либо из близких лица, которому желает отомстить виновный, поскольку именно они характеризуются самым высоким уровнем проявления эгоизма.

О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРИПИСКИ И ДРУГИЕ
ИСКАЖЕНИЯ ОТЧЕТНОСТИ О ВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНОВ

В.А.Пенчуков

Санкция ст.151-1 УК Казахской ССР альтернативная, предусматривает возможность назначения лицам, виновным в приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов, наказания в виде лишения свободы, исправительных работ и штрафа.

Изучение судебной практики в Казахской ССР показывает, что среди наказаний, примененных за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, наибольший удельный вес составили наказания, не связанные с лишением свободы: исправительные работы и штраф (65,7%). Это, на наш взгляд, оправдано. С учетом особенностей субъекта преступления (руководители предприятий и организаций и главные либо старшие бухгалтеры)¹ не всегда целесообразно назначать более строгое наказание, если цели наказания могут быть достигнуты и без изоляции осужденного от общества.

Лишение свободы было применено к 34,3% осужденных². Причем чаще всего лишение свободы назначалось на срок свыше одного года (24,7%). Назначение краткосрочного лишения свободы (менее одного года), на наш взгляд, не всегда целесообразно, потому что осужденный нередко часть срока уже отбыл во время предварительного заключения.

Лишение свободы назначалось, как правило, лишь в случаях совершения виновными наряду с приписками еще и других преступлений: хищения государственного или общественного имущества путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением (ст.76-4 УК Каз.ССР), злоупотребления властью или служебным положением (ст.143 УК Каз.ССР), должностного подлога (ст.148 УК Каз.ССР) и др.³

1. См.: Постановление № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1965 г. "О практике применения судами законодательства по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов" //Баллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 4. С. 11; См. также: Применение судами законодательства об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. (Обзор судебной практики) //Баллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 6, С. 37.
2. По данным Верховного Суда СССР на практике лишение свободы за преступные искажения отчетности о выполнении планов применялось только в отношении 11,6% осужденных. См.: Куликов В. Искажение отчетных данных - противозаконное деяние //Социалистическая законность. 1973. № 5. С. 10.
3. Изучение уголовных дел в Верховном Суде СССР показало, что 75%

Исправительные работы без лишения свободы были применены к 60,8% осужденных, в том числе по месту работы - к 27,6%, что, на наш взгляд, нельзя признать правильным: оставление первых руководителей и главных (старших) бухгалтеров, дискредитировавших себя совершенными преступлениями, в прежних коллективах вряд ли будет способствовать целям наказания¹. На это обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июля 1972 г. "О практике применения судами исправительных работ без лишения свободы", указав, что "суды, как правило, не должны назначать исправительные работы с отбыванием по месту работы лицам, совершившим преступления, связанные с выполнением ими служебных или профессиональных обязанностей, когда оставление на прежней работе может привести к снижению воспитательного значения наказания..."²

Тем не менее ошибки и недостатки в этой части судебной деятельности в Казахской ССР имеются. Например, Калининский районный народный суд Алма-Аты, признав заместителя генерального директора обувного объединения "Джетысу" А. виновным в приписках, назначил ему исправительные работы с отбыванием наказания по месту работы. Приговор по данному делу отменен в порядке надзора, и дело направлено на новое рассмотрение³.

Реже, чем исправительные работы, суды определяли наказание в виде штрафа (4,9%). Изучение условных дел показало, что применение штрафа эффективно в отношении лиц, совершивших преступление впервые и если деяние не представляет большой общественной опасности. Репидив среди лиц, которым по ст. 151-1 УК Каз. ССР был назначен штраф, нами установлен не был. Поэтому мы разделяем мнение о необходимости

должностных лиц, совершивших приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, одновременно осуждены по совокупности за хищения государственного или общественного имущества и другие корыстные преступления. См.: О повышении роли судов в борьбе с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов (Обзор судебной практики)//Бюллетень Верховного Суда СССР. 1981. № 1. С. 35.

1. В.С.Устинов полагает, что свыше 80% осужденных по ст. 152¹ УЛ РСФСР (ст. 151-1 УК Каз. ССР. - В.П.) остаются работать на тех же должностях. См.: Устинов В.С. Преступные искажения отчетности и борьба с ними. Уголовно-правовая характеристика хозяйственных преступлений//Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. Горький. 1978. Вып. 12. С. 35.
2. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4. С. 32.
3. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 6. С. 40.

расширения применения штрафа как основной меры наказания, предусмотренного уголовным законом ¹.

В процессе исследования нами были опрошены практические работники (прокуроры, следователи, судьи) относительно эффективности действующего наказания за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. Из 80 опрошенных 32,5% высказывались за увеличение размера штрафа.

В санкции ст. 151-1 УК Каз.ССР предусмотрена возможность назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По изученным уголовным делам это дополнительное наказание применялось в большинстве случаев к лицам, осужденным к лишению свободы (77%). К осужденным к штрафу данное наказание не применялось вообще.

Рассматриваемое наказание должно назначаться за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов тогда, когда оставление лиц в прежней должности невозможно, т.к. преступление совершено с использованием служебного положения. Так, принимая решение об исключении этого дополнительного наказания из приговора по делу С. Пленум Верховного Суда СССР особо отметил, что оно имеет целью предупредить в дальнейшем совершение этим же лицом аналогичных преступлений ².

Между тем анализ материалов практики показал, что иногда суды не только не назначают рассматриваемое дополнительное наказание, но и не обсуждают вопроса о его применении, о чем неоднократно указывал Верховный Суд СССР ³.

-
1. См., например: Гальперин И.М. О видах и системе наказаний//Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. М., 1981. С. 68.
 2. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1973. С. 101.
 3. См., например: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 4. С. 13; № 6. С. 40.

КРАТКИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

О. В. ДМИТРИЕВ

Вымогательство — сравнительно новый вид преступного посягательства. Как самостоятельный деликт оно стало оформляться лишь в XVII веке. В различных правовых системах вымогательство имело неодинаковые источники: считалось разновидностью принуждения или дополнением к понятию воровства. Отсюда различия в отнесении его к различным группам преступлений — имущественных или против личности. Как бы то ни было, нецелесообразно было оставлять безнаказанным деяние столь же коварное, как воровство, и столь же опасное, как посягательство на личность. И так как случаи этого рода полностью не подпадали под существовавшие понятия воровства и т. д., была создана новая норма, которая с небольшими изменениями была воспринята разными направлениями уголовного права и почти в неизменной редакции дошла до наших дней.

Попытаемся дать краткий анализ сущности вымогательства, используя следующее определение: "Вымогательство — это вынуждение посредством противоправного действия или угрозы таковой имущественной выгоды, на которую лицо не имеет основанных на праве притязаний". Хотя это понятие отличается от существующего в современном уголовном праве и приведенного в действующем УК, но оно точнее отражает внутреннее содержание правонарушения.

Если с объективной стороны преступное действие при вымогательстве должно быть определено как вынуждение имущественной выгоды посредством противозаконных действий или угрозой таковыми, то видно следующее. Ближайшим последствием действия преступника является определенное ограничение свободы потерпевшего, которое влечет и повреждение его имущества. Во-вторых, путем этого повреждения обогащается вымогатель. В-третьих, объекты повреждения и обогащения совпадают. Теперь необходимо рассмотреть средства, используемые вымогателем и обозначенные термином "противозаконные действия или угрозы таковыми", а также "имущественную выгоду" и причинную связь между деянием и последствием.

Действие вымогателя состоит в подчинении воли другого лица своей воле, что приводит к сознательному решению жертвы о нанесении ущерба своему имуществу. Но насилие или угрозы не должны парализовать свободу действия жертвы - принуждение возможно только через сознание и волю потерпевшего. Вымогательство предполагает . . . активную роль принуждаемого: под угрозой или насилием он оказывает помощь и способствует тому, что преступник достигает намеченной цели. Эта деятельность носит характер распоряжения своим имуществом, в результате чего имущество жертвы уменьшается, а имущество правонарушителя на такое же количество возрастает. Воздействуя на волю жертвы, вымогатель использует средства, которые сами по себе являются противозаконными и за которые лицо может понести наказание вне состава вымогательства. Имущественный ущерб налицо, когда из имущества изымается какая-либо его часть; не важно - вещь или права по имуществу.

Приведенное определение вымогательства конструируется как принуждение с намерением доставить себе имущественную выгоду. Вред наносится имуществу, хотя и посредством подчинения воли, поэтому принуждение как посягательство на личную свободу должно рассматриваться только как средство посягательства на чужое имущество. Без сомнения, преступник при вымогательстве посягает и на личную свободу, но основным является тот объект, который составляет цель его деятельности, все остальные объекты представляются ему средствами, являются дополнительными. Объектом вымогательства может быть только чужое имущество, т.е. на которое лицо не имеет права по закону. Иначе применяются другие нормы, например, о самоуправстве, злоупотреблении властью.

Вымогательство как вынуждение имущественной выгоды является преступлением корыстным, т.е. налицо корыстный мотив и цель - извлечение имущественной выгоды. Для рассмотрения субъективной стороны остается умысел. Умысел заключает в себе: сознание отсутствия права на имущественную выгоду, сознание противозаконности действий, являющихся средствами вынуждения, и сознание всех являющихся причинной цепи в их взаимной обусловленности, что в своем сочетании создает противоправное вынуждение имущественной выгоды.

Анализ отдельных признаков позволяет сделать вывод. При противоречии приведенных конструктивных черт с какими-либо другими последние должны выходить за рамки состава вымогательства и отражаться в иных нормах уголовного права.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

М. П. Клейменов

Уголовно-правовой аспект прогнозирования индивидуального преступного поведения заключается прежде всего в определении потенциальным преступником вероятности быть привлеченным к ответственности за возможное посягательство и понести наказание. Как видим, предвидение в данном случае является индивидуальным в буквальном смысле слова, его субъектом в первую очередь выступает лицо, склонное к совершению преступления. В этом — специфика уголовно-правового подхода к рассматриваемой проблеме; он не присущ криминологии, которая занимается определением вероятности совершения лицом преступления. Ясно, что такая цель не может быть поставлена аутентично. Оригинальна и позиция исследователя уголовно-правового прогнозирования индивидуального преступного поведения, обязанного поставить себя "на место" общественно опасной личности, уяснить характер и процесс оценки риска быть привлеченным к уголовной ответственности. Разумеется, имея в виду особенности уголовно-правового прогнозирования индивидуального преступного поведения, не следует игнорировать и то, что объединяет различные подходы к изучению общественно опасного поведения. Таким связующим звеном является криминальная мотивация, анализ которой представляет интерес для исследования проблемы предвидения как с уголовно-правовой, так и криминологической точки зрения. Отметим, что уголовно-правовое прогнозирование в данном случае "поставляет" информацию для прогнозирования криминологического. В свою очередь тот опыт, который накоплен и обобщен специалистами в области предвидения социально опасного поведения, с успехом может быть использован для достижения целей уголовно-правового прогнозирования. Такой опыт свидетельствует, в частности, что для составления прогноза необходимы изучение и типологизация лиц, склонных к совершению преступлений.

Действительно, отношение субъектов к возможности быть привлеченными к ответственности за нарушение уголовно-правового запрета может изменяться в широких пределах, приобретать различный характер, иметь специфические особенности. В этом плане теоретически можно выделить ряд групп уголовно-правового риска.

1. Субъекты, считающие себя столпами вне пределов уголовно-

правового регулирования, относящиеся к возможности привлечения их к уголовной ответственности, несмотря на совершение общественно опасного посягательства, как к нереальной (группа "вне риска"). Новейшая историография представила нам обширную галерею типов, занимавших высокие государственные посты, организовывавшие геноцид, разрушение материальной и духовной культуры, широкомасштабную коррупцию. Многие из них сами стали жертвами террора, активными участниками которого они являлись, многие так и не понесли никакой ответственности. Характерная черта их криминальной психологии - осознание полной личной безнаказанности, вседозволенности. Обретение соответствующего должностного статуса обеспечивало им положение "над законом". Ситуация в этом отношении изменилась, однако не настолько, чтобы можно было говорить об исключительности рассматриваемого подтипа субъектов. Элитарная группа пополняется в итоге образования дополнительных государственных структур, расширения круга лиц, обладающих большими властными полномочиями, формирования замкнутых управленческих систем, не имеющих зачастую фактически независимых органов, осуществляющих контрольные функции.

К группе "вне риска" относятся также организаторы преступной деятельности, являющиеся по существу идеологами криминальной среды, так называемые "воры в законе". Материалы исследований показывают, что функции таких лиц включают в себя пропаганду преступного образа жизни, создание и распределение материального фонда с целью финансирования криминальной деятельности, подкупа должностных лиц, определение направлений криминального бизнеса, организацию "сходок" для обсуждения проблем стратегии и тактики деятельности преступных организаций и другое. Исполнителями преступлений они, как правило, не бывают; привлечь их к уголовной ответственности чрезвычайно сложно.

2. Лица, сознательно ориентирующиеся на риск в силу противоправного образа жизни (группа привычного риска). Данная группа включает членов криминальных организаций, непосредственно участвующих в совершении преступлений, профессиональных преступников, действующих как в сфере общеуголовной, так и экономической преступности. К ним следует отнести "боевиков" ("гладиаторов", "бойцов"), выполняющих функции телохранителей лидеров криминальной среды; руководителей преступных групп, входящих в структуру организованной преступности; рядовых исполнителей, занимающихся вымогательством, сбытом наркотических веществ, разбоями, грабежами и

кражами, в частности, с проникновением в жилище граждан, имеющих материальные ценности; организаторов азартных игр, карманных воров, мошенников - шулеров, лиц, систематически занимающихся спекуляцией в крупном размере, организованными хищениями и т.п. Трудно дать полный перечень субъектов, привычно пренебрегающих возможностью быть привлеченными к уголовной ответственности, учитывая постоянное появление новых форм и областей криминальной деятельности, сознательное восприятие опыта, накопленного в структурах зарубежной организованной преступности. В последние годы, к примеру, возник тип убийцы ("киллера"), совершающего преступления "по найму".

Профессиональная преступная деятельность, естественно, включает в себя способы и приемы минимизации уголовно-правового риска. К ним относятся: выбор жертвы посягательства из числа лиц, участвующих в совершении преступлений, скомпрометированных определенными противоправными действиями; тщательная подготовка к совершению преступления; воздействие на потерпевших и свидетелей посягательства, осуществляемое путем психического и физического насилия; обеспечение конспирации и контрразведывательной деятельности в отношении правоохранительных органов; использование квалифицированной юридической помощи в процессе подготовки к совершению преступления и после возбуждения уголовного преследования; дезинформация общественного мнения в пользу правонарушителей с помощью средств массовой коммуникации и иным образом; угрозы и насилие в отношении сотрудников правоохранительных органов, лиц, осуществляющих частное расследование, собирающих соответствующую информацию с целью придать её гласности, коррумпирование представителей системы уголовной юстиции и др.

3. Правонарушители, полагающиеся на "везение", оправдывающие риск выгодой, которая может быть получена в результате совершения преступления (группа оправданного риска). Разумеется, риск считается оправданным с позиции субъектов, составляющих данную группу. Имея, как правило, относительно небольшой криминальный опыт, эти лица надеются, что, совершая преступления экономически, можно успешно избежать возможности привлечения к уголовной ответственности. Мотивы корысти, преобладающие среди представителей рассматриваемой категории, преобладают над соображениями конечной невыгодности криминального варианта поведения. Угрозу наказанием они склонны расценивать подобно участию

кам лотереи, рассчитывающим скорее выиграть, чем проиграть. Анализ объективных факторов, под влиянием которых складывается подобное мнение, убеждает в том, что такой расчет оказывается часто обоснованным. Кризис власти, болезненное состояние экономики, неэффективная работа существующих правоохранительных структур привели к беспрецедентной безответственности лиц, совершающих различного рода злоупотребления. Все это воздействует на неустойчивых граждан, которые, оказываясь в соответствующей ситуации, рискуют вполне сознательно.

4. Субъекты, сознательно пренебрегающие вероятностью быть привлеченными к уголовной ответственности (группа легкомысленного риска). Трудно подобрать более точное выражение, характеризующее отношение субъектов, входящих в эту группу, к возможности уголовного преследования за действия, которые они намерены совершить. То, что высокая вероятность быть привлеченными к уголовной ответственности не останавливает их от реализации преступного намерения, заставляет предложить здесь не только беспечность и возможный расчет на снисходительность потерпевшего, но и определенную патологию.

5. Лица, которые в силу определенного эмоционального состояния не могут оценить правовые последствия преступных посягательств (группа эмоционального риска). В противоположность представителям предыдущей категории оценка будущего не руководит поведением субъектов, составляющих данную группу, по причине высокого эмоционального напряжения, которое по существу подавляет способность личности к рациональным действиям, включая предвидение их уголовно-правовых последствий.

6. Лица, ошибающиеся в оценке сложившихся обстоятельств, недооценивающие вероятность уголовно-правовой квалификации их действий в экстремальной ситуации (группа ситуационного риска).

7. Категория правонарушителей, неоправданно рискующих при выполнении профессиональных обязанностей (группа профессионального риска). Многие профессии связаны с необходимостью выбора варианта решения из набора альтернатив, вероятным последствием которых может быть привлечение субъекта к уголовной ответственности.

Приведенная типология, конечно, во многом схематична. Однако её обоснованность подтверждается как эмпирическим опытом, так и материалами специальных исследований. Поэтому она может служить рабочей основой для изучения проблемы прогнозирования индивидуального преступного поведения с уголовно-правовой точки зрения.

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА

В. В. Бабурин

По данным криминологических исследований один из значительных факторов роста преступлений в сельской местности — уничтожение традиционного уклада сельской жизни, изменение образа жизни сельского населения, утрата традиций сельской общины, годами не знавшей преступлений во многих населенных пунктах. Среди целого комплекса причин, способствовавших этому на всем протяжении развития советского государства (таких, как переселение народов, ликвидация зажиточных крестьян, коллективизация и др.), особо следует выделить негативные последствия реализации некоторых направлений развития сельского хозяйства и социального переустройства села.

Примерно с середины 60-х годов основным направлением развития сельского хозяйства стало создание агропромышленных комплексов. Следует отметить, что это происходило не только в нашей стране. Формирование агропромышленных комплексов — объективный процесс как для социализма, так и для капитализма (См.: Чистякова В. Н. Агропромышленный комплекс ФРГ: Некоторые теоретические проблемы // Вестник ЛГУ. Сер. Экономика. Философия. Право. Вып. I. 1973. № 5. С. 149—153). Однако осуществление его проводилось различными способами и методами, на выбор которых влияли особенности этих систем. В результате социально-экономическое содержание самих агропромышленных комплексов также неодинаково. Рассмотрим те методы, которые непосредственно вызвали криминогенные различия, опосредствовали росту правонарушений на селе. Прежде всего, это осуществление центральной идеи агропромышленного комплекса (АПК) — концентрация, специализация сельскохозяйственных предприятий без учета местных особенностей. Решение этой задачи было тесно связано с теорией ускоренного социального развития села, согласно которой предполагались концентрация населения, сил и средств в центральных усадьбах и уничтожение "неперспективных" деревень, расположенных вдалеке от хороших дорог, малорентабельных и т. д. На первый взгляд, это было единственно правильное решение социальных проблем села, так как людям необходимы благоустроенное жилье, широкая сеть социально-бытовых услуг. В центральных усадьбах удовлетворение этих потребностей предполагалось осуществить быстрее и экономичнее. Программа ликвидации "неперспективных" деревень охватила всю страну,

многие сельские населенные пункты были уничтожены. Подобный процесс не только имел огромные масштабы у нас, но и оказал влияние на другие социалистические страны. Так, например, в Румынии для реализации подобных планов было намечено уничтожение 8 тыс. деревень и переселение их жителей в агропромышленные комплексы современного типа. Первая фаза предусматривала одновременное уничтожение - снос 2 тыс. деревень, включая снос церквей и кладбищ. Затем должны были срыть с землей еще 6 тыс. Примерный объем экономических последствий подобной деятельности в последнее время в нашей стране известен каждому. Меньше известны и изучены криминологические последствия.

Укрепление крупных сельских населенных пунктов, уничтожение при этом мелких, "неперспективных" деревень, переселение их жителей в современные агропромышленные поселки привели к быстрому уничтожению духа сельской общины, исторически сложившегося в этих населенных пунктах. Это происходило в результате , с одной стороны, разрушения уклада, создававшегося десятками лет, расселения людей, живших в соседстве не много лет , с другой стороны - приезде в эти сельские населенные пункты на работу по строительству крупных агропромышленных предприятий новых лиц, зачастую временщиков, не имеющих постоянного места работы и жительства. Кроме этого, существовали и другие факторы. Это и негативные последствия направления на сельские стройки лиц, условно осужденных и освобожденных от наказания, отбывание осужденными в сельской местности таких наказаний, как ссылка и высылка, а также политика создания образцово-показательных городов, выселения из них в сельскую местность лиц, ранее судимых за преступления. В результате влияния этих факторов разрушался уклад и моральный . климат деревень. Всё это не могло не сказаться на общей характеристике преступности на селе.

По данным криминологических исследований в настоящее время среди населенных пунктов сельской местности наиболее сложна криминологическая обстановка складывается в поселках агропромышленного комплекса, определяемых как средние по численности населения сельские населенные пункты, где располагаются крупные сельскохозяйственные предприятия агропромышленного комплекса (См.: Бабурин В.В. Предупреждение преступлений в поселках АПК //Защита прав и интересов граждан, предприятий, организаций: Доклады мѣжвузовской конфер. (Кемерово, 12-14 декабря 1989 г.). Кемерово, 1989. С.108-110). Об этом свидетельствует, например, тот факт, что уровень преступности в таких сельских населенных пунктах выше, чем в среднем по сель-

ской местности. Так, в 1980-1990 гг. в ряде поселков агропромышленного комплекса Западно-Сибирского региона рост преступлений опережал рост преступлений в районных центрах и иных сельских населенных пунктах, существенно влияя на динамику преступности в целом по области.

Об этом свидетельствует также структура преступности в поселках агропромышленного комплекса, которая существенно отличается от структуры преступности в иных сельских населенных пунктах наличием преступлений, свойственных больше городской нежели сельской преступности (например: уклонение от лечения венерического заболевания (ст.115¹ УК РСФСР); злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание детей (ст.122 УК РСФСР); развратные действия в отношении малолетних (ст.120 УК РСФСР); приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст.208 УК РСФСР); занятие бродяжничеством и попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни (ст.209 УК РСФСР). Наибольший удельный вес в агропромышленных поселках имеют корыстные преступления, затем хулиганство, неосторожные и насильственные преступления. В конечном итоге по уровню преступности агропромышленные поселки занимают промежуточное положение между городскими и сельскими населенными пунктами.

Подобное положение не могло не вызвать тревогу у общественности, администрации и прежде всего у правоохранительных органов. Им проводится большая работа по предупреждению преступлений в сельской местности. Однако опыт участия в работе по укреплению правопорядка в этих населенных пунктах, в осуществлении профилактических мероприятий свидетельствует об их низкой эффективности. И это неслучайно, поскольку, во-первых, возможности увеличения числа этих мероприятий на селе ограничены, во-вторых, они не касаются основных причин низкой уровня правопорядка. Поэтому в этих условиях основное внимание должно быть уделено устранению негативных последствий названных выше факторов. При этом решающий успех борьбы с преступностью на селе связан с внешне незаметной, повседневной профилактической работой в трудовых коллективах, семьях и школах. Большую роль в последнее время в повышении эффективности такой работы представляют новые формы организации сельскохозяйственного производства, арендные, бригадные подряды. Они становятся признанными способами закрепления трудовых навыков человека, крайне неблагоприятных для правонарушений.

БРОДЯЖНИЧЕСТВО И ТУНЕЯДСТВО – УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ТЯЖКИХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ю. И. Евстратов

Криминологические исследования показывают, что между тунеядством, бродяжничеством и преступностью, особенно рецидивной, существует самая тесная зависимость. С одной стороны, тунеядство и бродяжничество оказывают существенное влияние на формирование и реализацию антиобщественных взглядов и, следовательно, могут рассматриваться условиями, способствующими совершению преступлений, в том числе рецидивных. С другой стороны, с укреплением антиобщественных взглядов, ростом преступной активности, количества судимостей увеличивается стремление преступников уклониться от общественно полезного труда, вести нетрудовое паразитическое существование.

По нашим данным, почти половина преступников, осужденных за тяжкие насильственные преступления, являлись тунеядцами и бродягами². Одни стали уклоняться от трудоустройства и вести разгульный образ жизни, пьянствовать и совершать преступления после увольнения с последнего места работы. Другие не захотели трудоустроиваться после освобождения от уголовного наказания и, посетившись у родственников, друзей, сожительниц, либо ночуя в случайных местах³, начали пьянствовать и вести паразитическое существование. Третьи стали уклоняться от общественно полезного труда и бродяжничать после того, как сбежали из дома и школы, либо после окончания учебного заведения.

46,1 % названных разновидностей тунеядцев уклонялись от работы в течение нескольких (до 6) месяцев, а 53,9 % – более 6 месяцев, из них 13,0 % – более 3 лет. Стремление преступников уклониться от общественно полезного труда было обусловлено не только нежеланием трудиться, но и теми препятствиями, трудностями, которые они встретили при попытках трудоустроиться. Многие тунеядцы заявили

1. Яковлев А. М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964, С. 206; Кориков В., Готлиб Р. Предупреждение тунеядства и рецидива преступлений // Социалистическая законность, 1986, № II, С. 47; Предупреждение рецидива преступлений. Томск, 1990, С. 15.

2. Среди тех преступников, которые находятся в трудовых отношениях, абсолютное большинство систематически нарушали трудовую дисциплину, пьянствовали на производстве, были "летунами", т. е. фактически уклонялись от общественно полезного труда.

3. Например, осужденная В. пояснила суду: "Не работаю уже 14 лет, кожу по лесам, как волк, от всех прячусь, ночуя в стогах сена или где придется".

на суде, что не работали долгое время еще и потому, что им приходилось искать место работы по нескольку месяцев и безуспешно. Встречая прямо или косвенно выраженное нежелание принимать их на работу, они отказывались от попыток трудоустроиться и окончательно становились тунеядцами,

Нами установлено, что трудоустройство изученных преступников, а также контроль за их поведением были организованы крайне слабо. В большинстве случаев они отсутствовали вообще. Отделы по трудоустройству учетом таких лиц не занимались, реальную помощь в устройстве на работу им не оказывали, даже уголовно-правовые средства (которым на практике отдается предпочтение)⁴ к изученным лицам почти не применялись.

Установлено также, что значительная часть тех лиц, которые были трудоустроены после освобождения от уголовного наказания, работали на предприятиях недолго и уходили с производства не только по своей инициативе, но и по инициативе администрации предприятий. Администрация предприятий, увольняя их, ссылаясь обычно на какие-нибудь "объективные" причины (например, на недостаточный уровень квалификации), подчеркивая при этом, что ей было сделано все необходимое для закрепления данных лиц на производстве, для приобщения их к труду. И хотя время работы этих лиц на предприятии составляло всего несколько месяцев⁵, по мнению работников предприятий, данное обстоятельство принципиального значения не имеет.

Согласиться с такой практикой трудоустройства и приобщения к труду лиц, освобожденных от уголовного наказания, нельзя. Здесь также, как и при перевоспитании в местах лишения свободы, необходимы четкие критерии оценки деятельности и самих воспитуемых, и органов, участвующих в приобщении их к честной трудовой жизни.

В связи с этим заслуживает поддержки высказанное в юридической литературе мнение о том, что эффективность работы комиссий по трудоустройству, равно как и трудовых коллективов, правоохранительных органов, участвующих в борьбе с тунеядством и бродяжничеством, сле-

4. Среди значительной части работников правоохранительных органов бытует мнение, что наиболее радикальный путь борьбы с тунеядством - это привлечение к уголовной ответственности и изоляции от общества. Лохмелкин А. Уголовное законодательство в борьбе с тунеядством // Социалистическая законность. 1986, № 3, с. 32.

5. От одиннадцати до одного месяцев.

дует оценивать в зависимости от реального закрепления на предприятиях лиц, уклоняющихся от трудоустройства.

Следует согласиться и с тем, что реальное закрепление имеет место тогда, когда сроки работы профилактируемого на данном предприятии составляют не меньше года ⁶.

Однако, по нашему мнению, сама по себе трудовая деятельность, хотя бы и продолжительная по времени, не может рассматриваться достаточным показателем реального закрепления на предприятии. Именующиеся у нас данные криминологического исследования показывают, что значительная часть лиц, трудоустроенных после освобождения от уголовного наказания, лишь числятся работающими на предприятии. Фактически они появляются на работе не каждый день, часто покидают предприятие до окончания рабочего дня, пьянствуют на производстве, занимаются изготовлением посторонних предметов, в том числе холодного и огнестрельного оружия. У многих такая "трудовая деятельность" продолжается не год и не два. Выносимые им со стороны администрации предприятия и трудовых коллективов предупреждения, дисциплинируют их не всегда и не надолго.

Объясняется это главным образом тем, что, соглашаясь на трудоустройство после освобождения от уголовного наказания, данные лица преследуют цель создать себе прикрытие на случай привлечения их к административной или уголовной ответственности за тунеядство. Поэтому мы считаем, что показателями реального закрепления данных лиц на производстве и приобщения их к труду должны быть не только время трудовой деятельности, но и фактическое выполнение трудовых обязанностей, т.е. соблюдение трудовой дисциплины, выполнение норм выработки и т.п.

Изучение материалов уголовных дел показало также, что в трудовых коллективах членами которых являлись лица, совершившие такие насильственные преступления, практически не существовало такой эффективной формы воспитательно-профилактического воздействия, как индивидуальное или коллективное шефство.

Хорошо организованная работа дает значительные положительные результаты. Ее эффективность зависит от ряда условий: если лица, выполняющие шефскую работу, связаны с профилактируемыми по месту работы и (или) жительства; если шефы хорошо знают личностные особенности профилактируемых и умеют с ними работать.

⁶ Антонов О. Пресекать тунеядство // Социалистическая законность, 1986, № 8, с. 8.

РОЛЬ НАЛОГОВЫХ ИНСПЕКЦИЙ ПО УСТРАНЕНИЮ УСЛОВИЙ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ ХИЩЕНИЯМ В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КООПЕРАТИВОВ

И. А. Никитина

Трудности переходного периода и изъяны в формировании рыночных отношений создают благоприятную обстановку для злоупотреблений и финансовых махинаций. Произошло изменение в структуре экономической преступности, характеризующееся ростом злоупотреблений в области финансов, а также правонарушений в налоговом законодательстве. Значительная доля таких нарушений приходится на кооперативы. Погоня за получением максимальной прибыли любыми средствами приводит их к несоблюдению уставов, другим нарушениям действующего законодательства. Уровень доходов кооперативов несоизмерим с объемами фактически произведенных ими товаров и услуг.

В большинстве кооперативов, проверенных налоговыми службами в Томской области, вскрыты нарушения основных положений ведения кассовых операций, учета поопечатных сумм, сохранности денежных и материальных средств.

Так, значительное число кооперативов, имевших счета в кооперативном банке "Универсал", производили расчеты с кооперативами и общественными организациями по своим обязательствам наличными деньгами, тогда как расчеты наличными деньгами предусмотрены только с населением и в случаях, установленных законодательством.

Многими кооперативами не определяются и не согласовываются предельные размеры наличных денежных средств, постоянно находящихся в кассах на текущие расходы, не соблюдается порядок ведения кассовых книг, что способствует хищениям денежных средств.

На положении дел сказывается несовершенство правовых и организационных форм финансового контроля.

В соответствии с действующим законодательством налоговым инспекциям предоставлено право проверки денежных документов; бухгалтерских книг, отчетов и иных документов; получения справок, документов и копий с них; проверки достоверности данных об источниках получения средств. Приведенный перечень прав налоговых инспекций показывает, что выполнение функций осуществляется налоговыми инспекциями практически путем чисто арифметического подсчета данных, которые содержатся в исходных первичных документах, а также сопоставления их со сведениями, показанными в декларациях. Следует также отметить, что налоговым инспекторам предоставляется право обследовать любые произ-

родственные, складские, торговые и иные помещения, которые используются для извлечения доходов либо связаны с содержанием объекта налогообложения.

Однако из-за малочисленности налоговых специалистов, недостатка опыта в связи с небольшим сроком работы этой службы, эти права используются не в полной мере. К этому нужно добавить также несоответствие фактического адреса кооператива с данными, указанными в уставе. В результате всего этого не только налоговый инспектор, но нередко и орган дознания или следствия не могут установить местонахождение кооператива.

Губительное влияние на экономику страны оказывает отсутствие в законодательстве четкого требования ответственности предприятия и предпринимателя по своим долгам. В основном кооперативы владеют движимым имуществом: товар и деньги, т.е. то, что можно быстро реализовать или спрятать. А можно жить вообще все время в долг за счет кредитов и авансов. Так и рождаются кооперативы - "однодневки", в дальнейшем - банкроты и неплательщики. Их руководители, оставляя крупные задолженности перед кредиторами и бюджетом, просто увольняются и образуют новые. Приведу пример. Молодой человек, начав свою деятельность в молодежном кооперативном центре при райкоме комсомола в 1988 году и наделав там долгов, благополучно уволился (состав преступления не был доказан) и образовал в 1989 году кооператив, который развернул многоотраслевую деятельность: ремонтные и строительные подряды, посредничество. Учёт находился в запущенном состоянии. После проверки налоговой инспекции, вскрывшей ряд финансовых злоупотреблений, началась ревизия КРУ.

В период ревизии все руководящие работники постепенно уволились, а акт ревизии на 70 листах, представивший незаконные операции, принесшие предприятию ущерб на сумму 500 тысяч рублей, остался неподписанным до сих пор. Бывший председатель кооператива стал теперь уже руководителем нового малого предприятия. Кооператив не работает, хотя официально не ликвидирован. Долги повисли в воздухе, платить некому. Материалы ревизии переданы в следственные органы.

Серьёзно осложняет деятельность налоговых инспекций - ненадлежащая постановка бухгалтерского учета. Согласно российскому законодательству предприятия обязываются вести бухгалтерский учет. Но это является формальным требованием, ибо за отсутствием одного или наличие двойного учета (для себя и для налоговой инспекции) от-

ответственность законом не предусмотрена. Налоговой инспекции предоставлено право штрафовать руководителей предприятий за непредставление и отсутствие бухгалтерского учета. Но эти суммы слишком малы, если учесть, что личные доходы этих лиц исчисляются тысячами. Да и взыскать штраф зачастую не представляется возможным, поскольку движимое имущество легко скрыть, а о денежном вкладе в сбербанке налоговой инспекции вообще не положено знать.

Нагушение обязанности ведения бухгалтерского учета, как правило, начинается одновременно с возникновением затруднений в платежах. Подобного рода практика (вплоть до уничтожения всех бухгалтерских документов) получила широкое распространение в деятельности кооперативов, что подчеркивает необходимость введения в законодательство самостоятельной ответственности за такие действия.

Предоставленные налоговым инспекциям права явно недостаточны для претворения возложенных на них функций по финансовому контролю. Зарубежный опыт показывает, что контроль может быть успешным только при наделении налоговых служб полномочиями органов дознания с правом привлечения виновных не только к финансовой, административной, но и к уголовной ответственности.

Восполнить этот недостаток призван принятый 18 марта 1992 года Указ Президента Российской Федерации, которым было предусмотрено создание Главного управления налоговых исследований при Государственной налоговой службе Российской Федерации. Основной целью его является предупреждение, выявление и пресечение нарушений налогового законодательства, а также обеспечение безопасности деятельности этой службы. Предусмотренные меры по организации взаимодействия органов внутренних дел и управлений налоговых исследований будут способствовать предупреждению, пресечению и раскрытию как хищений в сфере хозяйственной деятельности кооперативов, так и преступности в сфере экономики вообще.

ЗАРУБЕЖНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ О ПРИЧИНАХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ

ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С. А. Елисеев

В зарубежных странах, как известно, основную массу совершаемых преступлений составляют имущественные преступления. При этом в динамике регистрируемых имущественных преступлений на протяжении многих лет отмечается их неуклонный рост. Разумеется, зарубежные криминологи не могли не обращать внимания на проблему причин имущественных преступлений. Свои суждения по ней высказали представители как социологического, так и биопсихологического направлений. Причем одни авторы этой проблеме посвятили специальные исследования, другие анализировали ее в контексте работ, посвященных более общим криминологическим вопросам. Так, американский юрист Р. Кларк, размышляя в своей книге об основных чертах преступности в США, отметил, что имущественные преступления, начиная от похищения детьми сладостей с прилавка и кончая мошенничеством на много миллионов долларов, отмечает безразличие к участи других людей. Эта своеобразная нечувствительность, как утверждает он, в значительной мере представляет собой отражение установок, сформировавшихся в процессе социального опыта. "Если факторов, способствующих совершению преступления, много и они разнообразны, — пишет Р. Кларк, то сама способность совершить преступление развивается в раннем детстве — тогда, когда формируется характер". По его мнению, дети, живущие там, где у людей нет прав, осуществления которых они могли бы добиться, редко уважают права других. "У молодежи пригородов, живущей в условиях полного материального достатка, мотивы для совершения имущественных преступлений (а эта преступность здесь быстро растет) иные; ... причинными факторами в этих случаях являются безнадзорность, тревога, разрушение семьи, бессодержательная жизнь, одиночество индивида в огромном коллективе средней школы, неумение определить себя как личность. Как видим, Р. Кларк рассматривает имущественную преступность как явление, порождаемое многими обстоятельствами. На его взгляд, преступления против собственности являются результатом действия, с одной стороны, особенностей индивида — присущих ему установок, с другой — внешних факторов (социальных, социально-экономических и иных). К внешним факторам он, в частности, отнес не только названные выше безнадзорность, разрушение семьи, бессодержательную жизнь и пр., но и бесправие, убогость жизни, алкоголизм, наркоманию, плохое функционирование системы юс-

тиции. Причем, по мнению Р.Кларка, именно совокупность этих обстоятельств порождает преступность, в том числе и имущественную. "Ни один из этих компонентов, взятый в отдельности, — пишет он, — не объяснит нам всего того, что нам надлежит знать для эффективного предупреждения антисоциального поведения". (См.: Кларк Р. Преступность в США. М., 1975. С.23,50,51).

Следует сказать, что концепция множественности факторов имущественной преступности получила в западной криминологии широкое распространение. В качестве криминогенных факторов рассматривают различные явления и сочетания явлений жизни современного общества. К ним относят миграцию, урбанизацию, увеличение плотности населения, научнo-технический прогресс и др.

Урбанизацию и связанное с нею переселение больших групп населения из сельской местности в города рассматривают в качестве серьезных причин роста преступности. По мнению западных криминологов, урбанизация влечет изменения общественных отношений и житейского сознания. Более высокий уровень преступности в городах определяется спецификой городской жизни: социальной изоляцией, отсутствием тесных контактов между соседями, друзьями и даже членами семьи, недостаточным материальным обеспечением, неважными жилищными условиями. Кроме того, в городах концентрируются товары и деньги, необходимые для их приобретения, жизнь ведется по неизвестным деревне стереотипам, где главное место занимает потребление. В житейском сознании важную роль играет получение денег и удовлетворение своих материальных потребностей. Акцент на это влечет за собой повторяемость процесса, в котором уместность и законность средств достижения целей отходят на второй план и стимулируются крупные и мелкие имущественные преступления. Также отмечается, что на рост имущественной преступности влияет масштаб города, населенного пункта. Чем крупнее город, населенный пункт — тем больше преступлений в нем совершается (Преступность в скандинавских странах и некоторые вопросы уголовной политики// Актуальные проблемы правопедения за рубежом. М., 1989 С.125-129-134).

В зарубежной криминологии много внимания уделено анализу связи имущественной преступности с безработицей. Авторы, занимающиеся этой проблемой, отмечают сильную корреляцию "безработица — имущественные преступления". Социально-психологический механизм связи этих явлений объясняется следующим образом: "чем ниже возможный доход от правомерной деятельности, тем более "привлекательной" с экономической точки зрения становится противоправная. При

относительно стабильном уровне доходов неравенство в их распределении способствует формированию различного отношения к "выгодам" противоправного поведения. И если само неравенство в распределении доходов уже оказывает неблагоприятное воздействие на индивидов с низким доходом, то возникающие дополнительно относительные лишения способствуют принятию противоправного поведения. В работах зарубежных криминологов подчеркивается, что одним из факторов имущественной преступности является бедность, при этом некоторые исследователи наряду с "классической бедностью" различают "новые формы бедности", относя к ним те или иные события, создающие напряженность в семейном бюджете, в частности, покупку жилища, автомашины, крупногабаритных электробытовых приборов длительного пользования, чрезмерные расходы на обучение детей и т.д.

Рост имущественной преступности в период интенсивного развития экономики связывают также с ростом соблазнов, вставших перед правонарушителями, и ослаблением моральных принципов, противостоящих этим соблазнам. Буржуазные криминологи отмечают, что помимо расширения ассортимента привлекательных товаров наблюдается и совершенствование техники. Многие предметы торговли, например, телевизоры, магнитофоны, радио, усовершенствовались, стали более компактными, а значит, и более удобными объектами для кражи. Возрастание имущественной преступности связано, на их взгляд, и с рекламой различных товаров, расширением сети супермаркетов. Иницирующим моментом в совершении мелких краж из магазинов считают "дразнящую доступность" товаров.

В качестве причины роста преступности называют и недостаточную охрану объектов посягательства. Так, шведский криминолог Свенссон пишет, что квартирные кражи в Швеции превратились в своеобразную "службу", осуществление которой происходит между 8-17 часами. Это связано с тем, что более 70 % женщин в Швеции работают, а потому квартиры в течение рабочего дня остаются без присмотра. Кроме того, у многих граждан имеются загородные домики, которые большую часть года пустуют. А когда их владельцы живут на даче, без надзора оказываются городские квартиры. По данным Б. Свенссона, время возвращения жителей городов после отпуска является наиболее напряженным периодом деятельности отделов городской полиции по кражам со взломом.

Во мнении ряда криминологов, на состояние имущественной преступности повлияло страхование имущества от кражи. Такое страхо-

вание, считают они, в определенной мере освобождает правонарушителя от чувства вины за содеянное, ибо преступник знает, что компенсация, которую жертва получит в качестве страховой премии, в значительной мере возместит ее потери.

Наряду с названными выше факторами, в числе причин имущественных преступлений называются индивидуальные (личностные) факторы. Так, одни из западных криминологов, анализируя причины краж из магазинов, говорят, ссылаясь на Э.Фрейда, о чувстве оправданной мести за неудовлетворенность миром, в котором приходится жить многим. Другие считают, что совершение этих краж стало своего рода спортом (особенно для молодежи) или является таким "испытанием мужества", компенсирующим тусклость быта и отсутствие острых ощущений в жизни современного человека.

Не отрицается и наличие связи между кражами и ослабленной психикой. Утверждается, что непосредственные причины совершения этих преступлений можно обнаружить в том, что лица с ослабленной психикой не могут (из-за ее нарушения) осознавать важность результатов совершенных ими деяний.

По проблеме причин имущественной преступности высказались и представители "новой" ("критической", "радикальной") криминологии — направления, возникшего в конце шестидесятых — начале семидесятых годов в США и Англии. Сторонники этого направления рассматривают кражу не как результат социализации или проявление подсознательных конфликтов, а как сознательный поступок — разновидность бунта и протеста против несправедливостей капиталистической системы, в которой формальному равенству перед законом не сопутствует экономическое равенство и равные возможности принятия решений. Представители "новой криминологии" говорят не о преступных индивидах, а о "преступной социальной системе". Поэтому в основе выдвигаемой ими программы лежит требование полного изменения капиталистической системы как важнейшее условие сокращения преступности (См.: Холлг Брунон. Криминология. Основные проблемы. М., 1980. С. 249—250).

Нельзя не заметить, что представления западных криминологов о причинах имущественных преступлений во многом эклектичны и бессистемны. Прагматически подходу к изучению причин имущественной преступности, они зачастую в один ряд ставят разноуровневые явления. В их исследованиях, как можно было увидеть, нередко смешиваются причины имущественной преступности и условия, ей способствующие.

**О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ
ФОРМИРОВАНИЮ ГРУПП НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ АНТИОБЩЕ-
СТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Л. М. Прокументов

Сложная ситуация, сложившаяся в последние годы в нашей стране с преступностью несовершеннолетних, требует глубокого изучения различных аспектов этого социального явления. Очевидно, что важное место в этом изучении должно занимать выяснение факторов, обуславливающих формирование групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, поскольку, как показывают исследования многих ученых, именно такие группы "перерастают" в преступные. В то же время одной из характерных особенностей преступности несовершеннолетних на протяжении многих лет является её преимущественно групповой характер.

В криминологической науке изучению социальных факторов, способствующих совершению подростками правонарушений и преступлений, уделяется большое внимание. Однако анализ связывается, как правило, с влиянием их на индивидуальное поведение подростка, и крайне редко речь идет о влиянии на групповое поведение. В этой связи представляет несомненную актуальность анализ некоторых социальных факторов, на наш взгляд, оказавших существенное влияние на формирование и деятельность антиобщественных групп несовершеннолетних.

I. В послевоенные годы началась резкая миграция сельского населения в город. Централизованная административно-бюрократическая система получала почти дармовую рабочую силу, выделяя рабочим участки земли под застройку жилого дома на окраине города и небольшую денежную ссуду. Поселки эти во многих крупных промышленных городах до сих пор не благоустроены, не имеют ни своих лечебных, ни культурных учреждений. В то же время в них проживает огромная масса населения.

Возникла ситуация, когда сформировавшийся в условиях сельской жизни тип культуры попадает в городскую среду и концентрируется в массе как маргинальные структуры. К сожалению, большинству мигрантов, постепенно утрачивающих свою прежнюю культуру, не удается освоить новую и стать нормальным горожанином. Основная причина — двойственность их социального положения.

Большинство людей, приехавших в город, занимались тяжелым, преимущественно ручным трудом, исключавшим необходимость повышения образования и культуры. А их быт чаще всего ограничивался работой приусадебного участка. Эти люди были рабочими и крестьянами одновременно. Объективные условия их жизни обуславливали и формирование соответствующей системы ценностных ориентаций. В преемственности поколений шло становление корпоративно-групповых связей.

Огромные миграционные потоки из села в город, характерные для послевоенных лет, позволили на определенное время стабилизировать ситуацию с рабочей силой в крупных промышленных центрах страны. Но уже к середине 70-х годов в стране вновь начал складываться дефицит малоквалифицированных рабочих, а также рабочих, занятых на конвейерном производстве — основе основ экстенсивной экономики. Привлечение на такие рабочие места лиц, постоянно проживавших в городах, было малоэффективным, поскольку, с одной стороны, резерв незанятого населения в городах был незначительным, а с другой стороны, горожане предпочитали более привлекательную работу. Поэтому во многих городах страны крупные предприятия вынуждены были искать рабочую силу на стороне, как правило, в сельской местности и создавать соответствующие условия для их жизнедеятельности в городе. Однако условия эти были настолько минимальными, что через некоторое время новые работники вынуждены были ставить вопрос об их улучшении, что встречало противодействие не только со стороны администрации предприятий, но и кадровых рабочих, коренных жителей городов (и мигрантов первой волны).

Именно в эти годы отчетливо стал проявляться начавшийся ранее процесс расслоения общества. И в основе этого процесса лежал сословно-имущественный признак. Особенно заметным расслоение было в городах, чему во многом способствовал и непрекращающийся миграционный поток сельских жителей. Образование в обществе множества социальных слоёв (групп), заинтересованных в сохранении своей оболочки, за которой находятся специфические для данной группы корпоративные нормы, обуславливал, во-первых, ускорение социально-психологического механизма деления на "мы" и "они" и, во-вторых, воспроизведение подростками в своих возрастных общностях моделей, существующих в реальной жизни различных групп.

Особенно интенсивно процесс расслоения общества протекал в последние десять лет, что не могло не отразиться и на поведении

несовершеннолетних. Именно в этот период широкое распространение в стране приобретает неформальное движение в подростковой и молодежной среде.

2. Неформальное движение ощущало и ощущает на себе постоянное давление "внешних сил", среди которых выделяются институты системы общественного воспитания (семья, школа, средства массовой информации) и милиция. Но давление это, как и любое другое, в отношении несовершеннолетних, во-первых, приводит к сопротивлению подростков, неприятию подобных способов взаимодействия со взрослыми и, во-вторых, неоднородно. В то время как семья все в большей мере теряет влияние на многих несовершеннолетних, а школа пытается освободиться от ненужных ей подростков, на первый план вышла милиция, которая по-своему боролась и продолжает бороться с любыми неформалами как с "чуждым явлением". Не случайно, изучая деятельность инспекций по делам несовершеннолетних по предупреждению групповых правонарушений и преступлений подростков, мы обнаружили, что на учете в инспекциях состоят не только отдельные подростки, являющиеся членами различных неформальных общностей, но и сами неформальные объединения несовершеннолетних. Такое отношение к неформалам, напоминающее скорее общественное гонение, во многом обусловило не только характер их последующей деятельности, но и отношения со взрослыми, которые все в большей степени становятся конфликтными. Несмотря на очевидность подобного положения официальная идеология на протяжении всего этого времени продолжала утверждать, что в советском обществе отсутствует конфликт поколений.

3. Свои лепту в процесс расслоения общества, в актуализацию конфликта поколений, а следовательно, и в создание условий для формирования различных групп несовершеннолетних антиобщественной направленности внесла проведенная в 1984 году реформа общеобразовательной и профессиональной школ. Начавшийся несколько раньше, но получивший существенное ускорение в связи с реформой процесс массового перевода учащихся школ в систему ПТУ по своей сути был плохо скрываемым привлечением к труду в промышленности и сельском хозяйстве миллионов подростков. Причем "выталкивание" многих подростков из общеобразовательных школ в ПТУ часто происходило вопреки их желанию.

И без того неопределенный социальный статус подростка стал откровенно двусмысленным. С одной стороны, его фактически вынуждали заниматься профессиональным самоопределением в тот период жизни, когда он ещё не был готов это сделать. С другой стороны, сам этот "выбор" оказался на практике во многом предопределенным "конкурсом родителей", порождая ощущение социальной несправедливости и одновременно стимулируя тенденции корпоративной жизни.

Такое откровенное различие социальных возможностей привело к тому, что в настоящее время подростковый мир оказался расколотым на две большие группы. Одна — школьники (ориентируется на продолжение образования в высших учебных заведениях), другая — учащиеся ПТУ (ориентирована на раннее получение рабочих профессий и, следовательно, более раннее начало трудовой деятельности). Подобное разделение подростков не могло не сказаться и на их поведении в различных неформальных общностях. Сегодня мы констатируем, что наибольший удельный вес среди несовершеннолетних правонарушителей и преступников составляют учащиеся ПТУ, их заметно больше (среди других категорий несовершеннолетних) и в различных группах антиобщественной направленности.

Однако неправильным было бы утверждать, что подобный раскол подростков полностью исключил их связи между собой. Связи такие, безусловно, существуют. Причем в исследованиях различных ученых, как правило, практически не анализируются позитивные связи, сохраняющиеся и развивающиеся между вчерашними школьниками, которые, безусловно, существуют. В то же время негативные связи школьников и учащихся ПТУ, основанные на совместной антиобщественной, противоправной деятельности подростков, не вызывают сомнений при анализе преступных групп несовершеннолетних.

Сегодня очевидно, что сохранение подобного положения может только усугубить ситуацию. Необходимо уже сегодня предпринять меры, направленные на предоставление всем несовершеннолетним, желающим продолжать обучение в общеобразовательной школе, такую возможность. Мы понимаем, что реализация такого предложения может привести к существенному сокращению действующих ПТУ, однако бояться этого не следует, поскольку социально полезный результат может быть весьма обнадеживающим.

КРИМИНОГЕННЫЕ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНЫЕ ГРУППИРОВКИ КАК ФАКТОР НЕГАТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННО- ЛЕТНИХ

А. В. Шеслер

Процесс социализации большинства несовершеннолетних проходит через стихийно возникающие неформальные объединения сверстников, где подростки обретают эмоциональный комфорт и необходимые навыки межличностного взаимодействия (Кон И. С., Полонский И. С.).

В основном деятельность неформальных общностей подростков носит позитивный характер. Между тем сложность и противоречивость изменений, происходящих в обществе, привели к росту и активизации неформальных объединений подростков и молодежи антиобщественной направленности. Одной из разновидностей таких общностей являются криминогенные подростково-молодежные группировки, которые отличаются от обычных групп несовершеннолетних правонарушителей большей численностью участников, более продолжительным и устойчивым характером противоправной деятельности, более высоким уровнем организации этой деятельности, большим негативным воздействием на формирование личности несовершеннолетних.

Отдельные аспекты деятельности этих общностей нашли отражение в юридической литературе (Забрянский Г. И., Игошев К. Е., Кашелгин А. Б., Миньковский Г. М., Панкратов В. В. и др.). Между тем исследователи ограничились в основном констатацией того, что появился более многочисленный и организованный "совокупный" субъект групповых правонарушений несовершеннолетних. В этой связи отметим, что социальный вред от общественно опасной деятельности криминогенных подростково-молодежных группировок состоит прежде всего в сильном криминогенном воздействии на социализацию несовершеннолетних в тех городах, где подобные общности существуют (Казань, Кызыл, Набережные Челны, Зеленодольск и др.).

Проведенное нами в 1989-1990 г. г. исследование в Казани показало, что существуют в основном три вида негативного воздействия криминогенных группировок на социализацию несовершеннолетних.

Во-первых, негативному воздействию подвергаются те подростки, которые являются участниками криминогенных группировок. Существующие в группировках стратификация участников, система групповых норм и санкций, субкультура создают закрытую от позитивного социального контроля специфическую (асоциальную) среду жизнедеятель-

тельности подростков. Результатом подобной социализации является сильная ориентация участников группировок на противоправное поведение, причем как на социальную "норму", образ жизни.

Во-вторых, криминогенные группировки разлагают (а затем полностью уничтожают) позитивную неформальную среду социализации несовершеннолетних. Криминогенные группировки проявляют крайнюю нетерпимость к существованию других неформальных общностей подростков по месту жительства, участники которых не совершают преступлений или правонарушений. Участники криминогенных группировок избивают подростков, входящих в неформальные общности позитивной направленности, отбирают у них деньги, вещи и т.д. В целях защиты от такого насилия подростки вынуждены по месту своего жительства создавать группировки "оборонительного" характера, первоначальная цель которых заключается в обеспечении личной безопасности несовершеннолетних конкретной территории. Между тем, создавая такие общности, подростки перенимают организационную структуру, формы и методы деятельности криминогенных группировок. Заимствование этих организационных форм и методов деятельности приводит к изменению позитивной направленности неформальных общностей подростков по месту жительства: их участники постепенно становятся на путь нарушения норм нравственности и морали, затем совершают правонарушения и, наконец, переходят к совершению преступлений.

В-третьих, криминогенные группировки оказывают негативное влияние на формальные общественные институты, предназначенные для позитивной социализации несовершеннолетних. Например, участники криминогенных группировок, действующих в Казани, приобретают физическую подготовку, необходимую для уличных драк, в спортивных секциях, лишая возможности заниматься в них подростков, не входящих в группировки.

В этой связи следует отметить, что расширение "географии" деятельности территориальных криминогенных подростково-молодежных группировок осуществляется в три этапа (Нашелкин А.Б., Овчинский В.С.). Каждый из этих этапов характеризуется усилением негативного влияния подростково-молодежных группировок на неформальную социализацию несовершеннолетних.

Первый этап - это этап появления криминогенных группировок в отдельных микрорайонах города. На этом этапе негативному влиянию подвергаются прежде всего те подростки, которые являются

участниками группировок. "Паразитируя" на повышенной потребности подростков в обществе сверстников и их отчужденности от основных сфер позитивной жизнедеятельности, группировки подменяют собой социально необходимые и одобряемые обществом неформальные объединения несовершеннолетних позитивной направленности.

Второй этап характеризуется появлением криминогенных группировок в каждом микрорайоне города. На этом этапе группировки уничтожают позитивную неформальную среду социализации несовершеннолетних, т.е. группировки уже претендуют не на "альтернативу" позитивной неформальной среде общения для подростков, отчужденных от основных институтов социализации, а на единственно возможную неформальную общность для этих подростков.

Третий этап - это этап полного территориального становления криминогенных группировок. На этом этапе негативное воздействие группировок на позитивную социализацию несовершеннолетних оказывается особенно интенсивно. Во-первых, группировки полностью включают подростков, являющихся их участниками, исключительно в свою жизнедеятельность, блокируют всякое положительное воздействие на этих подростков со стороны общества. Во-вторых, группировки оказывают негативное влияние на все основные институты позитивной социализации подростков (школу, досуговые учреждения и т.д.).

Негативное влияние криминогенных группировок на социализацию подростков во многом определяет особенности преступности несовершеннолетних в тех городах, где эти общности существуют. В частности, криминогенные группировки способствуют росту преступности несовершеннолетних, значительному её "омоложению" за счет участия в преступной деятельности подростков младшей возрастной группы (14-15 лет), увеличению доли тяжких преступлений в общей структуре преступности несовершеннолетних, увеличению среди несовершеннолетних правонарушителей лиц женского пола и т.д.

Между тем анализ деятельности общих и специальных субъектов профилактики показывает, что система предупреждения преступности несовершеннолетних сегодня качественно не отличается от той, которая существовала несколько лет назад, когда объектом профилактики были нестойкие и малочисленные группы несовершеннолетних правонарушителей.

Субъекты общей и специальной профилактики по-прежнему основное внимание уделяют предупреждению конкретных преступлений, совершаемых участниками групп несовершеннолетних правонарушителей.

При этом не учитывается, что конкретное преступление, совершенное подростком, может быть не только результатом взаимодействия свойств личности и ситуации совершения преступления, но и результатом негативного влияния на подростка криминогенной неформальной общности сверстников. Кроме того, существующая система профилактики преступлений в большей мере ориентирована на усиление различных форм социального контроля за поведением несовершеннолетних и в меньшей степени на оказание им реальной помощи, проведение с ними воспитательной работы (Прозументов Л.М.). Такая организация предупреждения групповой преступности несовершеннолетних в определенной мере стимулирует образование и дальнейшее развитие групп несовершеннолетних правонарушителей. Данное обстоятельство обусловлено тем, что подростки в ответ на усиливающийся социальный контроль за их поведением еще больше сплачиваются, конспирируют свою деятельность и неформальную среду, закрывая тем самым всякую возможность позитивного влияния на эту среду различных социальных институтов (Тарас А.Е.).

Так как действующая система предупреждения преступности несовершеннолетних не дает положительных результатов, необходимо изменить как задачи, так и методы профилактической деятельности.

Основные усилия субъектов общей профилактики преступлений должны сводиться к восстановлению и поддержанию позитивной среды социализации несовершеннолетних, т.е. к укреплению антикриминогенных свойств семьи, системы общественного воспитания, неформальных подростковых общностей позитивной направленности.

Задачей субъектов специальной профилактики преступлений должно быть прежде всего оказание профилактического воздействия на каждую группу несовершеннолетних правонарушителей в целом с целью разложения этих общностей или переориентации на общественно полезные виды деятельности, а не только предупреждение конкретных преступлений, совершаемых участниками этих общностей.

Чтобы успешно реализовать эти задачи, субъекты общей и специальной профилактики преступлений должны быть способны не только на осуществление позитивного социального контроля за поведением несовершеннолетних, но и на проведение с ними воспитательной работы в реально доступных формах, а также на оказание подросткам в ряде случаев необходимой помощи (в устройстве на работу, поступлении на учебу, выходе из группы правонарушителей и т.д.).

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО
/УПРАВЛЕННО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО/ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР

В. А. Уткин

В истории страны кодификации республиканского исправительно-трудового законодательства проходили в короткие сроки и без осложнений. В 1924 г. за основу всеми созданными республиками был взят ИТК РСФСР. Заметно отличался от него лишь ИТК УССР. После принятия ИТК РСФСР 1933 г. в тех республиках, где кодексы также обновлялись, они не отличались от российского¹ С принятием Основ исправительно-трудового законодательства 1969 г. в союзные республики направлялись "материалы" к проектам ИТК, которые, в сущности, были типовыми проектами ИТК и не предполагали сколько-нибудь серьезной доработки. В итоге кодификация республиканского исправительно-трудового законодательства прошла организованно в течение 1970-1971 г. г., а сами ИТК республик оказались весьма схожи.

С одной стороны, предмет правового регулирования республиканских кодексов расширялся. С другой, неуклонно сокращалось число законодательных актов, регулирующих исполнение наказаний на республиканском уровне. ИТК РСФСР 1924 г. регламентировал исполнение лишения свободы и исправительных /принудительных/ работ и содержал 231 статью. Согласно ИТК 1933 г. в его предмет включалась и ссылка, соединенная с принудительными работами. В этом Кодексе имелось 137 статей. Действующий ИТК РСФСР определяет "порядок и условия" исполнения четырех наказаний, условного осуждения /освобождения/ с обязательным привлечением к труду и насчитывает /вместе с разделом 11-А/ 121 статью.

Очевидно, что в условиях всеофедерализма и превалирования административно-командных начал в политической и правовой системе республиканские ИТК фактически представляли собой лишь прикрытые для обширного ведомственного правотворчества МВД СССР. Принятые им акты закрытого характера восполняли пробелы закона, давали ему собственное толкование, а нередко подрывали и закон. Тем самым существенно сужались пределы самостоятельного правотворчества высших органов власти республик.

В условиях обретения республиками реального суверенитета роль их

1. Подробнее см.: Крахмальник Д. Г. Кодификация исправительно-трудового законодательства М., 1978. С. 29.

законодательных актов в сфере реализации исправительно-трудовой политики становится неизмеримо выше. Передача всех или подавляющего числа органов и учреждений, исполняющих наказания, в систему МВД республик серьезно ограничивает базу ведомственного нормотворчества МВД СССР. Приведение советского законодательства в соответствие с международно-правовыми документами о правах человека и обращении с осужденными должно вести к тому, что все ограничения прав и свобод осужденных будут предусмотрены законом. Именно закон должен выступать "цементирующим материалом" при построении государственно-общественной системы исполнения наказания и ресоциализации преступников. Роль закона весьма велика и для обеспечения гласности исполнения наказания, открытости всей исправительно-трудовой системы для общества. Наконец, в условиях развития точных отношений те меры, которые ранее /хотя бы из самых благих побуждений/ внедрялись административно-командными методами, несомненно, должны получить четкую законодательную основу. Так, положения ст. 6 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о занятости населения в отношении дополнительных гарантий занятости "лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказания", нуждаются в конкретизации в республиканских законах. Такая конкретизация возможна в исправительно-трудовых кодексах, ибо советская исправительно-трудовая политика направлена не только на исполнение наказания, но и на полноценную ресоциализацию осужденных, судимых.

В ходе подготовки к кодификации исправительно-трудового /уголовно-исполнительного/ законодательства учеными и практиками проделана значительная работа. Подготовлены проекты Основ уголовно-исполнительного законодательства СССР, Основ уголовно-исполнительного законодательства РСФСР, союзных и автономных республик. Вместе с тем в проектах имеется ряд существенных недостатков, устранить которые вряд ли возможно в рамках сложившихся в авторских коллективах воззрений на характер будущего законодательства.

Как известно, в числе аргументов в пользу переименования исправительно-трудового законодательства в "уголовно-исполнительное" был и довод о способности охватить новым законом исполнение всех наказаний, о создании тем самым более широкого, целостного комплекса правового воздействия. На деле же такой подход, помимо его методологической небезупречности /что связано в первую очередь с узко-пенитенциарным пониманием мер исправительно-трудового воздействия/ показал и практическую уязвимость.

Переход к "уголовно-исполнительному" законодательству формально позволил включить в его предмет исполнение смертной казни. Но лишь

формально, поскольку ни один из общих принципов исполнения наказаний на исполнение высшей меры не распространяется. В силу ее исключительности исполнение смертной казни целесообразнее урегулировать отдельным законом.

С другой стороны, новым законом предполагается регламентировать реализацию мер, не являющихся уголовной ответственностью /принудительные меры медицинского и воспитательного характера/. Формальное их отнесение к "уголовно-правовым" не меняет того обстоятельства, что включение таких мер "в орбиту" исполнения наказания, несомненно, приведет к их неоправданной "пенализации", к фактическому превращению их в наказания. Об этом ярко свидетельствует опыт ЛТП.

Одновременно, если судить по проекту Основ РСФСР, из их предмета исключены специализированные воспитательно-профилактические меры, применяемые в отношении судимых. На первый взгляд, это оправдано, ибо такая деятельность, строго говоря, не является "уголовно-исполнительной". Известны предложения о принятии специальных законов о социальной адаптации, о правах и обязанностях судимых лиц и т.п. Между тем подобное "дробление" законов представляется неудачным, если исходить из сущности, принципов, сферы действия советской исправительно-трудовой политики, да и с точки зрения законодательного процесса.

Судя по проектам, предмет правового регулирования фактически сужается и по субъектам соответствующих отношений. Если расценивать такую деятельность как сугубо "уголовно-исполнительную", это опять же логично. Ни общественность, ни трудовые коллективы не исполняют наказаний. Но они могут участвовать в исправительно-трудовой политике. И как отмеченный подход соотносится со стремлением реорганизовать систему исполнения наказания на государственно-общественных началах?

К сожалению, цель исправления, хотя и провозглашается "основной", в проектах не раскрывается. Думается, в стремлении "деидеологизировать" проекты их авторы фактически отошли от самого воспитания. Не случайно в проекте Основ РСФСР не упомянут принцип индивидуализации карательно-воспитательного воздействия.

В проекте Основ РСФСР предусмотрено применение к осужденным некарательных средств исправления и "общегуманитарного воздействия", но уровень юридического обеспечения их применения гораздо ниже даже по сравнению с действующими общесоюзными Основами.

Как видно, переход к "уголовно-исполнительному" законодательству стал для авторов проектов отнюдь не "косметической акцией",

в чем убеждали ранее. Характерно, что в этом деле некоторые авторитетные ученые объективно обрели единомышленников из числа ряда руководящих работников МВД, считающих цель исправления "перехитком" сталинской эпохи ². В сущности, происходит заметный отход от гуманистических начал советского исправительно-трудового законодательства /хотя и ранее эти начала далеко не всегда адекватно воплощались в практике/.

Переход к "уголовно-исполнительному" законодательству логически требует трансформации исправительно-трудовой политики в уголовно-исполнительную. Однако такая политика фактически бессодержательна, лишена активного, гуманистического смысла, носит ведомственный характер.

В одной из последних своих работ проф. Н.А.Стручков писал, что и при наличии Основ уголовно-исполнительного законодательства кодексы республик вполне могут носить иное наименование ³. Есть все основания сохранить за Кодексом РСФСР название исправительно-трудового. Его предмет должен охватывать широкий комплекс отношений по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности /кроме смертной казни/, по применению некарательных средств исправления, закрепления его результатов, специализированных мер предупреждения рецидива вплоть до истечения срока или снятия судимости. В Кодекс необходимо перенести нормы ведомственных актов, которые непосредственно затрагивают права и свободы осужденных и судимых. В ИТК должна содержаться норма о пределах ведомственного правотворчества на основе "разрешительного" принципа.

В новом Кодексе нужно по возможности исчерпывающе определить не только "порядок и условия исполнения" лишения свободы, но и юридическое содержание этого наказания на основе конституционных норм.

Реализация указанных предложений потребует значительного увеличения числа статей ИТК. Возможно, до 500-600. Если расценивать будущий Кодекс как основной акт непосредственно-прямого действия, это обстоятельство вряд ли может быть препятствием для его разработки.

2. См.: Обымшиников В. На шестом году перестройки //Воспитание и правопорядок. 1990. № 8. - С.7.

3. Стручков Н.А. Союзный Закон об исполнении наказания //Советское государство и право. 1990. № 1. С. 65.

СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Д. А. Тарасов

1. Вопрос целей наказания является одним из самых вечных, непреходящих вопросов человеческой мысли, да и останется таковым, по крайней мере, до тех пор, пока существует само наказание. Дискуссия в советской юридической литературе касалась в основном кары как цели наказания. В последнее время все больше авторов выступают против постановки цели исправления и перевоспитания. Вместе с тем не затрагиваются цели общего и специального предупреждения.

2. Представляется, что вопрос о целях наказания надо раскрывать через его сущность. Большинство авторов считают, что ею является кара¹. Однако сам по себе этот ответ недостаточен. Ведь месть – это тоже кара. Каково же сущностное отличие одного от другого? Месть, на наш взгляд, обладает двумя недостатками. Во-первых, она изначально субъективна, т.к. осуществляется самим пострадавшим лицом, либо кем-то из его близких. Во-вторых, она деструктивна: призванная успокоить враждующие стороны, как-то смягчить конфликт, она, наоборот, разжигала его с новой силой. Все эти недостатки снимаются с возникновением наказания. Во-первых, им устраняется почва для субъективизма, ибо вопрос причиненного вреда и необходимости ответа на него решается независимым лицом. Во-вторых, осуществление карательной функции оформляется уже не от имени частного лица, а от имени государства. Конфликт между двумя превращается в конфликт между одним и всеми, между человеком и всем обществом.

Как видим, уголовное наказание явилось значительным шагом вперед по сравнению с примитивной местью. Вернее было бы сказать, что это, по своей сущности, конструктивная кара, являющаяся альтернативой деструктивной мести.

3. Современная доктрина исходит из того, что удержание от преступлений осуществляется через устрашение, с одной стороны, и через исправление и перевоспитание – с другой. Вместе с тем

1. Саркисова Э. А. Роль наказания в предупреждении преступлений. Минск, 1990, с. 12.

накоплено немало фактов, свидетельствующих о ничтожности устрашения в предупреждении. Здесь же можно привести только один. Так, по данным И.В.Шмарова, более 90% лиц, впервые совершивших преступления, боялись наказания². Но это не остановило их. Вызывает возражение и предупреждение посредством исправления и перевоспитания. Перестройка сознания человека не имеет ничего общего с грубым насилием, а элемент его, хотим мы того или нет все равно присутствует в любом наказании. Поэтому такой путь представляется не только негуманным, но и бесполезным.

Предупредительные свойства наказания скрыты не в устрашении и не в исправлении, а в его возможности примирить стороны. Сразу же необходимо отметить, что понятие предупреждения в науке является искусственно зауженным. Формулу его можно изобразить на примере: если некто совершил кражу и был наказан в уголовном порядке, то это должно остановить лиц, склонных к совершению аналогичного деяния. Но ведь возможно и другое: потерпевший, не видя должной реакции со стороны государства, сам решает расправиться с похитителем, совершая при этом преступление. В данном случае наказание за одно преступление предотвращает совершенно другое. Осуждение преступного деяния, содержащееся в самом применении уголовного наказания, является фактором, способным предохранить потерпевшего от самовольной защиты своего нарушенного права противозаконными методами. В этом смысле можно говорить о постановке цели общего предупреждения. Но одного предупреждения мало, ведь кроме потерпевшего у нас есть еще и преступник. Необходимо предупредить преступления и с его стороны. Поэтому задача судьи заключается в назначении такого наказания, которое не ущемляло бы интересов обоих, чтобы никто не чувствовал себя обиденным справедливым решением. В этом случае можно считать, что уголовное наказание как предупредительный фактор полностью выполнило свою роль, а все остальное лежит за пределами его возможности.

Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы сохранить две цели наказания: общее и специальное предупреждение, с учетом наполнения их новым содержанием.

2. Подубинская С.В. Цели уголовного наказания. М.: "Наука", 1990, с. 67.

Н.И.Ланкин

1. Многолетняя практика исполнения наказания со всей убедительностью показала неспособность наших исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) выполнить стоящую перед ними основную задачу — исправление и перевоспитание осужденных. Более того, срок отбывания наказания для многих осужденных становится периодом их дальнейшей легализации, а сами ИТУ превращаются в фабрику рецидивной преступности. Рост рецидивной преступности вызывает серьезную озабоченность у населения, у руководства страны и правоохранительных органов, побуждает науку и практику тщательно анализировать глубинные причины этого негативного явления и выработать принципиально новые подходы в обеспечении воспитательного воздействия на правонарушителей. Именно такую задачу ставит перед собой "Концепция реформы уголовно-исполнительной системы", одобренная коллегией МВД СССР 16 июля 1990 года.

2. В этой концепции, разработанной ГУИД МВД РФ и НИИ МВД РФ, справедливо подчеркивается, что советская уголовно-исполнительная система была сформирована как придаток народно-хозяйственного комплекса и развилась в условиях централизма, административно-командного механизма управления, что и предопределило целый ряд серьезных недостатков в её функционировании; 1) гуманные принципы, провозглашенные в законах, носят декларативный характер и оцениваются ведомственными нормативными актами; 2) ведомственная закрытость ИТУ привела к их изоляции от многих государственных органов и общественных институтов, в том числе и Советов народных депутатов; 3) деятельность ИТУ оценивается не по уровню воспитательной работы, а по результатам выполнения производственного плана; 4) исправительная система дискредитирует себя фактами нарушения законности, бездушного, грубого обращения с осужденными; 5) воспитательные цели ИТУ неподкреплены реальной методологией и квалифицированными кадрами, образовался кризис отношений между персоналом учреждений и основной частью осужденных; 6) отсутствует научный прогноз и теоретическое обоснование происходящих в местах лишения свободы процессов.

3. В целях нейтрализации отмеченных выше недостатков концепция предусматривает меры, направленные на децентрализацию управления уголовно-исполнительной системы, на гуманизацию условий содержания осужденных и дальнейшую дифференциацию применения к ним

наказания и мер исправительно-трудового воздействия, на приведение норм нового законодательства в соответствие с международными стандартами.

В разделе "Воспитательная работа" также предусматривается система мер, направленных на повышение её эффективности; 1) в основу работы по исправлению осужденных положить программы дифференцированного воздействия на правонарушителей с учетом их поведения, психического состояния и степени социальной защищенности; 2) обеспечить в исправительном воздействии преимущество методов убеждения и положительного стимулирования перед запретительными и дисциплинарными мерами; 3) пересмотреть организационно-правовые основы самоуправления осужденных в сторону расширения их прав в решении бытовых производственных и иных вопросов; 4) гарантировать право осужденных получать полное среднее образование, предусмотреть возможность получения ими среднего специального и высшего образования через систему заочного обучения; 5) обеспечить условия для создания и деятельности в ИТУ общественных ассоциаций, социальных патронатов в целях поэтапного перехода к общественной форме воспитательной работы в местах лишения свободы.

4. Не вдаваясь в подробный анализ предложенных мер, направленных на кардинальное улучшение работы по исправлению и перевоспитанию осужденных, не умаляя при этом их актуальность и значимость, следует, однако, отметить, что авторам данной концепции уходят от рассмотрения некоторых, на наш взгляд, узловых вопросов, без которых весьма проблематично становится построение самой концепции по социальной переориентации исправительно-трудовой системы и выработка принципиально новых подходов в обеспечении эффективного воспитательного воздействия на правонарушителей.

5. Одним из таких вопросов является вопрос о том, на каком основе, фундаменте должна строиться в нынешних условиях воспитательная работа с осужденными? До сих пор теория и практика исходили из аксиомы, что воспитательная работа в ИТУ - это составная часть работы по коммунистическому воспитанию советских граждан, что только в условиях развитого социалистического общества, основанного на принципах общества, основанного на принципах демократии и гуманизма, возможно успешное искоренение в сознании преступников пережитков прошлого, "Конечные цели и коммунистического воспитания в целом, и исправления, и перевоспитания осужденных

совпадают. Они заключаются в воспитании людей, способных строить коммунизм и жить при коммунизме.¹

Исходя из сущности целей и задач коммунистического воспитания построена и система принципов исправления и перевоспитания осужденных, применение основных средств и методов воспитательной работы с правонарушителями.

В условиях революционной перестройки и нового мышления фундамент, на котором строился исправительно-трудовой процесс в ИТУ, рассыпался как карточный домик. В результате оказалось, что на протяжении многих десятилетий мы живем не в развитом социалистическом обществе, основанном на принципах демократии и гуманизма, а в деформированном, казарменном социализме, которому органически присущи "тотальная регламентация и запретительство, произвол, вседозволенность, неподсудность управляющих; фактическое бесправие, социальная разобщенность, запуганность и политическая пассивность управляемых" в обществе, где "царят произвол, беззаконие, демагогия и страх"²

В нынешних условиях идея построения коммунистического общества, таким образом, становится мифической, а вопрос об основе, на которой должна строиться воспитательная работа с осужденными, приобретает особую актуальность.

6. Авторы концепции уходят от рассмотрения и таких сложных вопросов, как личность преступника и возможности ее исправления и перевоспитания, обоснованность постановки такой задачи перед ИТУ с учетом реальных возможностей этих учреждений, наличие новых подходов, средств и методов обеспечения эффективности воспитательного воздействия на осужденных.

Отдельные, даже принципиально новые разработки, к сожалению, не выстраиваются в единую общетеоретическую концепцию, а некоторые из них носят противоречивый характер. Например, предложение снять ограничения в применении к осужденным трудового законодательства и рекомендация по использованию нарушителей режима на тяжелых работах.

1. См.: Исправительно-трудовая педагогика. Учебник для высших учебных заведений МВД СССР. М., 1978. С. 103.

2. См.: В. Ракитский. Деформации и перерождения социализма. Общественные науки. 1989. № 3. С. 23.

ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, И "ДРУГАЯ ЖИЗНЬ" ОСУЖДЕННЫХ

П.С.Метельский

Тяжкие преступления против личности /умышленные убийства, умышленные тяжкие телесные повреждения/, совершаемые осужденными, оказывают серьезное дестабилизирующее воздействие на состояние правопорядка и оперативную обстановку в ИТУ, нарушают нормальную деятельность этих учреждений по исполнению уголовного наказания. Показательно, что интенсивность данных деяний и их удельный вес в общей массе всех преступных проявлений, регистрируемых в колониях в масштабах страны, значительно выше, чем на свободе. В свою очередь, место, которое они занимают в структуре преступности осужденных, отличается при всех ее колебаниях относительной устойчивостью.

Характеризуя тяжкие преступления против личности в местах отбывания наказания, следует особо подчеркнуть их тесную взаимосвязь с постоянно происходящими в микросреде осужденных специфическими процессами стихийной стратификации и самоорганизации, а также действием неписаных социальных норм, вырабатываемых правонарушителями. Все эти явления, имея сложную социально-психологическую природу, как известно, составляют содержание феномена "другой жизни" лиц, лишенных свободы, которая альтернативна официальным структурам и предписаниям. Представляется, что именно здесь надо искать причины рассматриваемых посягательств, тем более, что многие из них по сути дела являются своеобразными неформальными "санкциями" за отступление от линии поведения, предписываемой данной общностью. В то же время указанная взаимосвязь не ограничивается только этим, поскольку преступные деяния, будучи органически "вплетены" в материю "теневых" отношений /"другой жизни"/ лиц, отбывающих наказание, одновременно и сами участвуют в неофициальном регулировании их жизнедеятельности, обеспечивая тем самым неизбежность криминальных традиций, принципов и правил поведения.

Выборочное изучение уголовных дел об умышленных убийствах /с покушениями/ и умышленных тяжких телесных повреждениях, совершенных в различных ИТУ Западно-Сибирского региона в период 1985 - 1990 гг., показало, что в подавляющем большинстве случаев эти

преступления по целому ряду параметров существенно отличались от аналогичных деяний на свободе. Отмеченное обстоятельство, как это усматривается из материалов дел, следует объяснять прежде всего особенностями функционирования среды правонарушителей, сосредоточенных в пенитенциарных учреждениях, спецификой взаимоотношений, которые складываются внутри их общности.

"Другая жизнь" осужденных накладывает заметный отпечаток на мотивацию и направленность любого, в том числе противоправного и преступного поведения личности, находящейся в изоляции от общества. Весьма четко это прослеживается и на примере изученных посягательств, мотивы которых зачастую приобретали особую окраску и содержание. Причем сказанное касается не только таких специфичных для мест отбывания наказания побуждений, как стремление лица путем совершения преступления "уйти" в другую колонию /в отмеченной ситуации преступное деяние выступает в качестве своего рода "транспортного средства"/, но и достаточно "тривиального" в обычных условиях мотива мести. Действительно, если преступление из мести в быту, как правило, предполагает прежде всего определенное личностное самоутверждение индивида, то месть в ИТУ в первую очередь ориентирована на сохранение или упрочение преступным путем своего статуса в микросреде, т.е. на самоутверждение по отношению к окружающим. Это свидетельствует об исключительной значимости для осужденных оценки их поведения и "стиля" жизни в колонии со стороны ближайшего социального окружения, что обуславливает необходимость постоянно соотносить свои поступки с требованиями, которые предъявляются к личности малой неформальной группой или сообществом в целом.

Изученным преступлениям, совершенным на почве мести, как правило, предшествовали конфликты между виновными и потерпевшими, которые в основном мало напоминают предкриминальные отношения, типичные для бытовых посягательств. И это определяется не только тем, что в условиях замкнутости и отсутствия избирательности в сфере межличностного общения, столь характерных для ИТУ, повышается "взрывоопасность" многих возникающих там столкновений. Не вызывает сомнений, что решающее значение здесь имеет и действие "внутренних" факторов среды данных учреждений. Так, обращает на себя внимание, что первопричиной указанных конфликтов служили конкретные нарушения принятых в микросреде осужденных правил общения, которые чаще всего были сопряжены с достаточно

серьезным ущемлением личных прав будущих обвиняемых: склонение их к гомосексуальным связям, насильственное совершение актов мужеложства, распространение компрометирующих слухов, оскорбление словом или действием, нередко имеющее ритуальное значение и направленное прежде всего на унижение индивида в глазах остальных членов общности. Показательно, что с позиций "другой жизни" оставление такого рода действий без "достойного" ответа способно привести к быстрому "отвержению" лица сообществом, что означает для него утрату по существу всех прав и полное презрение со стороны окружающих.

Наряду с этим, к тяжкому преступному исходу приводили пороки и поступки, затрагивающие сферу материальных интересов лишенных свободы: кражи вещей и продуктов, невозвращение денег, переданных в долг, на хранение, для нелегального приобретения на них различных запрещенных в ИТУ предметов - без выполнения взятых на себя обязательств и т.д. Подобные действия, и прежде всего так называемое "крысятничество" /т.е. кражи у "своих"/, сурово порицаются сообществом, причем острота столкновений, которые происходят на этой почве, во многом объясняется скудностью имущественных благ, имеющихся /законно или незаконно/ в распоряжении большинства осужденных. Ухарактерно; что и в этих случаях "безнаказанность" неизбежно влечет, мягко говоря, потерю "уважения" к пострадавшему в микросреде.

Очевидно, что перечисленные конфликтогенные действия зачастую прямо порицаются также и правовыми нормами. Однако осужденные делали выбор в пользу противоправных способов защиты своих интересов в конфликтных ситуациях, которые диктовались неформальными правилами поведения. Это позволяет сделать вывод о реальном приоритете негативных норм "другой жизни", необходимость следования которым во многом определяется стремлением правонарушителей в любом случае сохранить приемлемые для них социальные позиции в своей общности. Уклонение от заданного этими нормами варианта поведения /чаще всего - предполагающего насильственное воздействие на противника/ обычно делает это невозможным, поскольку расценивается окружающими как проявление "слабости", "неспособность постоять за себя". Обращение же при конфликте к представителям администрации ИТУ квалифицируется вообще как "измена" коренным интересам сообщества, одним из основополагающих принципов жизни которого является недопущение

"чужих" в его внутренние дела. Таким образом, логика развития предпреступных отношений в колониях в значительной мере определяется жесткими рамками "теневых" норм осужденных, которые непосредственно влияют на характер межличностных столкновений и их тяжкий насильственный исход. Причем острота конфликта неофициальных и официальных предписаний затрагивает прежде всего самую "процедуру" отстаивания интересов, ущемляемых в результате тех или иных, обычно деструктивных по содержанию действий противоборствующей стороны в столкновении. Все это отражает, на наш взгляд, и несовершенство правового регулирования в сфере исполнения наказания, поскольку официальные нормы по существу не могут обеспечить действенную защиту личности осужденного в случае его отхода от того эталона поведения, который установлен микросредой.

Необходимо отметить, что острые, непримиримые формы в условиях колоний способна принимать борьба за лидерство в малых группах негативной ориентации, перераспределение "сфер влияния" между подобными группами, а также отдельными "авторитетными" осужденными. Возникающие на этой почве конфликты приводили и к совершению тяжких преступлений против личности, которым опять же предшествовали такие предварительные действия сторон, как нанесение оскорблений, побоев, распространение компрометирующих сведений о "недостойном", с точки зрения сообщества правонарушителей, поведении своего соперника. Названные действия можно рассматривать и как вызов, "завязку" межличностного столкновения, и как средство воздействия на сторону, противостоящую в конфликте, для подавления ее сопротивления, а равно дискредитации, "развенчания" в глазах окружающих и т.п.

Таковы лишь наиболее общие черты, характеризующие умышленные убийства и умышленные тяжкие телесные повреждения, совершаемые осужденными. Как очевидно, они имеют особое криминологическое содержание, присущее местам лишения свободы, "внутренняя" жизнь которых отличается наличием многочисленных негативных реалий "теневых" процессов и отношений. Это, безусловно, следует всесторонне учитывать при организации работы по профилактике данных опасных посягательств, от эффективности которой в значительной степени зависит и успех усилий по упрочению правопорядка в ИТУ в целом.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ИНСТИТУТОВ СУДИМОСТИ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В.И. Горобцов

Факт отбытия уголовного наказания влечет за собой определенные ограничения освобожденного в правах и обязанностях, обусловленные реализацией в отношении него средств карательно-воспитательного воздействия. В теории уголовного и исправительно-трудового права подобные ограничения включаются в содержание судимости, под которым понимается особое "правовое состояние лица, созданное фактом осуждения его советским судом к какой-либо мере наказания за совершенное им преступление" (Зельдов С.И. Уголовно-правовые последствия судимости. Орджоникидзе, 1986. С.3). В связи с этим по существу господствующим в литературе является мнение о том, что содержание судимости составляют ограничения как уголовно-правового, так и общеправового характера (подобную точку зрения высказывали В.В. Ераксин, С.И. Зельдов, А.Н. Игнатов, В.Д. Филимонов и др.).

Вместе с тем анализ правовых норм позволяет прийти к выводу, что ограничения, порожденные фактом отбывания наказания и обуславливающие несоответствие правовых статусов несудимого лица и освобожденного, не охватываются понятием судимости, т.к. последняя есть категория исключительно уголовно-правовая, вызывающая определенные неблагоприятные последствия лишь в случае совершения нового преступления до истечения срока погашения судимости или снятия ее судом. Ограничения же общеправового характера представляют собой самостоятельную правовую категорию, отличную от судимости и выступающую как разновидность уголовно-правового воздействия (наряду с наказанием, принудительными мерами медицинского характера, принудительными мерами воспитательного характера). Данную категорию можно определить как постпенитенциарное (постисправительное) воздействие, представляющее собой правовое принуждение в отношении лиц, отбывших уголовное наказание и заключающееся в ограничении их прав и обязанностей.

Предложение о введении такой правовой категории как постпенитенциарное (постисправительное) воздействие предполагает и выяснение вопроса о его разграничении с понятием судимости. Сравнительный анализ данных категорий позволяет прийти к выводу, что судимость как особое правовое состояние лица основана на факте его осуждения, а постпенитенциарное воздействие - на факте отбытия

им наказания. Вследствие этого наблюдается несовпадение указанных институтов и во временных пределах: лицо считается судимым со дня вступления в законную силу обвинительного приговора и до момента погашения либо снятия судимости. Начальным же моментом постпенитенциарного воздействия является время освобождения лица от отбывания наказания; прекращается же действие данных правоограничений с истечением срока судимости.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что постпенитенциарное воздействие, вступая в силу после прекращения исправительно-трудовых правоотношений, реально распространяется на соответствующие категории освобожденных независимо от их поведения вплоть до погашения или снятия судимости.

Неблагоприятные последствия судимости (в уголовно-правовом смысле) наступают лишь в случае совершения судимым лицом нового преступления до истечения установленных в законе сроков погашения судимости или до вынесения определения суда о снятии судимости. Образно выражаясь, тем самым законодатель возлагает на институт судимости роль своеобразного "дамоклова меча", вступающего в действие только при совершении судимым лицом нового преступления.

Различно и содержание последствий, составляющих постпенитенциарное воздействие и судимость. К числу последствий отбывания наказания относятся ограничения в выборе места жительства, въезда в Москву, пригородную зону Москвы, пограничную зону, в выезд за границу по частным делам, в приеме на службу в органы внутренних дел, в занятии материально-ответственных должностей, в приеме на работы, непосредственно связанные с хранением, охраной, учетом, перевозкой и использованием предметов и веществ, на которые распространяется особая разрешительная система, в призыве на действительную военную службу, в приеме на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения Министерства обороны и МВД СССР, в приобретении и хранении оружия, в перемене фамилии, имени и отчества, а также связанные с осуществлением режима административного надзора.

Последствия же судимости заключаются в обстоятельствах, отягчающих ответственность, оказывающих влияние на квалификацию преступлений, на возможность признания лица особо опасным рецидивистом, запрещающих применение освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки, отсрочки исполнения приговора, назначения отдельных видов наказаний.

Думается, что понятием судимости должны охватываться и последствия исправительно-трудового характера, наступающие в случае, если судимое лицо за вновь совершенное преступление осуждается повторно к лишению свободы. К числу таких последствий следует отнести назначение, как правило, ИТК строгого режима (несовершеннолетним - ВТК усиленного режима), невозможность совместного содержания с лицами, впервые осужденными к лишению свободы; запрещение оставлять их для работ по хозяйственному обслуживанию тюрем и следственных изоляторов; возможность направления для отбывания наказания независимо от места жительства до ареста или осуждения; усиление требований для представления к досрочному освобождению от наказания.

Следствием такого положения является и несовпадение правовой основы постпенитенциарного воздействия и судимости. Институт судимости регламентируется только нормами уголовного и исправительно-трудового права. Нормативную же основу постпенитенциарного воздействия составляют нормы различных отраслей права: административного, семейного, гражданского и др.

Разграничение между институтами судимости и постпенитенциарного воздействия следует проводить и по целевым установкам сравниваемых категорий. Если постпенитенциарное воздействие направлено на предупреждение совершения новых преступлений, закрепление результатов исправления и проведение адаптационных мероприятий, то последствия судимости преследуют цели как усиления ответственности в случае противоправного поведения, так и ужесточения условий содержания в ИТУ тех лиц, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы.

Различны и субъекты применения рассматриваемых институтов. Нормы, регламентирующие последствия судимости, реализуются органами предварительного расследования, суда и администрацией учреждений, исполняющих наказания. Субъектами же осуществления постпенитенциарного воздействия выступают органы внутренних дел, администрация предприятий, учреждений и организаций, органы загса, военная администрация.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет прийти к выводу, что ограничения, обусловленные фактом отбытия наказания, не охватываются институтом судимости и представляют собой самостоятельный правовой институт - постпенитенциарное (постисправительное) воздействие.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВ-
ЛЕЧЕНИЕМ К ТРУДУ

А. К. Музеник

1. Общеизвестным является предложение значительной части научных и практических работников о "легализации" института условного осуждения, предусмотренного ст. 24² УК РСФСР в качестве уголовного наказания с одновременным решением целого комплекса вопросов как по его содержанию, так и с точки зрения законодательной техники (назвать его "ограничением свободы", включить в перечень видов наказаний, ввести в санкции статей Особенной части УК и т. п.). В то же время нельзя не заметить довольно отчетливую тенденцию к снижению объема применения данного вида наказания народными судами. Объясняется это положение целым рядом обстоятельств: в частности, появившейся возможностью применения института отсрочки исполнения приговора в отношении взрослых преступников, заметным стремлением судов к расширению объема применения исправительных работ без лишения свободы и, что очень важно, умалением народными судами карательных и воспитательно-профилактических возможностей условного осуждения с обязательным привлечением к труду применительно к лицам, впервые осуждаемым к лишению свободы, но являющимся довольно серьезно запущенным в социально-нравственном отношении.

2. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о целесообразности коренного пересмотра подобного подхода к смыслу и значению данного вида наказания не только со стороны народных судов, но и законодателя. Поэтому представляется вполне уместным в новом уголовном законодательстве поместить этот вид уголовно-правового воздействия в санкции статей Особенной части уголовного кодекса. Однако этот процесс должен проходить при учете по крайней мере двух обстоятельств: а) тщательного анализа характера и степени общественной опасности преступления, за совершение которого в санкции может быть предусмотрена данная мера наказания (в альтернативе с иными мерами наказания, в том числе и лишением свободы); б) определения преступлений, за совершение которых в санкции статей может быть предусмотрено это наказание в качестве наиболее тяжелого (в альтернативе с другими, менее тяжелыми наказаниями).

Насколько нам известно, данная проблема до настоящего времени

серьезно не обсуждалась. В тех же модельных уголовных кодексах, которые сейчас имеются, эта проблема, на наш взгляд, серьезной проработке не подвергалась. В плане рассматриваемой проблемы такой подход дал бы возможность реализовать идею об отказе применения лишения свободы к лицам, отбывающим в настоящее время наказание на общем режиме, и сконструировать санкции статей Особенной части УК в предложенном выше варианте. По самым грубым подсчетам реализация данного направления позволит увеличить число приговоров к условному осуждению с обязательным привлечением к труду на 15%. Если учесть, что контингент условно осужденных с применением ст.24² УК принципиально не отличается по сопоставимым характеристикам от контингента осужденных, содержащихся на общем режиме, можно сделать вывод: приобщение к условиям жизни на свободе лиц, отбывающих ныне наказание в местах лишения свободы на общем режиме, может быть достигнуто средствами, свойственными ограничению свободы, избежав тем самым тех издержек, которые сопутствуют лишению свободы.

3. Существующие возможности социально-экономического характера по расширению объема действия института условного осуждения с применением ст.24² УК предполагают в свою очередь предусмотреть правовые и организационные меры, которые бы, с одной стороны, с достаточно высокой степенью надежности гарантировали соблюдение поднадзорными правопорядка в местах их сосредоточения и позволяли активно и с большей отдачей участвовать в трудовом процессе на предприятиях и стройках народного хозяйства - с другой. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, поскольку начавшийся процесс перехода на новый механизм хозяйствования уже поставил перед органами, исполняющими данный вид наказания, вопросы, которые до сих пор не разрешены в законодательном порядке. В настоящее время пока трудно прогнозировать дальнейшее развитие этого процесса. Однако отдельные проблемы в этом плане уже возникают. Поэтому представляется вполне обоснованным изучение опыта привлечения условно осужденных и освобожденных к труду на предприятиях, принявших нетрадиционные формы организации труда и производства. В частности, речь идет о предприятиях разгосударственных, либо перешедших на арендные отношения.

В соответствии с действующим законодательством исполнение приговора (определение) об условном осуждении (освобождении) с обязательным привлечением осужденного к труду на предприятиях, перешед-

ших на новые формы хозяйствования, не регулируется. В то же время каких-либо запретов на этот счет также не существует. В этой связи представляется важным вывод о том, что в принципе возможность привлечения спецконтингента для работы на предприятиях с нетрадиционными формами организации труда не исключается.

Более того, начавшийся процесс обновления хозяйственного механизма придает и будет придавать этой проблеме еще большую остроту. Как показывает опыт, на арендную, кооперативную форму хозяйствования очень часто переходят как раз те предприятия (структурные подразделения предприятий), которые отличаются тяжелыми условиями труда и работа на которых не является престижной для населения. Поэтому не исключено, что в ближайшем будущем вопросы вовлечения поднадзорных в трудовые процессы на таких предприятиях вряд ли будут сняты с повестки дня. В связи с чем следует нормативно закрепить правило о допустимости трудоустраивать условно осужденных на предприятиях подобного рода. При этом, однако, необходимо предоставить осужденному право выбора предприятия, где он будет трудоустроен (государственное, арендное, кооперативное).

4. Полагаем, что следует более решительно внедрять практику премирования сотрудников органа надзора "напрямую", непосредственно от хозоргана. Если в процессе заключения договора будет оговорено, что, например, начальник отряда будет выступать на объекте не только в качестве контролера, но и при необходимости помогать руководству хозоргана (кооператива) оперативно решать некоторые производственные задачи, и при выполнении этих обязанностей будет дополнительно поощряться какими-то премиальными суммами, вреда от такой практики не будет. Польза же очевидна. Тем более, что, как показал пока не богатый опыт трудоустройства осужденных в некоторых арендных предприятиях, руководство этих хозорганов охотно и с пользой для дела использует названный рычаг. Опасения относительно того, что при таком порядке премирования может оказаться нерадивый работник, на наш взгляд, явно преувеличены. Нерадивый работник вряд ли будет "радеть" на объектах предприятия и вряд ли поэтому будет поощрен. Поэтому в этом вопросе следует ориентироваться на подавляющую массу сотрудников органов надзора, которые в конечном счете заинтересованы в хороших результатах своей работы, а не на единицы, которым интересы дела безразличны.

О СИСТЕМЕ ОБЩЕПРЕВЕНТИВНЫХ МЕР БОРЬБЫ С
ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Г.Н.Дорожин

В криминологической литературе обоснованно отмечается, что общепревентивное воздействие уголовного наказания (в широком смысле слова) образует самостоятельную подсистему предупреждения преступлений. Она (эта подсистема) включает в себя уголовное законодательство, деятельность соответствующих правоохранительных органов по расследованию преступлений, назначению, исполнению уголовного наказания и осуществлению мер постпенитенциарного социального воздействия на осужденных.

Исчерпывается ли подсистема общей превенции названными элементами? Ответ на этот вопрос помогает получить вычленение того системообразующего фактора, который как бы "сцепляет" названные выше элементы в специфическую группу мер предупреждения преступлений.

Таким системообразующим фактором, как представляется, выступает особый социально-психологический механизм предупредительного воздействия - угроза наступления уголовной ответственности в случае совершения преступления. Естественно, устрашающий эффект различных элементов общей превенции различен, но данное обстоятельство не снимает вопроса о наличии сходных черт в данном психологическом механизме сдерживания преступного поведения. Важно также отметить, что признаки уголовного социально-психологического механизма предупреждения преступлений присущи не только указанной группе профилактических мер. Данное обстоятельство обосновано подметил И.Анденес, указав на то, что даже меры, не имеющие карательной направленности, "могут оказывать удерживающее воздействие, подобное тому, которое исходит от обычного наказания" (Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979, С.82). Действительно, в реальной жизни существует комплекс профилактических мер (чаще всего это меры индивидуальной профилактики), которые, не имея цели устрашения, объективно оказывают сдерживающее общепревентивное воздействие. Применительно к проблеме общего предупреждения преступлений несовершеннолетних это, например, постановка на профилактический учет в ИДН, осуществление контроля за лицами, к которым применена отсрочка исполнения наказания, деятельность работников ИДН по подготовке материалов о направлении подростков-правонарушителей в спецшколу, спецИТУ, проведение специальных мероприятий по борьбе с пьянством, наркоманией, токсикоманией и т.д.

Представляется, что указанные (и другие подобные) меры могут быть также включены в подсистему общего предупреждения преступлений, о выполнении специфической для них роли, суть которой заключается в своеобразном "обслуживании" общепреventивной функции всего механизма уголовно-правового регулирования.

Можно привести следующие доводы в пользу целесообразности включения указанных мер в подсистему общей превенции.

1. Большинство из этих мер применяются к лицам, склонным к совершению преступлений. Можно предположить, что и в этом случае устрашающий общепреventивный фактор ассоциируется в окружении данных несовершеннолетних с возможностью в будущем наступления уголовной ответственности.

2. Указанные меры проводятся в жизнь чаще всего органами, осуществляющими функции по реализации уголовной ответственности. Это обстоятельство также существенно сближает их с деятельностью, сказывающей общепреventивное воздействие в связи с применением норм уголовного законодательства.

3. Подобные профилактические меры применяются, как правило, в комплексе, в сочетании с мерами по раскрытию преступлений. Поэтому в сознании подростков все эти виды деятельности как бы сливаются воедино, что соединяет и их общепреventивный результат.

4. По своим внешним проявлениям некоторые профилактические меры (например, направление подростка в спецшколу, спец(П)ТУ) имеют значительное сходство с определенными мерами уголовной ответственности. Вот почему по своему устрашающему результату они, видимо, не менее значимы для несовершеннолетних.

5. Важно также отметить и то, что указанные профилактические меры оказывают общепреventивное воздействие на ранних стадиях формирования антиобщественных свойств личности. Тем самым как бы подтверждается реальность существования механизмов сдерживания преступности с более жесткими средствами уголовно-правового принуждения.

Практическое значение имеет вопрос о видах конкретной профилактической деятельности, которая может быть включена в подсистему общепреventивных предупредительных мер, рассчитанных на несовершеннолетних.

Во-первых, сюда могут быть отнесены меры профилактики так называемого отклоняющегося поведения подростков и юношей (дельянство, алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.). В криминологии они выделяются иногда в особый вид предупредительной деятельности и именуются профилактикой ограничений (См.: Голина В.В. Криминологическая

профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. Киев, 1989, С.43-44). Такого рода меры существуют, например, в виде направления несовершеннолетних на лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании и влекут за собой усиление социального контроля со стороны органов милиции и общественности. Отсюда и определенный общепреventивный эффект.

Другая группа индивидуально-профилактических мер данного типа - это меры по устранению криминогенных объектов. Здесь прежде всего имеется в виду деятельность по установлению субъектов преступления, ограждение несовершеннолетних от лиц, вовлекающих их в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение и т.п. Общепреventивный результат этой деятельности связан прежде всего с нейтрализующим воздействием на наиболее активную часть негативного окружения несовершеннолетних.

Следующая группа мер - это меры, направленные на предотвращение преступлений со стороны лиц (и социальных общностей), обнаруживших намерение совершить преступление. Сюда относятся меры контроля по месту жительства, устранение криминогенного лидерства в группе с антиобщественной направленностью, прекращение совместной деятельности, носящей антиобщественный характер, и другие. Специфика общепреventивного влияния такой деятельности - в стимулировании у подростка осознания опасности самой идеи совершения преступления, формировании контрмотивов, исключающих преступную деятельность как способ решения проблем.

Общепреventивное воздействие на окружение подростков-правонарушителей имеют и меры индивидуальной профилактики, направленные на пресечение уже начатых преступлений. Их суть заключается в понуждении несовершеннолетних к добровольному отказу от продолжения преступной деятельности, проведении специальных мероприятий (рейдов, проверок), препятствующих продолжению преступных проявлений со стороны конкретных лиц и т.п. Сдерживающий результат этих мер определяется прежде всего отчетливо выраженной решительностью и оперативностью субъектов профилактики в реагировании на факты уже начатых преступлений несовершеннолетних.

В качестве специального блока общепреventивных правовых мер можно выделить нормы и практику привлечения несовершеннолетних к административной ответственности.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Т. П. Русакова

Сравнительный анализ применения условного осуждения и отсрочки исполнения приговора в отношении несовершеннолетних позволял установить, что по комплексу личностных свойств, а также по характеру и степени общественной опасности совершаемых преступлений указанные контингенты осужденных не имеют существенных различий. В связи с этим нельзя обосновать оправданность различного правового режима условного осуждения и отсрочки исполнения приговора в отношении несовершеннолетних. Одновременное существование этих институтов в законе не рационально и осложняет их реализацию. Поэтому представляется необходимым привести данные уголовно-правовые институты к единообразию. В объединенной из условного осуждения и отсрочки исполнения приговора мере уголовно-правового воздействия (целесообразно назвать ее условным осуждением несовершеннолетних и поместить в специальном разделе Основ об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних) должны найти оптимальное соотношение оправдывающие себя на практике черты обоих институтов. В разделе VIII Основ уголовного законодательства после статьи об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и наказания предлагается внести статью следующего содержания.

Статья 71. Условное осуждение.

Лицу, впервые осуждаемому за преступление, совершенное в возрасте до восемнадцати лет, суд, назначив за это преступление наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, может постановить об условном неприменении наказания в течение испытательного срока от двух до трех лет, если с учетом личности виновного и иных обстоятельств дела придет к убеждению о целесообразности исправления и перевоспитания осужденного без изоляции от общества.

В течение испытательного срока осужденный должен доказать свое исправление честным отношением к труду и учебе, соблюдением общественного порядка. К условно осужденному могут быть предъявлены специальные требования: продолжение обучения или поступление на работу; запрещение употребления спиртных напитков; запрещение посещения определенных мест; исполнение требований контролирующих органов; запрещение пребывания в общественных местах

или на улице в ночное время; добросовестное отношение к обучению и выполнению трудовых обязанностей; принесение публичного извинения потерпевшему; устранение вреда, причиненного преступлением, личными усилиями; отчеты перед трудовым или учебным коллективом о проведении и об отношении к труду и учебе. Суд может также изменять объем указанных требований к поведению осужденного в течение испытательного срока. Суд должен возложить на определенный трудовой или педагогический коллектив, либо на общественную организацию обязанности по проведению с осужденным воспитательной работы.

Исправление и перевоспитание условно осужденных, предупреждение совершения ими правонарушений осуществляется инспекциями и комиссиями по делам несовершеннолетних.

Если условно осужденный в течение испытательного срока этически нарушает общественный порядок или трудовую дисциплину, в связи с чем к нему неоднократно были применены меры административного взыскания или общественного воздействия, либо мер дисциплинарного характера; не выполняет предъявленные к нему судом требования, суд выносит определение об отмене условного осуждения и о направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором.

Если условно осужденный доказал свое исправление честным отношением к труду и учебе, соблюдением общественного порядка, суд по истечении испытательного срока освобождает его от наказания окончательно, и лицо считается несудимым.

В случае совершения условно осужденным нового неосторожного преступления суд может решить вопрос об отмене либо об оставлении условного осуждения.

В случае совершения осужденным нового умышленного преступления суд отменяет условное осуждение и назначает наказание за оба преступления по правилам о назначении наказания по чекоским приговорам.

Предлагаемая выше статья сконструирована с учетом специфики применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних преступников. В ней предусмотрены особенности оснований применения такой меры, своеобразный перечень обязанностей, которые могут возлагаться на несовершеннолетних, а также особенности отмены этой меры и воспитательно-профилактического воздействия на несовершеннолетних.

ВОСПРИЯТИЕ ВОСПИТАНИКАМИ ВТК УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Н. В. Густап

На фоне демократизации нашего общества начался и процесс гуманизации отбывания лишения свободы. Пока этот процесс идет медленно, в виде разрозненных мероприятий органов внутренних дел. Но совершенно очевидно, что необходима глобальная перестройка всей пенитенциарной системы на основе нового законодательства. Только принятие с учетом научных рекомендаций нового, более гуманного законодательства позволит совершить перелом в системе отбывания наказания.

Самого пристального внимания требуют воспитательно-трудовые колонии, т.к. на несовершеннолетних особенно сильно отражается действующая система отбывания уголовного наказания. В этой связи нами было проведено изучение 400 воспитанников из двух ВТК Томской области (170 девушек и 230 парней) с целью определить их отношение к наказанию в виде лишения свободы и с учетом этого оценить действующее законодательство. Проанализируем некоторые результаты этого изучения.

На вопрос: "Что Вам не нравится в ВТК?" были предложены 13 вариантов ответов. Первые места заняли следующие: отрыв от родителей, плохая пища, форма одежды.

Самый отрицательный момент как для девушек, так и для парней - это отрыв от родителей. Девушки почти все недовольны этим, а парни - 4/5. Причем этот показатель резко превышает все другие показатели. Объяснение этому, безусловно, в возрасте ребят. Их средний возраст - 16,7 года, 4/5 из них - несовершеннолетние. В этом возрасте активно идет процесс формирования личности, несовершеннолетние требуют постоянной опеки, нуждаются в помощи, совете. Особенно это касается девушек. Общеизвестно, что родительской заботе нет равноценной замены. Поэтому необходимо признать, что отрыв от родителей - одна из самых отрицательных черт лишения свободы несовершеннолетних. Этот вывод надо обязательно иметь в виду при законодательной регламентации ограничения применения лишения свободы к несовершеннолетним и регламентации порядка отбывания лишения свободы несовершеннолетними. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах.

По действующему законодательству (ст. 75 ИТК РФ) воспитанникам разрешены только шесть 4-часовых свиданий в год. Это чрезвычайно мало. В ВТК наряду с краткосрочными необходимо ввести длительные свидания, как в ИТК. А то некоторые родители едут неделю почти через всю страну, а видят ребенка всего 4 часа. К 90 % девушек из Приморского края никто не приезжает на свидания. Вопрос этот можно решить следующим образом: ежемесячные длительные свидания и краткосрочные свидания в неограниченном количестве в свободное от учебы и работы время.

Со свиданиями связан и ещё один вопрос. В действующем законодательстве предусмотрено такое взыскание, как лишение свидания. И хотя в настоящее время в томских ВТК это взыскание практически не применяется, по степени тяжести оно поставлено девушками на первое место со значительным отрывом, за ним следуют лишение права на получение посылки или передачи и запрещение на месяц покупать продукты питания и водворение в ДИЗО. Юноши поставили лишение свидания на четвертое место после перевода в ВТК усиленного режима, водворения в ДИЗО и перевода в ИТК. Применение взыскания в виде лишения свидания имело бы больше не воспитательных, а травмирующий эффект, поэтому такое взыскание надо вообще упразднить в ВТК.

Необходимо и вообще ограничивать применение к несовершеннолетним лишения свободы в его нынешнем понимании. Воспитанники говорят, что шок они испытывают в следственном изоляторе и в первые месяцы пребывания в ВТК, а дальше наступает тоска и озлобление. Девушки отмечают: "Без нашей женственности останется тут". Многие воспитанники прошли следующий путь: сначала отсрочка исполнения приговора, затем лишение свободы сразу по двум приговорам. У девушек средний срок наказания по приговору - около трех лет, более трети девочек за предыдущие преступления осуждались условно или с применением отсрочки исполнения приговора (подавляющее большинство). Между отсрочкой и довольно длительным лишением свободы нет никакого промежуточного звена в системе мер ответственности. Представляется, что для несовершеннолетних в первую очередь должно быть введено такое наказание, как краткосрочный арест. Арест и лишение свободы должны регулироваться отдельно для лиц женского пола и отдельно для лиц мужского пола, т.к. они совершенно различно воспринимают наказание.

На плохую пищу в ВТК указали 2/3 девушек и парней. А ведь суд никого из них не приговаривал к полуголодному существованию. В ВТК-1 на 1991 год предусмотрено питание одного воспитанника в 93 к. в день. А попробуйте пообедать на 31 копейку. Тем более, что ребята ещё растут. Зато закон громко декларировал для них бесплатное питание. и в то же время удержание 2/3 заработка на содержание ИТУ, а зарабатывают они сейчас 2 р. 82 к. в день. Сама администрация признает, что на выделяемые на питание деньги невозможно накормить ребят, особенно при нынешнем росте цен. На приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости можно расходовать только 10 р. в месяц, получать только шесть посылок или передач в год, да и то по 5 кг каждая, а не по восемь, как обычная посылка, хотя непонятно - почему. Инертность системы просто поражает.

Ассигнования на ВТК, безусловно, надо резко увеличивать, но когда это произойдет? Но уже сейчас надо искать выход из создавшегося положения. Зарплату ребятам надо выплачивать без удержаний. Необходимо организовать дополнительное питание за счет самих воспитанников в виде буфета с безналичным расчетом. Это будет и дополнительным стимулом к труду. При определенных условиях надо разрешить также расходовать деньги, присылаемые родителями. Кстати, увеличение числа свиданий также положительно отразится на питании воспитанников.

Форма одежды в ВТК не нравится более чем 2/3 девушек и половине парней. По закону форма выдается бесплатно, но и этому никто не рад. Все возражения по поводу формы можно свести к двум, Первое - эстетического характера. Форма некрасивая, она унижает человеческое достоинство. Особенно сильно это задевает девушек. Девушка в фуфайке и кирзовых сапогах - куда ещё хуже? Второе - медицинского характера. Форма холодная, ребята в ней мерзнут. Опять же в первую очередь - девушки. Отсюда распространенность различных заболеваний. Ничего страшного не произойдет, если разрешить "вольную" форму одежды, безусловно, с определенными ограничениями. Если же делать красивую единую форму, то не надо её регламентировать вплоть до последней пуговицы. Единой в мелочах она быть не должна.

КАК ФОРМИРОВАТЬ АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Б. В. Коротких

Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел формировалось и развивалось вслед за их структурным изменением, предопределенным состоянием и динамикой преступности, по известной логической схеме: изменение объекта воздействия – постановка новых задач органам внутренних дел – образование соответствующих структурных подразделений – формирование информационной базы их функционирования. В результате такой эволюции сформировался конгломерат разнородных, разрозненных рамками структуры ОВД и в основном не сопоставимых друг с другом массивов информации, каждый из которых автономно обслуживает потребности конкретной службы. Редким исключением выглядят отдельные централизованные блоки информации характеризуемые определенной универсальностью, т.е. способные обеспечивать потребности практически любого подразделения ОВД. К таковым можно отнести сведения о прописке граждан, сведения о наличии судимости, сведения о перемещении осужденных и некоторые другие информационные массивы, формируемые, как правило, на уровне областных структур ОВД, таких, как областное адресное бюро или информационный центр УВД. Общим моментом в характеристике как централизованных, так и локальных массивов информации является рутинность средств её фиксации, формирования, хранения и обработки, порождающая безудержный рост числа разного рода дополнительных массивов информации, тем самым ещё более затрудняющая доступ и получение необходимых сведений сотрудниками органов внутренних дел.

Весь объем информации, обслуживающей потребности районного городского отдела внутренних дел, рассредоточен на более чем двухстах массивах, формируемых в виде различного рода картотек, коллекций, журналов, накопительных дел, фототек, причем лишь примерно пятую часть составляет основная информация, все остальное носит вспомогательный характер, либо обеспечивая доступ к основной, либо частично систематизируя основную, либо выделяя фрагменты основной информации по критериям, обусловленным специфическими задачами конкретной службы ОВД.

Такая организация информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел порождает многократное дублирование инфор-

магии, перегрузку каналов её циркуляции, вынуждает все большее число сотрудников ОВД заниматься формированием, переработкой бумажного вала при минимальной эффективности использования имеющейся информации для решения вопросов борьбы с преступностью.

Единственный выход из создавшейся ситуации возможен на пути создания принципиально новой, основанной на достижениях электронной техники и информатики, системы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел. Естественно, учитывая большой объем и широкий спектр, содержащейся в ОВД информации, их явно недостаточную оснащенность современной вычислительной техникой, острейший дефицит подготовленных специалистов, способных создавать и эксплуатировать автоматизированные информационные системы, нельзя одновременно перейти от старой организации информационного обеспечения к технологии автоматизированных банков данных. Тем не менее вполне реальными представляются как минимум три варианта постепенного, действительно системного построения взаимосогласованных блоков информации, необходимой для нормального функционирования органов внутренних дел на базе вычислительной техники информационного центра УВД и появляющихся в отдельных подразделениях ОВД персональных компьютеров.

Первый вариант - это разработка автоматизированной информационной системы (АИС) под конкретную широкомасштабную задачу, решаемую несколькими службами ОВД. Такой задачей, к примеру, может быть предупреждение органами внутренних дел рецидива преступлений среди отбывших наказание. В реализации этой задачи участвует достаточно широкий круг подразделений ОВД, нуждающихся в единой информационной базе, содержащей сведения, которые максимально полно характеризуют подучетный контингент на всех этапах его прибытия в сфере профилактического воздействия органов внутренних дел. Взаимозависимость и взаимопроникновение сфер деятельности подразделений, участвующих в предупреждении рецидива, а также их организационная разобщенность определяют необходимость формирования банка данных на уровне структур УВД, таких, как информационный центр, обладающий соответствующими техническими средствами и квалифицированными специалистами.

Второй вариант создания автоматизированной информационной системы по существу является разновидностью первого и заключается в разработке АИС, обеспечивающей деятельность отдельного руководителя, такого, как начальник РОВД. Главным отличием от первого ва-

варианта является то, что в данном случае информационная система обеспечит не специфическую, хотя и ширококомасштабную задачу, а весь комплекс задач, составляющий компетенцию начальника РОВД. Реализация данного варианта хотя и более трудная задача, чем первая, может быть осуществлена поэтапно с учетом выбранных приоритетов на базе персонального компьютера.

И, наконец, третий вариант — это разработка АИС, обеспечивающей деятельность отдельного подразделения РОВД. Этот путь является наиболее предпочтительным, поскольку, во-первых, позволяет начать разработку немедленно, на имеющихся технических средствах; во-вторых, относительная автономность информационных блоков отдельных подразделений позволит сосуществовать, на первых порах, локальным автоматизированным системам со старым информационным обеспечением; в-третьих, в самом подходе заложена определенная поэтапность реализации АИС от отдельного подразделения до целостной системы, охватывающей весь комплекс информации РОВД; в-четвертых, опыт, приобретенный на начальных этапах, позволит существенно ускорить в дальнейшем разработку АИС РОВД.

Выбор варианта создания автоматизированной информационной системы ОВД, по существу, должен вылиться в программу компьютеризации информационных процессов в органах внутренних дел, которая наряду с выбором приоритетов должна предусмотреть решение двух вопросов, возникающих при реализации любого из предложенных вариантов. Это, во-первых, постоянное наращивание средств вычислительной техники, с тем, чтобы со временем обеспечить все структуры ОВД; во-вторых, подготовка кадров, способных эксплуатировать автоматизированные информационные системы ОВД.

Наиболее приемлемой формой подготовки кадров для пользования АИС является включение сотрудников органов внутренних дел в разработку и внедрение в практическую деятельность автоматизированных информационных систем именно тех подразделений, представителями которых они являются, с тем, чтобы через участие в разработке овладеть навыками работы с вычислительной техникой на уровне пользователей информацией.

Поэтапная разработка автоматизированной информационной системы РОВД, постепенное наращивание мощностей вычислительной техники наряду с предложенной системой подготовки кадров позволят в относительно короткий срок выйти на качественно новый уровень информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел.

К ПРОЕКТУ Ч.2 СТ.2.5.2 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
В.Г.Швыдкий

В ч.2 ст.2.5.2 проекта Конституции Российской Федерации, подготовленного Конституционной комиссией РСФСР, говорится: "(2). Принудительный труд запрещается. Не рассматривается в качестве принудительного труда работа или служба, ... требуемая от какого-либо лица вследствие приговора суда"¹.

По нашему мнению, цитируемый текст проекта Конституции РФ не соответствует требованиям п.п.3 "а", "б", "в", "в"(I) ст.8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (в дальнейшем - МП). В указанном тексте проекта искажается, неоправданно сужается содержание критериев, служащих разграничением принудительного труда осужденных от не принудительного, принятых международным сообществом.

Авторы названного проекта Конституционного положения, как представляется, упускают из виду то, что в ст.8 МП понятия "труд", "работа", "служба" используются в двух значениях.

Первое. В п.3 "б" ст.8 МП, когда говорится о том, что "в тех странах, где в виде наказания за преступление может назначаться лишение свободы, сопряженное с каторжными работами", понятия "труд", "работа" имеют значение средств уголовного наказания (принуждения), которые включены в ряд других, определяющих содержание лишения свободы. Второе. В то же время согласно п.п.3 "в" и 3 "в"(I) ст.8 МП термином "принудительный или обязательный труд" не охватывается "какая бы то ни была не упоминаемая в подпункте "б" работа или служба (выделено нами. - В.Ш.), которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения", т.е. в данном случае понятия "работа", "служба" имеют значение не средств уголовного наказания, представляющих карательные ограничения в принудительности труда, его условиях и т.п., а средств социальной реабилитации, ресоциализации осужденных лиц, исключавших, по определению, принудительность, карательные ограничения, чрезвычайные тяготы в работе или службе. Заметим в этой связи, что в п.7I(I) Минимальных стандартных правил обращения с заключен-

1. См.: Конституция Российской Федерации (проект)//Аргументы и факты. 1990. № 47.

ными ООН (1955 г.), где указывается: "Труд заключенных не должен приносить им страданий, имеется в виду именно труд реабилитационного характера, имеющий назначение ресоциализации осужденного и т.п., а не труд как кара, уголовное наказание, каторжный труд."

В то же время согласно п.3 "б" ст.8 МП каторжная работа в местах лишения свободы (сопряженная с лишением свободы) - это принудительный труд, но который разрешается международным сообществом, если применяется в качестве уголовного наказания.

Таким образом, благодаря анализу п.п.3 "а", "б", "в", "в"(I) ст.8 МП можно определить достаточно четкие (формальные и содержательные) критерии отграничения принудительного труда осужденных от не принудительного. Следует признать, ориентируясь на рассмотренные критерии, что производственный труд осужденных в советских ИТУ является трудом принудительным, который реализуется в форме обязательного труда. Во-первых, условия труда осужденных включают в себя существенные тяготы, ограничения (см., например, ст.38, ч.1 ст.39 ИТК РСФСР), которые выступают по существу средством принуждения за преступление, к тому же они не назначаются судом в качестве уголовного наказания, а являются следствием приговора к лишению свободы. Понятно, что в ином случае этот принудительный труд выступал бы в форме уголовного наказания, что не противоречит ст.8 МП. Во-вторых, производственный труд осужденных, его условия не соответствуют также задачам социальной реабилитации, ресоциализации преступников, поскольку противоречат требованию п.3 "в"(I) ст.8 МП, которым в качестве средств реабилитационного назначения, ресоциализации преступников предусматриваются только виды работы или службы, не включающие в свое содержание принудительных ограничений, используемых в качестве средств уголовного наказания.

Рассмотренное положение ч.2 ст.2.5.2. проекта Конституции Российской Федерации не представляется нам правильным ни по форме, ни по содержанию. Оно способно, в случае конституционного закрепления, лишь законсервировать ту алогичную, не соответствующую международным нормам правовую систему в деле регулирования труда осужденных, которая определяется действующим уголовным и исправительно-трудовым законодательством, Конституцией РСФСР.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В.К.Новосельцев**

I. В соответствии с концепцией уголовно-исполнительной системы (одобрена коллегией МВД СССР 16 июля 1990 г.) и проектом Основ уголовно-исполнительного законодательства РСФСР, союзных и автономных республик, основной целью исполнения наказания в виде лишения свободы является "исправление осужденных", этот вид наказания исполняют "исправительные учреждения", к осужденным применяются "средства исправления".

В соответствии с действующим исправительно-трудовым законодательством основной целью наказания в виде лишения свободы является "исправление и перевоспитание осужденных". Этот вид наказания исполняют "исправительно-трудовые учреждения", к осужденным применяются "средства исправления и перевоспитания".

Итак, из цели рассматриваемого наказания и средств её достижения в проектах нового законодательства изъят термин "перевоспитание". Очевидно, это не простое (случайное) изменение терминологии. Полагаем, что авторы и Концепции, и проекта Основ, исходя из объективной оценки условий (материальных, финансовых, организационных, правовых), обстановки, сложившейся на сегодняшний день (ближайшей перспективы её развития) в местах лишения свободы, сознательно пошли на путь более "мягкой" (а поэтому и более реальной) формулировки цели наказания. Такой подход к цели наказания должен увеличить возможности в её достижении органами, исполняющими наказание, их основная задача должна стать также более реальной.

Вместе с тем, если решение задачи понимать "как достижение цели при (в) определенных условиях", то снимет ли все проблемы только упомянутое изменение цели наказания. Если нет необходимых и достаточных условий для решения задачи "исправления и перевоспитания", вероятно, трудно рассчитывать, что они уже созданы (или могут быть легко и быстро созданы) "просто" для исправления осужденных. Можно ведь идти по пути ещё более осторожного, чем "исправление", определения цели: например, "ресоциализация" или "коррекция поведения" осужденных.

Выбор авторами проекта нового законодательства в качестве цели наказания: исправление осужденных, во-первых, вызывает необходи-

мость раскрыть содержание одной из основных дефиниций закона об исполнении наказания (его цели). Чтобы решать задачу (достигать цель), практические работники должны знать её содержание; во-вторых, мы вправе рассчитывать, что для решения этой задачи в законе созданы необходимые правовые условия.

2. В связи с этим возникает необходимость анализа изменений в проекте Основ в направлении расширения этих условий. Судя по пояснительной записке магистральным направлением избрана максимальная гуманизация условий и порядка отбывания наказания, "РСФСР уважает и охраняет права и законные интересы осужденных, как членов общества обеспечивает необходимые условия их исправления, гарантирует социальную справедливость, защищенность личности при исполнении наказаний и иных уголовных мер" (ст. 6 проекта Основ). Такое определение правового положения осужденных в соответствии с действующим законом действительно можно оценить как стремление к более гуманному и справедливому отношению к осужденным, более конкретному определению обязательств государства перед ними.

В то же время в соответствии с логикой построения обсуждаемого правового акта эта общая декларация статуса гражданина государства, осужденного к временному лишению свободы, должна получить конкретное воплощение при регулировании (в регламентации) отдельных сфер его жизнедеятельности.

Остановимся на правовом регулировании труда осужденных, поскольку, именно этот аспект их жизнедеятельности подвергается наиболее острой и почти единодушной критике со стороны ученых, практиков и средств массовой информации. В настоящее время в наиболее радикальных предложениях предусматривается отмена обязательности труда осужденных (кроме работы или службы хозяйственного или культурно-бытового назначения) с сохранением права осужденного при его желании участвовать в производительном труде, что создает возможности замены принудительного труда трудом свободным. Судя опять же по пояснительной записке к проекту Основ, авторскому коллективу известна эта позиция, но они оценивают её как "неработающую абстракцию, полностью оторванную от жизни" в силу финансовых затруднений государства, и, поскольку в этом случае общество недополучает на миллиарды рублей так ныне необходимой продукции. Трудно утверждать, чего больше в этих объяснениях: твердо сформировавшегося прагматизма по отношению к

выгодной (дешевой) рабочей силе или трезвой и взвешенной оценки нынешнего тревожного финансового положения в государстве (материального в обществе), однако, очевидно, что эти чувства сильнее, чем тревога по отношению к нынешнему положению дел в так называемом "трудоиспользовании" осужденных. Ну, а поскольку "осужденный обязан трудиться" (ст. 16 п. 1), "администрация исправительного учреждения обязана принимать меры к обеспечению трудовой занятости осужденных" (ст. 16 п. 2). С этого момента обеспечение обязательности труда осужденных вновь, как и прежде, "дело рук" самой системы ИТУ. Однако уже имеющийся опыт показывает, что обязанность обеспечить трудовую занятость осужденных только своими силами администрация во многих случаях и по обстоятельствам, от неё не зависящим, не может. А выполнение этой навязываемой, но не подкрепленной соответствующими условиями обязанности принимает уродливые формы. Достаточно вспомнить конец 70-х-начало 80-х годов, когда проблема отсутствия фронта работ у осужденных решалась, в основном, за счет "скрытого вывода" лишних людей на производство. С развитием рыночных отношений, возникновением рынка труда и возможно частичной безработицы проблемы администрации с трудоустройством осужденных могут значительно обостриться. Поэтому, если и сохранять обязательность труда для осужденных, системе исправительных учреждений должны быть гарантированы государством финансовые (и иные) формы обеспечения этой занятости.

Вместе с тем, если концепция обязательности труда осужденных получит свое закрепление и будет обеспечена государством, с нашей точки зрения, радикальных изменений в правовое регулирование труда осужденных в новом законодательстве не вносится. Предоставление трудовых отпусков, возможность зачета в трудовой стаж времени работы осужденных в период отбывания наказания при условии добросовестного отношения к труду и т.д. можно рассматривать как совершенствование стимулирования труда, но не как радикальные изменения. Деятельность предприятий системы ИТУ в условиях экономической реформы, переход их на хозрасчет поставили перед необходимостью совершенствования имеющихся и попытки внедрения новых форм организации и стимулирования труда: подряда, аренды. Эти формы предполагают договорные отношения между администрацией и осужденными. Ведомственные нормативные акты определяют, что эти договора заключаются в пределах, предоставленных действующим законодательством

вом. Но в пределах действующего законодательства нет места договорным отношениям между администрацией и осужденными. Не предусматривает таких возможностей и предлагаемый проект Основ. Таким образом, законных оснований для развития новых форм организации труда осужденных по-прежнему нет.

В соответствии со ст. 14 п. 1 проекта Основ "Осужденным предоставляется право расходования денег на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости в размерах, обеспечивающих необходимые индивидуальные санитарно-гигиенические, физиологические и бытовые потребности". Это положение законопроекта, хоть и смягчает ограничения в расходовании заработка осужденными по сравнению с действующим законодательством, может рассматриваться как начальный (отправной) момент. По нашему мнению, можно пойти дальше и разрешить расходование денег в более широких размерах, чем это определено (ст. 14 п. 1), до возможности полностью распоряжаться своим заработком, поставив это право в зависимость от отбытого срока наказания, отношения к труду и поведения осужденного.

Сокращение обязательности труда осужденных, объективные ограничения в силу изоляции в возможностях найма только пределами собственного производства или контрагенте, отсутствие оснований для договорных отношений при трудоустройстве, дифференциации и прогрессивной системы в распоряжении осужденными собственным заработком, как нам представляется, мало способствуют снижению остроты вопроса о принудительном труде осужденных.

В основу правового регулирования труда осужденных (и это, пожалуй, единственная сфера их жизнедеятельности, где можно применить такой подход) должен быть заложен принцип "разрешено все, что не запрещено". Конкретное воплощение такого подхода выражается в том, что усилия уголовно-исполнительного законодательства направляются на решение только тех основных вопросов в сфере труда осужденных, которые прямо вытекают из специфики лишения свободы как временной физической изоляции осужденных от общества.

Все остальные вопросы в этой сфере регулируются трудовым и хозяйственным правом, особенно в условиях становления и последующего развития рыночной экономики.

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО БАНКА ДАННЫХ В ТЕКУЩЕЙ РАБОТЕ И ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОВД

Я. В. Золотенко

Все лица, имеющие не снятую или не погашенную в установленном законом порядке судимость, при прописке по месту жительства учитываются паспортным отделением ГОРОВД в картотеке "Форма № 26" (Ф-26). Данный массив информации представляется возможным использовать для решения справочно-розыскных и криминологическо-статистических задач.

Под справочно-розыскной задачей понимается установление по отрывочным сведениям о правонарушителях круга лиц, отвечающих предъявленным требованиям, и локализации района ряда оперативно-розыскных мероприятий. При решении задач данного типа возможно применение сведений, содержащихся в следующих реквизитах карточки Ф-26: Ф.И.О., дата рождения, место рождения, откуда прибыл на территорию района, в каком ИТУ отбывал наказание, дата прибытия в район, дата освобождения из ИТУ, адрес прописки. Сведения из реквизитов "откуда прибыл на территорию района" и "в каком ИТУ отбывал наказание" возможно использовать для выявления круга знакомств, вероятных связей подучетного лица.

Данный учет слабо ориентирован на розыск. Он не содержит такие основные сведения о лице, как особые приметы, приметы, кличка и т. д. Большим минусом учета при использовании его в интересах розыска является отсутствие адреса фактического местожительства, зачастую не совпадающего с адресом прописки. Кроме того, принадлежность учета к паспортному отделению исключает из него всех лиц, осужденных без лишения свободы и не изменивших место жительства. Следовательно, учет Ф-26 может привлекаться к справочно-розыскным задачам как второстепенный, дополнительный источник информации для перепроверки данных других источников либо наряду с ними.

Если направленность справочно-розыскных задач сугубо личностная, то результатом криминологическо-статистических задач будут количественные или (и) качественные показатели криминологической ситуации в районе, а также показатели работы ряда отделений РОВД.

Одной из важных задач криминологического характера, решаемых с помощью картотеки Ф-26, может быть определение степени криминогенной

опасности района, причем район может быть как жестко задан в пространственных координатах, так и возможно определение наиболее опасных и наиболее безопасных районов. При решении данной задачи учитываются количество ранее судимых лиц, их возраст, последняя судимость (Статья УК РСФСР), срок проживания на данной территории, количество судимостей, наличие административного надзора, признание ООР.

Следующую задачу можно условно назвать "легализация подучетных". Она носит контрольный характер по отношению к службам ГОРОВД, отвечающим за обустройство вновь прибывшего из мест лишения свободы. На основании граф "дата освобождения из мест лишения свободы", "дата прибытия в район" и "дата прописки" устанавливается время, прошедшее с момента освобождения до момента прописки с промежуточным контролем (дата прибытия в район). Соответственно чем меньше этот срок, тем оперативнее работают службы ГОРОВД.

Фиксируя место рождения, место отбывания наказания, национальность, картотека Ф-26 дает возможность проследить за миграционным процессом в районе. Можно проследить динамику поступления уроженцев других регионов за определенный период, определить районы, из которых более всего приезжают на жительство на данную территорию ранее судимые лица. Как представляется, картотека Ф-26 функционально более всего соответствует именно этой задаче.

Помимо трех выше названных криминологическо-статистических задач с помощью картотеки Ф-26 можно получить следующую информацию:

- статистическая информация - число подучетных лиц, число находящихся под административным надзором, число лиц, признанных ООР, число лиц, судимость которых истекает в текущем году (месяце), число лиц, прописанных временно и у которых оканчивается срок прописки;
- криминологическая информация - возрастная структура подучетных лиц, структура подучетных по срокам наказания, преобладающие статьи УК РСФСР (группы статей УК РСФСР), структура подучетных по количеству судимостей.

Насколько можно судить из всего вышесказанного, ценность картотеки Ф-26 для практической деятельности ГОРОВД невелика и ограничивается контролем за оперативностью деятельности ряда служб РОВД.

Несколько более значима информация картотеки Ф-26 для перспективного планирования деятельности РОВД. Исследования по миграции подучетных лиц из других регионов в сочетании с выявлением крими-

ногенных зон может облегчить работу по профилактике формирования преступных структур, образованных по типу национальных кланов. Также ценна и собственно информация о криминогенно опасных зонах. Данные картотеки Ф-26 статистического характера могут помочь в планировании работы с лицами, вернувшимися из мест лишения свободы, оказать влияние на действия службы профилактики по предупреждению рецидивной преступности.

Вместе с перечислением достоинств картотеки Ф-26 необходимо указать и на недостатки. Помимо явных провалов при составлении карточки Ф-26, таких, как отсутствие графы "пол", в глаза бросается неудачная попытка разработчиков сделать карточку Ф-26 пригодной для нескольких служб, приходя к эклектическому смешению разнородной информации, что в совокупности со стремлением сократить карточку Ф-26 до минимума сделала невозможным эффективно её использовать, за исключением разве перечисленных трех задач криминологическо-статистического характера, так как обрывки разнородной информации не позволяют дать полный и однозначный ответ на поставленные вопросы.

В заключение необходимо сказать, что картотека Ф-26 является частью учета РОВД, несущей вполне определенную функциональную нагрузку - фиксация лиц, попадающих в сферу деятельности РОВД. Взятая в отдельности, она не представляет большой ценности, но в комплексе всех учетов является необходимым фрагментом общей картины криминогенной обстановки в районе.

В то же время использование картотеки Ф-26 невозможно без современных средств обработки информации. Только будучи объединенной в единый банк информации на уровне города - области, возможна реализация отмеченных выше задач, что невозможно при ручном способе ведения и работы с картотекой из-за большого объема информации. Справиться с этой задачей возможно при условии создания автоматизированного банка данных, компьютерной системы ведения учетов.

ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ
ПОВЫШЕННУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
ГРУППОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Д. А. Сагченко

1. В правовом регулировании уголовной ответственности за групповые преступления важная роль принадлежит специальным нормам, устанавливающим повышенную ответственность за совершение преступления "группой лиц" (ст. 74, 117, 238 и др. УК РСФСР), "по предварительному сговору группой лиц" (ст. 89-92, 144-147, 156 и др.), "группой лиц, организовавшихся для занятия преступной деятельностью" (ст. 78), "организованной группой лиц" (ст. 70), "организованной группой" (ст. 39 УК РСФСР).

Основанием уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за групповое преступление, т.е. тем существующим в реальной действительности обстоятельством, которое детерминирует их содержание, является опасность причинения вреда общественным отношениям в результате совместных действий определенной категории людей.

Эта опасность определяется, с одной стороны, характером и состоянием тех общественных отношений, которым может быть причинен ущерб, т.е. обстоятельствами экономического, политического и т.п. характера, и, с другой стороны, особенностями поведения, являющегося источником опасности для указанных общественных отношений.

2. Факторы, характеризующие групповое общественно опасное поведение как источник опасности для охраняемых уголовным законом общественных отношений, в целом могут быть определены как обстоятельства криминологического характера. В то же время эти обстоятельства неоднородны.

В детерминации содержания норм, регулирующих ответственность за преступления, совершаемые группой, большую роль играют такие факторы, как состояние, структура, динамика группового общественно опасного поведения, его причины и условия, особенности личности участников совместных общественно опасных действий. Эти обстоятельства являются предметом криминологии и выступают в качестве криминологических, в собственном смысле слова, оснований изучаемых норм. В тех случаях, когда групповое общественно опасное поведение уже признано преступным, к таким основаниям можно отнести, во-первых, состояние, структуру, динамику групповой преступности, его причины и, во-вторых, причины и условия конкретных групповых преступлений, а также особенности преступника, совершающего общественно опасные деяния в составе группы.

Личность преступника, участвующего в групповом преступлении, характеризуется, как правило, повышенной общественной опасностью, что связано, прежде всего, с более высокой степенью вероятности совершения таким лицом нового преступления. Ведь при подготовке и совершении преступления группой лиц между его участниками устанавливаются более или менее устойчивые связи, причем основанные именно на совместной преступной деятельности. Наличие таких связей может стать фактором, повышающим вероятность совершения нового, причем вновь группового преступления.

3. В то же время содержание уголовно-правовых норм, регулирующих повышенную ответственность за совершение группового преступления, во многом обуславливается особенностями самого преступного деяния, спецификой характера и степени его опасности для общественных отношений. Указанные обстоятельства традиционно изучаются наукой уголовного права и выступают в качестве уголовно-правовых оснований анализируемых норм. Для их выявления необходимо определить, почему преступное деяние, совершаемое в группе, даже при прочих равных условиях признается более опасным для общества, чем групповое преступление.

Это связано с тем, что преступное деяние, совершаемое группой лиц, причиняет, как правило, более значительный ущерб содержанию охраняемых законом общественных отношений.

Общественное отношение обладает как объективным, так и субъективным содержанием. Преступление, совершаемое группой лиц, характеризуется сравнительно большей целенаправленностью и интенсивностью. В связи с этим оно способно причинить более значительный вред или создать более серьезную угрозу причинения вреда, прежде всего, объективному содержанию общественных отношений, чем посягательства, совершаемые в одиночку. В то же время, групповое преступление причиняет ущерб и субъективному содержанию охраняемых отношений, т.к. вызывает у их участников большее чувство беспокойства, неуверенности в своей безопасности, этот ущерб особенно заметен при совершении преступлений организованными, устойчивыми группами. Такие преступления могут вызывать особую социальную напряженность и даже панику среди населения, что дезорганизует общественные отношения

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА И УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Т. П. Русакова

Принимая во внимание идентичность целей и общность правовой природы данных мер уголовно-правового воздействия, нельзя не признать, что основания их назначения должны быть также однородными и не могут совпадать с общими началами назначения наказания. На наш взгляд, более правильным является определение оснований условного осуждения и отсрочки исполнения приговора без учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления. Эти обстоятельства должны учитываться лишь при назначении уголовного наказания. В то же время при применении условного осуждения либо отсрочки исполнения приговора суд, назначая наказание, не должен учитывать те обстоятельства, которые составляют основание освобождения от наказания и, в частности, свидетельствуют о возможности исправления и перевоспитания виновного без изоляции от общества.

В связи с этим, вызывает возражение установление законодателем видов преступных деяний, исключающих возможность применения отсрочки исполнения приговора. Тем более, что условное осуждение не предусматривает такого ограничения (и в отношении этого института введение какого-либо перечня преступлений, исключающих возможность его применения, следовало бы тоже признать нецелесообразным). Представляется, что ставить применение отсрочки исполнения приговора (как это предусмотрено в настоящее время) в зависимость от квалификации преступления недопустимо. Тем самым можно признать, что основанием отсрочки исполнения приговора является состав преступления. К тому же, с нашей точки зрения, ничем не обоснован и принцип отбора (если бы сам по себе отбор и не вызывал возражений) нескольких составов преступлений из числа указанных в ст. 7¹ УК РФ для включения их в перечень тех, которые устраняют возможность применения отсрочки. И какими тогда считать эти несколько преступлений, выделенных из общего числа тяжких, с точки зрения квалификации преступлений? Особо тяжкими? Но такого понятия нет в действующем уголовном законодательстве. Напомним также, что судебной практике известны, например, случаи, когда к несовершеннолетним, совершившим умышленное убийство (убийство подростком отца-пьяницы, долгие годы издевав-

шегося над членами семьи), или изнасилование, совершенное группой лиц (с учетом степени вины и степени участия), было применено условное осуждение. Если совершение лицом тяжкого преступления с учетом обстоятельств конкретного дела не может служить препятствием для применения к нему условного осуждения, то оно не должно служить препятствием и для применения к нему отсрочки исполнения приговора. Представляется, что отсрочка исполнения приговора, так же, как и условное осуждение, могут быть применены к лицу, совершившему любое преступление (в отдельных, конечно, случаях, независимо от его характера и тяжести, но при непременном условии, что назначенное ему наказание в виде лишения свободы по сроку не превышает трех лет. Это обстоятельство и является свидетельством того, что степень общественной опасности конкретного преступления (будь оно даже из категории тяжких) сравнительно невысока, что позволяет также судить о сравнительно небольшой степени общественной опасности личности преступника, на основании чего и складывается убеждение о возможности исправления и перевоспитания виновного без изоляции от общества. Из сказанного можно сделать вывод о том, что возможность применения отсрочки исполнения приговора и условного осуждения должна определяться не непосредственно квалификацией преступления, а опосредованно — через индивидуализацию наказания, а значит — через стадию назначения наказания (как неизбежную, первоочередную, самостоятельную стадию, где действует принцип соответствия наказания тяжести преступления). И только после этой стадии может иметь место стадия, на которой решается вопрос о возможных формах освобождения виновного от назначенного наказания (условное осуждение или отсрочка). И если бы это положение прямо зафиксировать в законе, отпала бы нужда в многоликой интерпретации оснований применения условного осуждения и отсрочки исполнения приговора. Сложившееся же в настоящее время положение дел с проблемой оснований этих институтов (ст.ст. 38, 39¹ Основ) может закономерно привести к появлению предложений о возможности включения в санкции статей Особенной части уголовного законодательства, наряду с видами уголовного наказания, условного осуждения и отсрочки исполнения приговора. Причем такие предложения с первого взгляда могут показаться даже разумными. Однако считаем необходимым заметить, что одновременное присутствие в санкциях статей Особенной части видов наказаний и видов освобождения от наказания (полярных вещей) будет означать нонсенс.

ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ И ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Д.К.Якимович

1. В зависимости от степени реализации в порядке производства принципа публичности (официальности) все уголовно-процессуальные производства подразделяются на производства публичного, частно-публичного и частного обвинения. В основе этого разграничения лежит материально-правовой критерий: деление в уголовном праве всех преступлений на официальные и не официальные. Конечно, сама терминология (публичное и частное обвинение) весьма условна, поскольку в советском уголовном процессе обвинительная деятельность во всяком случае сосредоточена в руках государственной власти, а не частных лиц. "Государственное начало характеризует всю структуру советского уголовного процесса" — обоснованно писал Р.Д.Рахунов. Будем придерживаться, однако, этой терминологии в силу общепринятости и оперирования ею в законе.

2. Наиболее емкое и точное обоснование необходимости выделения преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, содержалось, пожалуй, в комментарии Судебных Уставов 1864 г. Там, в частности, было отмечено: "...все эти проступки (частного обвинения. — Ю.Я.) не представляют особого вреда для общества, а в то же время одни только потерпевшие от них и могут знать, в какой степени виновато совершившее проступок лицо". И далее: "... одни обиженные могут знать и оценить, не нанесет ли им оглашение обиды еще большего позора и вреда в обществе, нежели само оскорбление".

Советские авторы, исследовавшие эту проблему, также указывают на эти обстоятельства как на основания (критерии) отнесения определенных видов предусмотренных уголовным законом деяний к числу неофициальных преступлений.

Конфликты, дела по поводу которых законодатель относит к числу дел частного обвинения, происходят в подавляющем большинстве (90%) между родственниками, соседями, близкими, знакомыми. Чаще всего они носят временный характер и вскоре оканчиваются примирением сторон. Об этом свидетельствует огромное число отказных материалов как в органах предварительного расследования, так и в суде, а также прекращенных дел за примирением сторон (п.6 ст.5 УПК). В таких случаях государство должно осуществлять не карательную, а примирительную функцию; не раздувать конфликт посредством возбуждения уголовного

дела и публичного обвинения, а напротив, погасить его.

Вот те причины, которые обуславливают необходимость выделения преступлений не официальных и как следствие этого самостоятельного производства, имеющего специфические особенности - производства по делам частного обвинения.

3. Рассматривая природу производства по делам частного обвинения, следует отметить, что в этом производстве не исключается действие принципа публичности вообще, а скорее имеет место его ограничение в строго определяемых законом рамках. И дело здесь не только в том, что прокурор на основании ч. 3 ст. 27 УПК имеет возможность преобразовать такое дело в дело публичного обвинения, возбудив его либо вступив в него. Дело также и в другом. Что вкладывается в содержание принципа публичности? По этому поводу М.С.Строгович еще в 1936 году писал: "Под публичностью процесса понимается такое его построение, при котором возбуждение уголовного преследования, собирание доказательств и привлечение к уголовной ответственности лежит на органах государственной власти, которые выполняют эти функции в силу возложенных на них обязанностей, независимо от воли и усмотрения частных граждан". Отсюда следует, что в содержание принципа публичности входят во всяком случае два элемента. Во-первых - право и обязанность компетентных органов возбудить уголовное дело о каждом преступлении, расследовать его, разрешить в суде по существу, независимо от желания или нежелания, противодействия кого бы то ни было, в том числе и потерпевших. И, во-вторых - обязанность собирания доказательств по любому уголовному делу лежит на государственных органах, а не на частных лицах. Нетрудно заметить, что по делам частного обвинения ограничивается только один элемент, входящий в содержание принципа публичности: начало производства по делу, а также его судьба во многом предопределяется волей потерпевшего. Что же касается другого элемента содержания принципа публичности - он в полной мере реализуется и по делам частного обвинения. Это означает, что правоохранительные органы не вправе отказывать в возбуждении уголовного дела или прекращать возбужденное уголовное дело (как это имеет место на практике) частного обвинения на том основании, что потерпевший не знает лица, причастного ему вред, не представил доказательств и т.п. И по делам частного обвинения обязанность доказывания в полной мере лежит на тех органах, в производстве которых находится уголовное дело, а не на потерпевших.

4. Первые советские уголовные и уголовно-процессуальные кодексы предусматривали и иные составы преступлений, дела о которых относи-

лись к числу дел частного обвинения.

Что касается русского предреволюционного законодательства, то оно устанавливало весьма обширный перечень деяний (преступлений и проступков), преследуемых в порядке частного обвинения. При этом, наряду с другими критериями отнесения преступлений и проступков к числу тех, которые преследовались в порядке частного обвинения, служили: 1) наличие близких родственных отношений; 2) совершение деяний по неосторожности.

Так, преследовались в порядке частного обвинения: кража, мошенничество и присвоение между родителями и детьми и между супругами; нанесение одним супругом другому ран, увечья, тяжких побоев или других истязаний или мучений, когда упомянутые насилия не имели последствием смерти потерпевшего супруга или же лишение его рас-судка, зрения, слуха, языка или одного из членов тела; нанесение увечья или раны, независимо от тяжести, по неосторожности и другие.

Указанные выше критерии вполне обоснованы и могут быть использо-ваны и в современных условиях. Неосторожное причинение телесных повреждений на порядок менее общественно опасно, чем умышленное. Вмешательство государства в личные взаимоотношения близких родст-венников вопреки их желанию может повлечь лишь негативные послед-ствия. С учетом изложенного выше представляется необходимым сделать вывод о возможности расширения перечня составов преступлений, произ-водство по делам о которых производилось бы в порядке частного об-винения. К их числу следовало бы отнести: умышленное тяжкое или ме-нее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 110 УК); тяжкое или менее тяжкое телееное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой оборо-ны (ст. 114 УК); неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное по-вреждение (ст. 114 УК); понуждение женщины к вступлению в половую связь (ст. 118 УК); умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан (ч.1 ст.149 УК), а также совершенные между близ-кими родственниками: кража (ч.1 и ч.3 ст. 144 УК), мошенничество (ч.1 ст. 147 УК), вымогательство (ст.148 УК).

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВЫХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

Л. Ф. Мартыняхин

Необходимость совершенствования правовых условий судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении отмечается всеми авторами, исследовавшими эту проблему. Но все предложения по совершенствованию законодательства в основном ограничены ст.ст. 368 и 369 УПК РСФСР, что обусловлено традиционным рассмотрением данного вида судебной деятельности в рамках стадии исполнения приговора.

Судебную деятельность по делам об условно-досрочном освобождении не следует регламентировать в рамках стадии исполнения приговора, т.к. она имеет свой предмет и образует самостоятельное производство, являющееся дополнительным по отношению к производству по уголовному делу. Правильное законодательное закрепление места этой судебной деятельности в системе производств и стадий уголовного процесса будет способствовать более четкому ее регулированию, а также уяснению ее сущности и характера как на уровне теоретических разработок, так и практической деятельности.

Для этого в УПК следует выделить самостоятельный раздел "Дополнительные производства". Структурно он должен быть помещен после всех видов производств, по которым возможна дополнительная судебная деятельность. В начале первой главы этого раздела предлагается указать, что порядок дополнительного производства определяется общими правилами кодекса и, кроме того, статьями настоящего раздела. В следующих статьях первой главы сосредоточить нормы, являющиеся общими для всех видов дополнительных производств.

Особенности предмета доказывания, процессуального положения участников судебного разбирательства и обусловленные этим особенности порядка судебного заседания, присущие отдельным видам дополнительных производств, надлежит закрепить отдельными главами предлагаемого раздела. К примеру, имеют свои особенности от производства по условно-досрочному освобождению от наказания по болезни или инвалидности. Порядок судебного заседания здесь может быть несколько упрощен.

В главе, регламентирующей судебную деятельность по делам об условно-досрочном освобождении, предлагается закрепить следующее:
- перечень обстоятельств, исключающих производство по делам

об условно-досрочном освобождении;

- порядок возбуждения судебного производства и его процессуальное оформление;

- порядок разрешения судьей вопросов, связанных с подготовкой судебного заседания;

- обстоятельства, подлежащие установлению;

- понятие доказательств и их источники;

- обязательность участия в судебном заседании осужденного и возможность участия защитника и вызова свидетелей;

- правовое положение всех участников судебного разбирательства;

- обязательность соблюдения всех правил, регламентирующих порядок судебного заседания;

- содержание определений и порядок их вынесения.

О ЗАЩИТНИКЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

В.Е.Дрченко

Право подозреваемого иметь защитника впервые было предусмотрено не в уголовно-процессуальном законодательстве, а в ст. 14 Основ законодательства о судостроительстве (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1989, № 23, Ст. 441). И только 10 апреля 1990 г. Законом СССР были внесены изменения и дополнения в Основы уголовного судопроизводства (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 16, Ст.272).

Защитник подозреваемого имеет право участвовать в одной досудебной стадии уголовного процесса - в стадии предварительного расследования, включающей в себя дознание и предварительное следствие. Следовательно, п.1 ч. 2 ст. 120 УПК РСФСР о том, что при производстве дознания защитник не участвует, не должен действовать ввиду противоречия его указанным общесоюзным законам.

Защитник защищает подозреваемого от возникшего подозрения в совершении преступления. В совершении какого преступления подозревается подозреваемый, ему и его защитнику должно быть объявлено перед началом допроса, о чем делается отметка в протоколе. До этого подозреваемый получает определенные сведения о существовании подозрения из протокола (постановления) о задержании, постановления о заключении его под стражу.

Всякий ли подозреваемый вправе иметь защитника? По действующему законодательству на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 52 УПК РСФСР подозреваемым признается лицо, к которому применена любая мера пресечения до предъявления обвинения, а в ст. 14 Основ законодательства о судостроительстве говорится лишь об одной из них - об аресте. Получается, что подозреваемый, задержанный по подозрению в совершении преступления, или заключенный под стражу до предъявления обвинения, может иметь защитника, а подозреваемый, к которому до предъявления обвинения избрана другая мера пресечения, по Основам не имеет такого права. Считаю, что каждый подозреваемый должен быть наделен правом иметь защитника. С этой целью п. 2 ч. 1 ст. 52 УПК РСФСР необходимо изменить, изложив его в следующей редакции: "2) лицо, заключенное под стражу до предъявления обвинения".

Чрезвычайно важен момент допущения защитника подозреваемого к участию в деле. В ст. 14 Основ законодательства о судостроительстве он

определен сразу же после появления подозреваемого, т.е. с момента задержания или ареста (законодатель использовал термин "арест", хотя в уголовно-процессуальном законодательстве употребляется "заключение под стражу", что является более точным). В ст. 22 Основ уголовного судопроизводства момент допущения защитника подозреваемого определен иными словами – с момента объявления подозреваемому протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения. Представляется, что в этих двух законах речь идет об одном и том же моменте, в Основах уголовного судопроизводства он лишь уточнен.

Право подозреваемого иметь защитника с момента задержания или ареста нужно понимать так, что в отношении задержанного или арестованного уже составлен протокол задержания (постановление о задержании) или постановление о заключении его под стражу, и эти процессуальные документы объявлены подозреваемому. С этого момента он вправе иметь защитника. С учетом высказанных уточнений, в ст. 14 Основ законодательства о судостроительстве, ст. 22 Основ уголовного судопроизводства предлагаю указать, что защитник допускается с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Лицо, производящее дознание, и следователь обязаны обеспечить подозреваемому возможность пригласить защитника. Для его приглашения согласно ст. 22 Основ уголовного судопроизводства подозреваемому предоставлен срок не более 24 часов с момента задержания. Думается, что этот срок должен исчисляться с момента доставления задержанного в орган дознания либо к следователю (если задержание оформлено протоколом задержания) или с момента фактического его задержания (если задержание оформлено постановлением о задержании). При применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу срок необходимо исчислять с момента вынесения соответствующего постановления. Если в указанный срок явка избранного подозреваемым защитника невозможна, лицо, производящее дознание, и следователь имеют право предложить подозреваемому пригласить другого защитника или обеспечивают ему защитника через юридическую консультацию.

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЫ И ИХ СОДЕРЖАНИЕ

С.Л.Лонь

Протокольная форма как уголовно-процессуальное явление надежно вошла в уголовный процесс в теории и практике. Однако предлагаемые в литературе разработки ее понятия и сущности не снимают многих вопросов. Дальнейшее исследование этой темы и развитие законодательства о протокольной форме требуют прежде всего определиться в основных исходных позициях, а именно, содержании основных ее терминов. К ним, по-моему мнению, относятся: а) уголовно-правовая база; б) производство в протокольной форме по преступлениям, перечисленным в ст. 414 УПК; в) производство по уголовным делам о преступлениях, названных в ст. 414 УПК; г) порядок производства по фактам преступлений, названным в ст. 414 УПК; д) досудебная подготовка материалов; е) проверочно-подготовительные действия; ж) протокольная форма досудебной подготовки материалов; з) протокольная форма.

Уголовно-правовая база протокольной формы — это закрепленный в ст. 414 УПК РСФСР выбранный перечень деяний и преступлений, по которым производство предварительного следствия не обязательно (ч. I ст. 126 УПК) и которые не представляют большой общественной опасности. Круг этих преступлений не образует какого-либо самостоятельного уголовно-правового явления. По степени общественной опасности преступления тесно соприкасаются с административными правонарушениями, что делает их в зависимости от конкретной оценки должностным лицом взаимопереходными.

Производство в протокольной форме по преступлениям, перечисленным в ст. 414 УПК (или протокольное производство) — это предусмотренная гл. 34, а также общими правилами УПК деятельность органов дознания, прокурора и суда (судьи), направленная на подготовку и разрешение по существу вопроса о совершенном преступлении, предусмотренном в перечне ст. 414 УПК, и виновности лица, его совершившего, и выражающаяся в собирании лицом, осуществляющим досудебную подготовку, материалов об обстоятельствах совершения преступления и личности правонарушителя, в составлении им протокола об обстоятельствах совершения преступления, передаче начальником органа дознания материалов или правонарушителя с согласия прокурора для применения мер общественного воздействия или направлении материалов и протокола с санкцией прокурора в суд в течение 10-дневного срока, а также возбуждения уголовного дела и предания правонарушителя суду судьей

(судом) и рассмотрения дела в судебном заседании на основе собранных материалов не позднее 10 дней с момента поступления их в суд. Содержание понятия "протокольное производство" имеет свои границы: а) оно охватывает производство только по категории преступлений, определенных в ст. 414 УПК; б) оно предусматривает прохождение материалами и возбужденным на их основе делом всех стадий производства, пока не будет решен вопрос о преступлении и наказании по существу; в) досудебная часть этого производства - это подготовка материалов.

Производство по уголовным делам о преступлениях, названных в ст. 414 УПК - это уголовное судопроизводство (уголовный процесс) по названной категории преступлений, производимое в силу требований ст.ст. 416 и 417 УПК, когда начальник органа дознания отказывается от протокольной формы и по факту преступления возбуждается уголовное дело и проводится дознание или следствие и далее по стадиям или когда протокольная форма прекращается, по материалам досудебной подготовки возбуждается уголовное дело и уголовное судопроизводство продолжается дознанием или следствием, где расследование и рассмотрение проходит в обычном уголовно-процессуальном порядке, определенном УПК, но только в сокращенные сроки, предусмотренные ст.ст. 416, 417, 419 УПК РФСР.

Производства по фактам преступлений, названных в ст. 414 УПК (или порядок производства по преступлениям, названным в ст. 414 УПК) - это сложное понятие охватывает все виды и стадии процессуальной деятельности правоохранительных органов, предусмотренные уголовно-процессуальным законом по этим преступлениям как в общих правилах УПК, так и гл. 34. В содержание этого понятия включается и протокольное производство, и производство по уголовным делам о преступлениях, названных в ст. 414 УПК. Это понятие необходимо для обозначения и рассмотрения процессуальной деятельности правоохранительных органов в целом по этой категории преступлений.

Досудебная подготовка материалов (в протокольной форме) - это предусмотренная ст. 415 УПК деятельность органов дознания, направленная на проверку наличия событий преступления, предусмотренного перечнем ст. 414 УПК, и заключающаяся в подготовке специально уполномоченным лицом органа дознания материалов об обстоятельствах совершения преступления и личности правонарушителя и составления им протокола по результатам выполненных проверочно-подготовительных действий и завершающаяся по истечении 10 суток передачей начальни-

ком органа дознания материалов или правонарушителя с согласия прокурора для применения мер общественного воздействия или утверждения протокола и направлением его с санкцией прокурора вместе с материалами в суд. Досудебная подготовка материалов является стадией протокольного производства, раскрывающей содержание его досудебной части и определяющей его специфику.

Проверочно-подготовительные действия – это действия уголовно и административно-процессуального характера, имеющие уголовно-процессуальную значимость, выполняемые в стадии досудебной подготовки материалов протокольного производства лицом, осуществляющим ее, и направленные на проверку факта совершения деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ст. 414 УПК, и установление обстоятельств, характеризующих личность правонарушителя, а также подготовку материалов для решения вопроса о возможности применения к правонарушителю мер общественного воздействия или направления их в суд, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и предания правонарушителя суду и для возможного рассмотрения дела в судебном заседании и вынесения приговора. По обязательности выполнения их органами дознания в ходе досудебной подготовки их можно подразделить на а) обязательные и б) факультативные.

Протокольная форма досудебной подготовки материалов – это институт уголовно-процессуального законодательства, предусмотренный гл. 34 УПК, имеющий специфическое уголовно-процессуальное значение, так как выделен в отдельный раздел УПК, что подчеркивает его самостоятельность и целостность наряду с другими институтами уголовно-процессуального закона. Названный институт охватывает раздел 9 и гл. 34 с одноименным названием и статьи 414 – 419. Анализ названий статей подтверждает мысль о том, что законодатель направлял правовое регулирование на порядок производства по делам о выделенных преступлениях в целом, т.е. на досудебную и судебные стадии, а также определял случаи отхода от такого производства, замены его деятельностью по общей уголовно-процессуальной форме, но в сокращенные сроки. Названный термин по объему своего содержания равен термину производство в протокольной форме по преступлениям, перечисленным в ст. 414 УПК, так как закрепляет порядок этого производства в законе. Применение этого термина для обозначения отдельных частей института или протокольного производства, например, направления материалов в суд (ст. 414 УПК) или стадии досудебной подготовки материалов, или деятельности органов дознания без соответствующих оговорок, вряд ли можно признать правильным.

Протокольная форма - это самостоятельная специфическая разновидность уголовно-процессуальной формы, предусмотренная гл. 34, разделом 9 УПК РСФСР, выступающая методом уголовно-процессуального регулирования возникающих процессуальных отношений при производстве в протокольной форме по преступлениям, перечисленным в ст. 414 УПК, в порядке которого имеются значительные процессуальные особенности, упрощающие уголовное судопроизводство по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. Это теоретическое понятие науки уголовного процесса, которое выражает закрепленный в уголовно-процессуальном законе процессуальный порядок проверки, подготовки и рассмотрения материалов, также возбуждения уголовного дела, рассмотрения и разрешения дел определенной категории по существу. В этом плане протокольная форма выступает такой же правовой теоретической конструкцией, как и уголовно-процессуальная форма.

Очерченное смысловое содержание приведенных терминов позволяет сделать вывод, что понятия „производство в протокольной форме“ по преступлениям, перечисленным в ст. 414 УПК (протокольное производство), „протокольная форма досудебной подготовки материалов“ и „протокольная форма“ отражают суть одного и того же процессуального явления. Вместе с тем в качестве приоритетных в каждом из них выделяются разные его стороны. В этом случае можно провести аналогию с соотношением понятий „уголовное судопроизводство (уголовный процесс)“ - уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма.

Сопоставление терминов, по-моему мнению, подчеркивает недостаточную продуманность названия и главы 34 и раздела 9 УПК. Во-первых, понятие "протокольная форма" несет в себе неясное для практики содержание применительно к регулируемому производству по выделенным преступлениям и само требует разъяснения; во-вторых, из шести статей главы 34 досудебную подготовку материалов регулирует только одна (415), поэтому вряд ли правильно выделять ее в определяющее содержание главы и тем более раздела, игнорируя статьи 417, 418, 419 УПК. В-третьих, если это только форма досудебной подготовки материалов, то более рациональным было бы поместить ее в одну из имеющихся глав раздела 2 УПК РСФСР. Более точное название главы 34 было бы "Протокольное производство", а раздела 9 "Протокольная форма уголовного судопроизводства".

В.В.Коряковцев

Современное состояние борьбы с преступностью требует коренного улучшения применения научно-технических средств правоохранительными органами. Например, по данным В.А.Панюшкина, использование фотоаппарата, магнитофона, кинокамеры и видеомэгнитофона имело место в 93%, 17%, 4 и 2% изученных уголовных дел от общего числа законченных расследованием с применением технических средств /Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. Воронеж, 1985. С.61/.

Правомерность применения видеозаписи в уголовном процессе как объединенного способа фиксации синхронно-речевой и видовой информации /киносъемка и звукозапись/ подчеркивается большинством ученых-процессуалистов /Левин А.А., Горинев Д.А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. М., 1983. С. 29-30 и др./.

Закон СССР "О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик" /В дальнейшем - Основы/ от 12 июня 1990 г. /Известия. 1990. 22 июня/ возложил на органы дознания принятие необходимых оперативно-розыскных мер с использованием видеозвукозаписи и кинофотосъемки для выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством /ст.29 Основ/. Ст. 35¹ предусматривается возможность прослушивания и звукозаписи телефонных и иных переговоров.

23 июля 1990 г. Верховный Суд, КГБ, МВД, Минюст и Прокуратура СССР приняли Рекомендации по применению средств видео-, звукозаписи, кинофотоаппаратуры, телефонной связи и использования полученных результатов при предотвращении, раскрытии и расследовании преступлений, где основное внимание уделено порядку прослушивания переговоров.

Закон СССР от 12 июня 1990 г., регулируя основные положения, относит детальную регламентацию применения указанных технических средств в уголовном судопроизводстве к республиканскому уголовно-процессуальному законодательству. Действующий УПК РСФСР /ст.141/ содержит общие правила, что при производстве следственных действий могут применяться фотографирование, киносъемка,

звукозапись и т.д.

Проект УПК РСФСР /ст.174/ Института государства и права АН СССР /Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель. Москва. 1990/ также предусматривает, что звукозапись, видеозапись, кинофотосъемка могут применяться наряду с составлением протоколов лишь как вспомогательные способы закрепления доказательств.

Указанный проект УПК РСФСР /ст.ст. 161, 170/ не включает в качестве источников доказательств материалы звукозаписи, кинофотосъемки, материалы прослушивания и записи телефонных и иных переговоров, что, по нашему мнению, является явным пробелом как с точки зрения настоящего, так и будущего закона. Отсутствует это и в перечне следственных и судебных действий.

Мы считаем, что необходимо дополнение к ч.2 ст. 69 УПК РСФСР указанием на материалы видеозвукозаписи и кинофотосъемки, телефонного прослушивания как самостоятельные источники доказательств.

Применение видеозвукозаписи должно быть оформлено соответствующим протоколом, где указываются сведения об участвующих лицах, месте съемки, технические характеристики аппаратуры, основные моменты записи, условия хранения носителя информации. Данный протокол должен быть приобщен к материалам дела как документ согласно требованиям ст.83 УПК РСФСР. Указанный протокол должен быть подписан лицом, его составившим, специалистом, двумя представителями общественности, в качестве которых целесообразно привлекать членов ДНД, общественных помощников следователей, внештатных сотрудников милиции, при условии их участия в данном мероприятии. В УПК должна быть предусмотрена возможность их допроса для проверки законности видеозвукозаписи или кинофотосъемки.

Сам носитель информации /видеокассета/ должен приобщаться к делу протоколом осмотра согласно требованиям ст.ст. 178-179 УПК РСФСР, который должны подписать следователь, специалист, два понятых.

Орган дознания имеет право на применение видеозвукозаписи и кинофотосъемки для выявления фактических данных, которые могут быть использованы как доказательство до /в отличии от прослушивания/, и после возбуждения уголовного дела, из чего вытекает необходимость уголовно-процессуального урегулирования порядка получения этих материалов до возбуждения дела.

НЕОБХОДИМЫЕ И ДОСТАТОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

А. И. КИСЕЛЬ

Вопрос истины занимает центральное место в теории доказательств. Достижение ее — первоочередное и необходимое требование в деле осуществления социалистического правосудия. Средствами для достижения этой цели являются уголовно-процессуальные доказательства. Они, чтобы быть действительно средствами установления истины по уголовному делу, должны отвечать определенным требованиям. Применительно к рассматриваемому вопросу это правильное уяснение понятия уголовно-процессуальных доказательств. Уяснить понятие уголовно-процессуального доказательства значит уяснить признаки, совокупность которых представляет содержание его понятия, и объем понятия — виды уголовно-процессуальных доказательств, перечисленных в ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР.

Осуществленное исследование уголовно-процессуальной теории, законодательства и результатов следственной практики позволяет выделить следующие необходимые и достаточные признаки уголовно-процессуального доказательства:

1. Фактические данные об обстоятельствах, имеющих отношение к конкретному уголовному делу и представляющие собой содержание доказательства. Фактические данные как содержание доказательства имеют место тогда, когда они обладают свойством относимости. Оно раскрывает относимость фактических данных не ко всем обстоятельствам совершенного преступления, а к конкретным обстоятельствам совершения тех или иных деяний лица, его отношение к содеянному, результатам своих действий или бездействий и другим обстоятельствам, предусмотренным ст. 63 УПК РСФСР.

2. Фактические данные должны быть получены только строго определенными субъектами — лицом, производящим дознание, следователем, судом, которые перечислены в статье 69 УПК РСФСР. При этом необходимо уяснить, что в данном случае речь идет о субъек-

тах уголовно-процессуальных отношений, а не лицах, занимающих соответствующие штатные должности в государственных органах. Иными словами, это субъекты, наделенные правом и обязанные производить конкретные следственные действия по уголовному делу.

3. Порядок получения фактических данных лицом, производящим дознание, следователем, судом регламентирован уголовно-процессуальным законом. Нарушение его недопустимо, ибо уголовно-процессуальное доказательство может быть получено только в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Под уголовно-процессуальным порядком понимается как конкретное следственное действие, в процессе производства которого могут быть получены те или иные фактические данные, так и процессуальный порядок производства данного следственного действия. Естественно, что для получения фактических данных об одном каком-либо обстоятельстве могут быть использованы разные, предусмотренные уголовно-процессуальным законом следственные действия. Однако показания свидетеля могут быть получены только в процессе допроса, а изъятие материальных объектов — в процессе осмотра, обыска, вземки. Процессуальный же порядок производства каждого следственного действия строго индивидуален и регламентирован уголовно-процессуальным законом.

4. Фактические данные могут быть получены лицом, производящим дознание, следователем, судом только из предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, материальные объекты, эксперт, обстановка места происшествия, процесс и результаты следственного эксперимента и т.д.). Об источнике фактических данных мы можем говорить только тогда, когда можно проследить связь с событием преступления, каким-либо обстоятельством, имеющим значение для данного уголовного дела, а также осуществить проверку достоверности полученных фактических данных и самого источника.

5. Процессуальный порядок получения фактических данных должен быть оформлен соответствующим протоколом. В результате содержания уголовно-процессуальных доказательств получает соответствующую уголовно-процессуальную форму, а следовательно, мы можем говорить о наличии уголовно-процессуального доказа-

тельства. Таким образом, если первый признак характеризует свойство относимости уголовно-процессуальных доказательств, то второй, третий, четвертый и пятый признаки характеризуют свойство допустимости их как средств установления истины по уголовному делу. Последнее свойство отражает процессуальную стадию формирования доказательств, ее соответствие требованиям закона.

В целом уголовно-процессуальные доказательства можно представить в виде следующей формулы, отражающей единство его необходимых и достаточных признаков:

Д	=	$\frac{\text{содержание полученных}}{\text{ЛФД}}$	СД	форма
		об обстоятельствах, подлежащих доказы- ванию ст. 68 УПК РСФСР	в УЗП из УЗИ	закрепленные в УЗФ

С В О Й С Т В А

| относимости | допустимости |

- ЛФД – любые фактические данные, обладающие свойством относимости;
- СД – субъект доказывания (лицо, производящее дознание, следователь, суд);
- УЗП – установленный законом процессуальный порядок производства следственного действия, в результате которого субъект доказывания получает любые фактические данные;
- УЗИ – установленный законом источник получения любых фактических данных применительно к каждому виду доказательств (свидетель, потерпевший; подозреваемый; обвиняемый; место происшествия; материальный объект, полученный в установленном законом порядке;)
- УЗФ – установленная законом форма закрепления любых фактических данных применительно к каждому виду доказательств;

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В.М.Царев

Законом Союза ССР от 10 апреля 1990 года в ст.ст.22,23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (в дальнейшем Основы) внесены изменения и дополнения, касающиеся пределов участия защитника в стадии предварительного расследования. Если быть кратким, суть изменений законодательства состоит в допуске защитника с более ранних этапов предварительного расследования и допуске его в процесс по уголовным делам, расследуемым в форме дознания.

Можно ли в связи с этим надеяться, что теперь институт участия защитника превратится на деле в действенную гарантию всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования? Анализ внесенных изменений и дополнений, а также существующая пока небогатая практика, на мой взгляд, не дают оснований для оптимистичных выводов на этот счет.

Допуск защитника в процесс с более ранних его этапов лишь тогда принесет существенный положительный эффект, когда он будет сопровождаться активным включением данного участника в процесс познания фактической и юридической сторон возникшего уголовного дела (прежде всего, в процесс доказывания фактических обстоятельств) и будет направлен на предотвращение возможных нарушений прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), а не на их констатацию при сомнительной перспективе добиться устранения уже на этой стадии, что не редко имеет место в настоящее время.

Изучение ст.23 Основ в новой редакции, в той части, где она предусматривает права и обязанности защитника, показывает, что здесь в рассматриваемом нами аспекте по сравнению с прежней редакцией практически ничего не изменилось, а отдельные права защитника оказались даже более урезанными.

Так, в соответствии с прежней редакцией ст.23 Основ защитник имел право знакомиться со всеми материалами о момента допущения к участию в деле, причем по делам несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту,

он обязательно принимал участие в процессе с момента предъявления обвинения (соответственно с данного момента и возникало указанное право). В соответствии же с новой редакцией ст.23 Основ защитник получил право знакомиться со всеми материалами дела "по окончании дознания или предварительного следствия". Он, правда, получил право знакомиться с протоколом задержания и постановлением о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (при допущении в процесс с соответствующих этапов), но лишился права знать материалы дела, лежащие в основе предъявляемого обвинения, что вытекало из содержания ст.23 Основ в прежней редакции (хотя и редко реализовывалось на практике по причине отсутствия в законе процедуры выполнения соответствующего процессуального действия). Смысл же предъявления обвинения и последующего допроса обвиняемого, в частности, состоит в проверке на прочность собранной следователем доказательств, чтобы в дальнейшем иметь возможность восполнить пробелы расследования с учетом объяснений обвиняемого и доводов защитника. Аргументированная критика обвинения может вообще привести должностное лицо, ведущее расследование, к выводу о необходимости прекращения уголовного расследования лица. В соответствии же с действующим законодательством обвиняемый лишен права знать доказательства, лежащие в основе обвинения, поскольку согласно ст.21 Основ он имеет право давать объяснения только по предъявленному обвинению, но не относительно доказательств, лежащих в его основе. В отношении защитника такое право вытекало из широкого толкования ст.23 Основ в прежней редакции. Новая же редакция данной статьи однозначно лишила защитника права знать доказательства, лежащие в основе обвинения (а следователя освободила от обязанности это право обеспечить), в то время как именно незнание соответствующих материалов дела, о чем неоднократно писалось в научной литературе, обрекает защитника на пассивность при предъявлении обвинения, допросе обвиняемого и последующем этапе расследования до момента объявления об его окончании.

Далее, как это не покажется странным, не расширены, а даже несколько сужены пределы участия защитника в следственных действиях - основном канале получения доказательственной информации по делу.

В соответствии с прежней редакцией ст.23 Основ защитник с мо-

момента допущения к участию в деле имел право присутствовать при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника. УПК РСФСР шел в этом направлении дальше. Его ст. 51 обуславливает возможность участия защитника в следственных действиях наличием соответствующего ходатайства лишь в тех случаях, когда он допускается в процесс с момента объявления об окончании расследования. Для случаев более раннего допуска защитника в процесс такое ограничение не предусмотрено (ч. 3 ст. 51 УПК РСФСР). Не предусмотрено в этом случае и разрешение следователя как обязательное условие присутствия защитника при производстве следственного действия. Новая редакция ст. 23 Основ вопрос о пределах участия защитника в следственных действиях, как и раньше, решает одинаково в независимости от момента вступления защитника в процесс. Разрешение следователя уже не предусмотрено, но в ней упоминаются лишь следственные действия, которые производятся с участием подозреваемого или обвиняемого, а это более узкий круг следственных действий по сравнению с тем, который подразумевался в прежней редакции ст. 23 Основ (а тем более в ст. 51 УПК РСФСР), при том условии, что и там этот вопрос, на мой взгляд, решался далеко не идеально. К тому же следует учитывать, что возможность участвовать в следственных действиях самого обвиняемого (подозреваемого) в тех случаях, когда они проводятся с другими субъектами, зависит от усмотрения следователя.

К сказанному следует добавить, что о расширении пределов участия защитника в следственных действиях как эффективном инструменте его влияния на ход расследования имеет смысл говорить лишь в том случае, если он будет действительно в них участвовать, а не присутствовать при их проведении. На первый взгляд, в новой редакции ст. 23 Основ сделан шаг вперед в этом направлении. В ее части второй говорится уже не о присутствии, а об участии защитника в допросе подозреваемого или обвиняемого, а также иных следственных действиях с их участием. Однако перечень прав, которыми наделен в связи с этим защитник, вынуждает усомниться в истинности намерений законодателя сделать рассматриваемого субъекта процесса более активным, поскольку он (перечень) не выходит за рамки тех положений, которые были установлены прежним уголовно-процессуальным законодательством, отводящим защитнику по существу роль понятого.

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СССР

В.А.Моршинин

1. Важной составной частью проводимой в стране правовой реформы, направленной на формирование социалистического правового государства, является радикальная перестройка всех правоохранительных органов и создание эффективно действующей системы законности и правопорядка.

В юридической литературе и периодической печати отмечается, что правоохранительная система недостаточно выполняет функции правоохранительной власти, что она во многом интегрировалась в административно-командную систему, стала по существу инструментом исполнительной власти.

2. Сам термин "правоохранительные органы" впервые был употреблен в Постановлении ЦК КПСС "Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями (1979, сентябрь) и в Законе СССР "О прокуратуре в СССР" (1979, ноябрь).

В последующие годы этот термин получает активное распространение, в особенности с началом перестройки и первыми шагами по реализации правовой реформы. В юридической науке появились производные от "правоохранительных органов" термины: "правоохранительная деятельность", "деятельность правоохранительных органов", "система правоохранительных органов", "механизм системы правоохранительных органов" и др.

3. Однако, исследуя проблему правоохранительных органов, ученые вкладывают разное содержание в этот термин и соответственно по-разному определяют круг этих органов.

Одни ученые относят к правоохранительным органам суд, арбитраж, прокуратуру, милицию (В.Н.Кудрявцев), другие - Комитет Конституционного надзора, Комитет партийного контроля, МВД, КГБ, суды, арбитраж, прокуратуру, Министерство юстиции, его органы и учреждения, нотариат, загс, экспертные учреждения (Н.Л.Петрухин). Третьи различают основные правоохранительные органы (суд, прокуратура, органы следствия, арбитраж, Министерство юстиции СССР, МВД СССР) и общественные правоохранительные организации - адвокатура, товарищеские суды, добровольные народные дружины (В.М.Семенов).

4. Представляется, что термин "правоохранительные органы" неудачен. Круг органов, включаемых в это понятие, чрезвычайно

широк и различен. Как правильно отмечается в литературе А.Э.Жалинским, понятие правоохранительной системы объединяет существенно неоднородные звенья. Часть из них монофункциональны (суд, прокуратура), а часть - имеют множественность функций, полифункциональны (органы внутренних дел). Одни из этих органов - носители идеи судебной власти, другие - принципа независимости прокурорского надзора, третьи - функций и задач охраны порядка, как части государственного управления.

Термин "правоохранительные органы" носит собирательный характер и не отражает сущности всех юрисдикционных органов государства в силу различного их правового статуса.

Отсюда следует необходимость выделения суда из системы правоохранительных органов.

Если органы дознания и следствия, в целом МВД и КГБ - это исполнительно-распорядительные административные органы государства, то суд - это власть судебная и нельзя эти власти объединять в одной системе, именуемой системой правоохранительных органов. Исходя из принципа разделения властей, суд должен быть выделен из этой системы.

5. Представляется оправданным применение термина "правоохранительные органы" только к МВД, КГБ, Следственному Комитету (при условии его создания). Сюда же можно отнести создаваемое при Президенте СССР специальный координационный Комитет по борьбе с преступностью - орган по координации деятельности правоохранительных органов и спецслужба по борьбе с наиболее опасными преступлениями (организованной и экономической преступностью, теневой экономикой).

6. Наименование в целом "Система правоохранительных органов" целесообразно заменить на "Система юрисдикционных органов в СССР". В эту систему в определенном порядке и последовательности следует включить:

1. Суд как высший юрисдикционный орган, осуществляющий судебную власть и высший судебный надзор.

2. Прокуратура, осуществляющая надзор.

3. Правоохранительные органы (МВД, КГБ, Следственный Комитет, Координационный Комитет и Спецслужба при Президенте СССР).

4. Министерство юстиции и юридические службы народного хозяйства.

5. Адвокатура - самоуправляющаяся общественная организация, призванная оказывать юридическую помощь гражданам и организациям.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

А.Г.Халиудин

Законом Союза ССР от 12 июня 1990 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик дополнены ст. 35¹, устанавливающей возможность прослушивания и записи телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и иных причастных к преступлению лиц по постановлению органа дознания или следователя. Этим же Законом на прокурора возложена обязанность санкционирования проведения этих следственных действий.

Как показывает изучение практики деятельности органов прокуратуры Кемеровской области, за пол года после введения в действие Закона от 12 июня 1990 года, в городских и районных прокуратурах имели место лишь единичные случаи обращения следователей и работников органов дознания за санкцией на проведение прослушивания телефонных переговоров подозреваемых, обвиняемых, либо (по их заявлениям) - потерпевших и свидетелей для установления фактических данных, которые могли впоследствии иметь значение доказательств по уголовным делам. В указанных случаях прокуроры проверяли, возбуждено ли уголовное дело, имеются ли достаточные основания полагать, что в результате прослушивания будут получены сведения, имеющие существенное значение для дела. Если же санкция давалась на прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов свидетелей и потерпевших, прокуроры выясняли, имеется ли их заявление либо согласие на такое прослушивание в связи с угрозой совершения насилия, вымогательства либо иных противоправных действий.

Вместе с тем по нашему мнению практика прокурорского надзора свидетельствует, что фактически вне его остается целый ряд вопросов, связанных с исполнением требований ст. 35¹ Основ. Так, прокуроры не выясняют, прекращено ли фактически прослушивание переговоров, если дело уже направлено в суд или с момента начала прослушивания истекло более 6 месяцев. Еще более сложной является проверка поступающих в прокуратуру жалоб и заявлений граждан, считающих, что их телефоны прослушиваются без санкций прокурора. Таким образом, прокурорский надзор не распространяется на множество ас-

механизмов соблюдения норм Конституции СССР, предусматривающих тайну телефонных переговоров.

Связано это прежде всего с тем, что на практике прослушивание поручается органам дознания. Имея же соответствующую аппаратуру они имеют и возможность прослушивать телефонные переговоры не в порядке, предусмотренном ст. 35¹ Основ, а по правилам, касающимся проведения оперативно-розыскных мероприятий. Для прокурора же нередко оказываются закрытыми не только материалы ОРД, но и нормативные документы, ее регулирующие. В результате жалобы граждан о неправомерном, по их мнению ограничении их конституционных прав сотрудниками органов дознания прокуроры направляют для проведения служебного расследования самим же руководителям органов дознания, действия которых обжалуются, что противоречит закону.

На наш взгляд, для того, чтобы прокурорский надзор стал реальной гарантией соблюдения конституционных прав граждан, необходимо прежде всего, чтобы все права органов дознания на их ограничение, в том числе и при проведении ОРД, были установлены не какими-либо закрытыми нормативными актами, а например, Законом о милиции, Законом об органах государственной безопасности. В этих законах следовало бы установить и получение санкции прокурора на прослушивание телефонных и иных переговоров в порядке ОРД. Само же прослушивание, по нашему мнению, должно осуществляться не только работниками органов дознания, а в необходимых случаях - самим следователем с привлечением в качестве технических специалистов работников предприятий связи.

СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА НУЖДАЕТСЯ В РЕОРГАНИЗАЦИИ

В.Д. Адаменко

Любая стадия уголовного процесса характеризуется свойственными только ей непосредственными задачами, процессуальными действиями и отношениями (М.С. Строгович), имеет особенности производства, отличающие ее от других стадий (Д.С. Карев), и соответствующее процессуальное оформление (И.И. Малказов). Каждый этап служит средством проверки качества, законности и обоснованности предшествующей ему деятельности (С.П. Бекешко), характеризуется соответствующим кругом субъектов (В.П. Божьев). Условность разграничения уголовно-процессуальной деятельности по стадиям не оспаривается ни в теории, ни на практике.

Сущность ныне действующей стадии исполнения приговора заключается в обращении к исполнению вступивших в законную силу приговоров и иных решений суда, разрешении процессуальных вопросов, возникающих как при обращении к исполнению, так и при реализации приговора (И.Д. Перлов, А.Ф. Соколов и др.), и, на первый взгляд, нареканий не вызывает.

В то же время некоторые авторы расширительно толкуют суть исполнения приговора и включают в стадию реализацию (Я.С. Аврах) или часть реализации (Э.Ф. Купцова) приговора. Другие ученые ограничивают предмет стадии, подчеркивая исполнительскую направленность этапа и считая, что некоторые вопросы, отнесенные ст. 368 УПК РСФСР к компетенции стадии, таковой чертой не обладают (М.К. Свиридов, Л.Ф. Мартыняхин). В литературе исследование процессуальных вопросов, образующих предмет стадии, проводится в порядке перечисления в законе (Е.А. Матвиенко), по местонахождению рассматриваемого судебного органа (В.И. Швецов), по сгруппированию их в отношении обращения к исполнению и к реализации приговора (Э.Ф. Купцова, М.К. Свиридов). В стадии, бесспорно, многообразие различных по сути задач и разрешаемых судом вопросов, их форм реализации, субъектов судопроизводства, что приводит ряд исследователей к выделению некоторых вопросов в особые производства (Т.Н. Добровольская, Ю.К. Якимович) или причислению их к числу дополнительных (Л.Ф. Мартыняхин). Не совсем удачно, по нашему мнению, и наименование стадии, ибо испол-

нение является синонимом реализации, осуществления (Б.С.Э.), что приводит не только к подмене понятий, но и к смешению процессуальной деятельности суда с внепроцессуальной деятельностью административных органов. Действительно, трудно подобрать общий термин при искусственном соединении двух в основе своей разных этапов.

Первый этап вызван необходимостью процессуальных действий суда по созданию условий для приведения приговора в исполнение и ликвидации возникающих при этом препятствий по реализации. Здесь подлежат решению вопросы обращения приговора к исполнению (ст.ст. 356, 359), неприведение в исполнение приговора за давностью (ст. 368), исправления и разъяснения приговора в случае неясностей у административного органа, которому направлен приговор для реализации (ст.ст. 368, 369), отсрочки и рассрочки приговора (ст. 261 УПК РСФСР). Данный этап является самостоятельной стадией с присущими только ему задачами по созданию условий для реализации приговора; наличием специальных форм осуществления задач в виде решения судьей или судом соответствующих вопросов, составляющих предмет стадии; вынесением распоряжения судьи об исполнении приговора, а также определении суда по ликвидации препятствий к реализации приговора; характеризуется специальным субъектом - судом, вынесшим приговор.

Совершенно иные задачи возникают на следующем этапе, связанном с реализацией наказания. Здесь иные регулируемые уголовно-правовым законом (ст.ст. 24, 27, 28, 53-57 УК РСФСР) отношения вытекающие из исправления или злоупотребления и нарушения режима осужденным; иные субъекты правоотношений: суд по месту отбывания наказания, а при рассмотрении вопроса о последствиях наказания - суд по месту жительства осужденного, представители администрации, наблюдательной комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних. Предмет стадии: вопросы досрочного освобождения от наказания по болезни (ст. 362) и инвалидности (ст. 362¹), условно досрочного освобождения и замены наказания более мягким (ст. 363 УПК РСФСР) и др.

Первую стадию можно именовать "обращение приговора к исполнению", вторую - "освобождение, изменение и последствия наказания".

О СОДЕРЖАНИИ ПРИГОВОРА

Т.В. Козина

Неомотря на детальное урегулирование уголовно-процессуальным законом вопросов, решение которых составляет содержание приговора /от. ст. 303-305, 308, 310, 311, 316, 317, 401², 402 УПК РСФСР/, есть немало нерешенных проблем. Основной из них является деление содержащихся в приговоре решений на обязательные и факультативные. Обязательными, на наш взгляд, являются вопросы, ответы которых составляют решение рассмотренного судом уголовного дела. Факультативными же - содержащиеся в приговоре неглавные решения, которые не затрагивают существа приговора и не влекут ухудшения положения осужденного.

В уголовно-процессуальной теории по поводу деления всех излагаемых в приговоре решений представлены позиции П.М. Давлетова /1970/, П.М. Грошевой /1986/, Е.Г. Мартыничка /1989/. Если П.М. Давлетов предлагает делить все решения приговора на три группы /о причастности лица к совершению преступления; об изменении обвинений; о наличии события или деяния, судьбе вещественных доказательств/, П.М. Грошевой выделяет пять групп /о событии преступления; наказании; гражданско-правовых последствиях преступления; гарантирует реальность исполнения приговора; о принудительном лечении подсудимых/, то Е.Г. Мартыничка относит к содержанию приговора "не только основные, а все предусмотренные законом вопросы".

Приведенные позиции процессуалистов по поводу деления решений содержания приговора являются, с нашей точки зрения, не очень убедительными. Главный недостаток их в том, что они не позволяют отличить основные элементы содержания приговора от содержащихся в нем неглавных решений, которые не затрагивают существа приговора и не влекут ухудшения положения осужденного, могут быть разрешены судом в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР.

Ст. 368 УПК РСФСР позволяет устранять в порядке ст. 369 УПК РСФСР некоторые недостатки приговора. В пункте 2 постановления №18 Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г., расширительно толкующего ст.ст. 368, 369 УПК РСФСР, зафиксировано, что помимо прямо указанных в этих статьях вопросов суды при возникшей к тому необходимости вправе разрешать в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР, лишь такие сомнения и неясности, возникшие в результате недостатков приговора, решение которых не затрагивает существа приговора и не влечет ухудшения положения осужденного. К числу

таких вопросов Пленум Верховного Суда СССР отнес применение акта амнистии, отмену меры пресечения, отмену мер обеспечения гражданского иска, зачет предварительного заключения, судьбу вещественных доказательств, определение размера и распределение издержек и др./См.:Бюлл.Верховн.Суда СССР, 1965, № 1; 1984, № 4 /.

В связи с изложенным положением Пленума Верховного Суда СССР считаем, что п.п. 8-10 ст.303 УПК РСФСР /как поступить с вещественными доказательствами, на кого и в каком размере должны быть возложены судебные издержки, какова мера пресечения в отношении подсудимого/ содержат указания не на обязательные, а на факультативные элементы содержания приговора.

На наш взгляд, для решения вопроса о содержании приговора необходимо выделить тот минимальный круг вопросов, без решения которых нет приговора как такового.

Судебный акт является приговором, если в нем содержатся решения по следующим вопросам: о наличии имевшего места события преступления; психическом отношении подсудимого к этому событию - виновности; юридической оценке события /в виде квалификации/; о последствиях юридической оценки события /наказание, признание особо опасным рецидивистом, оправдание/.

Доказательством правомочности примененного нами подхода к определению содержания приговора является система оснований к отмене или изменению приговора, каждое из которых "обслуживает" только одну из сторон содержания приговора.

Для правильного построения модели события преступления должны отсутствовать указанные в п.п.1 и 2 ст.344 УПК РСФСР пороки: "выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании", "суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда".

Эти же кассационные основания в совокупности с не.правильным применением уголовного закона /п.4 ст.342 УПК РСФСР/ предусмотрены на случай неверного решения вопроса о виновности.

Кассационные основания, закрепленные в п.4 ст.342 и 346 УПК РСФСР как неправильное применение уголовного закона, связаны с таким решением приговора, как точность юридической оценки события.

Содержащиеся в п.1 ч.2 ст.345,346,347 УПК РСФСР нормы предназначены для гарантии правосудности выводов об юридических последствиях события преступления.

**ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ
И ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ
Н.Т.Ведерников**

1. Согласно Конституции РСФСР помилование лиц, совершивших преступления, является прерогативой постоянно работающего органа высшей законодательной власти республики – Президиума Верховного Совета РСФСР. Для исполнения этой важной конституционной функции Президиумом Верховного Совета образована постоянно действующая Комиссия Президиума по вопросам помилования в составе 9 народных депутатов РСФСР, четверо из которых, наряду с председателем комиссии и его заместителем, работают в ней на постоянной основе.

2. Следует отметить, что в связи с изменениями в общественно-политической обстановке в стране и нашей республике, развитием и углублением общедемократических начал в нашей жизни существенно изменился порядок формирования и состав названной комиссии.

Ранее комиссия по вопросам помилования при Президиуме Верховного Совета РСФСР состояла из руководителей правоохранительных органов республики и заведующего отделом помилования аппарата Верховного Совета. В частности, в неё входили Министр внутренних дел РСФСР, Министр юстиции РСФСР, Прокурор РСФСР и Председатель Верховного Суда РСФСР. Нетрудно заметить, что такой состав Комиссии по вопросам помилования вряд ли можно было считать удачным, а если говорить прямо, то и правильным по существу. На поверку выходило так, что вопрос: помиловать или не помиловать того или иного осуждённого – решали руководители тех органов государства, которые ранее расследовали совершённое им преступление, надзирали за этим расследованием, назначали ему меру наказания, а теперь определяли: заслуживает данный субъект освобождения от этого наказания или нет. Существовала довольно парадоксальная ситуация.

В настоящее время положение в этом отношении существенно изменилось. В состав Комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросам помилования входят лишь народные депутаты, а руководители правоохранительных органов республики, равно как и заведующий отделом помилования аппарата Верховного Совета, присутствуют на заседаниях Комиссии лишь с правом совещательного органа. С позиций существа дела такой подход к формированию Комиссии следует признать совершенно правильным и обоснованным,

поскольку в законодательном органе решающее слово при разрешении любого вопроса должно принадлежать законодателям — народным избранникам.

3. Сущность помилования заключается в том, чтобы в каждом конкретном случае определить, имеются ли основания для проявления со стороны высшего законодательного органа государства милости к данному конкретному преступнику. При этом приговор в отношении рассматриваемого субъекта уже вступил в законную силу и потому не подвергается сомнению ни доказательства его вины, ни назначенная мера наказания. Помилование — это исключительный и строго индивидуальный акт. При решении вопроса о помиловании не уместны какие-либо принципы, хотя в процессе рассмотрения большого числа дел и вырабатываются какие-то ориентиры в работе. Поэтому представляется возможным говорить о критериях, которыми целесообразно руководствоваться при положительном решении вопроса.

Причём здесь следует различать помилование относительно лиц, приговорённых к исключительной мере наказания — смертной казни, и относительно лиц, приговорённых к иным мерам наказания. Относительно первой группы лиц вопрос о помиловании решается вскоре после вступления приговора в законную силу и обращения осуждённого с ходатайством о помиловании, в отношении же других категорий осуждённых — по прошествии определённого (как правило, не менее половины срока наказания) времени, поэтому в первом случае вопрос решается исключительно и главным образом на основании оценки данных о личности преступника, имевших место до совершения им преступления, в связи с которым он рассматривается, в то время как во втором случае — на основе тех позитивных изменений в личности осуждённого, которые произошли в ней в процессе отбывания наказания.

4. Материалы о помиловании для рассмотрения их на Комиссии готовятся работниками соответствующего отдела аппарата Верховного Совета и заблаговременно представляются членам Комиссии для изучения. По всем категориям лиц (кроме тех, в отношении которых назначена высшая мера наказания) членам Комиссии представляются справки, в которых содержится краткое изложение факты совершённого преступления с указанием всех статей УК РСФСР, по которым отбывается наказание, его срок и отбытая часть на день рассмотрения; биографические сведения, включая сведения о прежних судимостях, состоянии здоровья и наличии на его иждивении детей и престарелых родителей; отношение к труду и степень его

исправления с неременной записью мнения администрации исправительно-трудового учреждения и наблюдательной комиссии относительно помилования данного лица.

Сами материалы всего делопроизводства по каждому осужденному также представляются Комиссии и при необходимости могут быть тут же изучены.

Относительно лиц с высшей мерой наказания, помимо примерно такой же, но более обстоятельной справке по каждому делу членам Комиссии представляются заключения Председателя Верховного Суда РСФСР и Генерального прокурора РСФСР с подробным анализом всех доказательств по делу и назначенной мере наказания, с кратким резюме относительно заявленного ходатайства о помиловании.

Всем участникам заседания на Комиссии представляется возможность высказывать любые соображения, доводы и предложения. Решение принимается в каждом случае голосованием с последующей мотивировкой в протоколе принятого решения.

5. Окончательное решение по делам о помиловании принимается Президиумом Верховного Совета РСФСР по докладу на его заседании председателя Комиссии. При этом членам Президиума также заблаговременно представляются для изучения все материалы вместе с протоколом Комиссии. По высшей мере наказания рассмотрение идет каждый раз персональное, с помилованием по каждому случаю и решение считается принятым, если за него проголосовало большинство членов Президиума. В случае неприятия решения по делу, оно докладывается на Президиуме повторно не ранее, чем через месяц.

Такова процедура и практика рассмотрения вопросов помилования лиц, осужденных судами РСФСР, в сегодняшней жизни.

ИНДУКТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.В. Корноухов

Ретроспективный характер расследования преступлений приводит к использованию трёх стратегий: дедуктивно-алгоритмической, индуктивно-эвристической и смешанной (первой и второй).

Дедуктивно-алгоритмическая стратегия расследования связана с применением методик. В чистом виде она встречается крайне редко, поскольку процесс расследования по конкретному уголовному делу не совпадает с типичным, отражённым в методике.

Чаще, по сравнению с первой стратегией, используется индуктивно-эвристическая, которая порождается тем, что при расследовании того или иного преступления не имеется научно-обоснованной методики (методических рекомендаций) или же методика есть, но преступление совершается необычным способом, что определяет эвристическую стратегию.

Наиболее распространена третья стратегия, которая обусловлена, во-первых, тем, что расследование по конкретному уголовному делу отличается от типичного; во-вторых, условия деятельности по расследованию конкретного уголовного дела отличаются от типичных, нашедших отражение в методике. Поэтому анализ закономерностей индуктивно-эвристической стратегии расследования позволит раскрыть закономерности психологических механизмов принятия решения. В этой связи следует отметить, что в криминалистике и по сегодняшний день процесс принятия решения сводят к логическим приёмам (роли версии). Между тем "... операции порождают мышление, а процесс мышления порождает операции, которые затем в него включаются" (1, С. 51).

В психологии различают две качественно отличительные стадии для принятия решения – это нахождение основной идеи решения и проверки найденного решения (2, С. 169). Рассмотрим психологические механизмы первой стадии. Процесс мышления начинается с ориентировки в условиях задачи (анализ первичных материалов о преступлении). Анализ фактов прежде всего направлен на выяснение смысла сообщения, что определяет необходимость использования следователем базы знаний и определённых приёмов анализа (разложение сложного сообщения на отдельные части "анализ через синтез"). Таким образом, следователь получает фактическую базу для логических выводов, которые входят в содержание формирования первоначального

замысла, который связан с общим объяснением происшествия, есть предложением общей версии. Значение первоначального замысла заключается ещё и в том, что он позволяет возвратиться к исходным данным и проанализировать их уже через систему признаков преступления.

Нахождение основной идеи решения служит основанием к переходу к другой стадии — проверки найденного решения. Фактическая база исходных ситуаций и база знания следователя позволяют наметить систему тактических целей.

При этом может использоваться такой эвристический приём, как "поиск аналога". Последующая конкретизация тактических целей осуществляется через их отношение с правовыми. При этом "... процесс как бы идёт в обратном порядке по отношению к поиску решения; но происходит не сужение зоны поиска, а расширение её, но в пределах значений конечной цели ..." (2, 6, 177). Не останавливаясь на всех вопросах целеобразования, подробнее отразим соотношение правовых и тактических целей. Во-первых, правовые цели определяют направленность расследования. Во-вторых, они используются в качестве критериев в оценке эффективности процесса познания. В-третьих, система тактических целей направлена на достижение правовых. В-четвёртых, хотя тактические цели определяются правовыми, но они в большей степени детерминированы исходной информацией о преступлении. В этих случаях в процессы мышления необходимым элементом входят логические структуры (частные версии). Затем проверка найденного решения переходит в фазу логической обработки систем версий (проверка на сопоставимость, альтернативность, реальность). Но оценка версии на реальность на данной фазе не заканчивается, а продолжается с точки зрения оценки альтернатив. При этом используют такие эвристические правила, как "последовательности", "принцип максимизации", "избегание повторений".

В заключительной стадии принятия решения осмысливаются комплексы следственных действий и оперативно-розыскных предприятий, которые определяются с учётом внешних условий деятельности, поскольку они конкретизируют способ действия следователя.

1. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.

2. Козеловский В. Психологическая теория решений (Пер. с польского. М., 1979).

НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОГРАММИРОВАНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ

А.И.Баянов, Л.Ф.Первухина

Низкий уровень раскрываемости преступлений на фоне стремительного роста преступности в государстве имеет множество причин, лежащих в различных сферах, в том числе и в области методического обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений. К числу недостатков методического обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений следует отнести отсутствие конкретизированных типовых программ по раскрытию и расследованию отдельных видов и групп преступлений, особенно имеющих козырную направленность. Между тем предпосылки разработки такого рода программ объективно существуют. Имеются и результаты создания отдельных программ.

Однако в юридической литературе существует точка зрения, что программирование расследования может превратить следователя в подобие роботов, начиненных соответствующими алгоритмами, которые будут не в состоянии справиться с атипичной ситуацией / Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? / Еще раз о криминалистической характеристике преступления // "Социалистическая законность", 1987, № 9, С.58 /. Подобные опасения при правильном обучении и ориентировке практических работников лишены основания. Применение типовых программ в процессе раскрытия и расследования преступлений / как и в любой иной деятельности / ни в коей мере не исключает использование эвристических способов действия, поскольку следование программе должно быть не шаблонным, а творческим, с учетом конкретных условий расследования. Применение в следственной деятельности программ, в которых на основе научных данных аккумулярован предыдущий опыт раскрытия и расследования аналогичных преступлений, в значительной степени освобождает практических работников от рутинной работы, экономит время для глубокого осмысления сложившейся ситуации и составления плана расследования преступления.

Анализ имеющихся теоретических разработок и прикладных исследований в области программирования следственной деятельности позволяет выделить ряд научных предпосылок, которые создают основу для разработки типовых программ по раскрытию и расследованию преступлений. К такого рода предпосылкам, на наш взгляд, можно отнести

следующие.

1. Наличие устойчивых и высоковероятностных связей между различными элементами отдельных видов и групп преступлений / способом совершения, предметом преступного посяательства, временем, местом совершения преступления, характеристиками личности возможного преступника и т.д. /, на основе которых могут быть построены типовые версии, характеризующие общую картину преступления или отдельные его обстоятельства, и с учетом последних определен перечень обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании уголовного дела.

2. Устойчивая повторяемость следственных ситуаций, характерных для различных этапов расследования / начального, последующего, заключительного /.

3. Повторяемость криминалистических задач, решаемых на отдельных этапах расследования.

4. Наличие комплексов действий: тактических рекомендаций / приемов /, следственных и оперативно - розыскных действий, применяемых для решения криминалистических задач.

Типовые программы раскрытия и расследования преступлений можно представить в виде развернутых графических схем / планов /, определяющих наиболее оптимальный порядок решения отдельных задач с учетом сложившихся типовых ситуаций, в том числе и по установлению обстоятельств преступления.

В процессе раскрытия и расследования преступлений могут применяться различные виды программ:

1. Типовые программы производства отдельных следственных действий.

2. Типовые программы тактических операций.

3. Типовые программы по раскрытию и расследованию отдельных видов и групп преступлений.

При разработке типовых программ раскрытия и расследования преступлений необходимо исходить из их практической целесообразности, которая определяется прежде всего относительной устойчивостью преступления, неизменяемостью способов его совершения, выбором преступником предмета преступного посяательства и т.д., и стабильностью процесса их раскрытия и расследования.

С.И.Ненашев

Рост преступности в стране, появление элементов ее организованности и усложнение механизмов осуществления преступных замыслов выдвигают необходимость качественного улучшения организации расследования преступлений. Сознавая это, многие ученые будущее следственной деятельности видят в широком внедрении программированных методик расследования. При этом под программированием обычно понимается создание немногословных и логически упорядоченных предписаний следователю о том, какие организационные, оперативно-тактические мероприятия и следственные действия необходимо произвести в той или иной следственной ситуации. В этих целях и разрабатываются соответствующие программы.

Зарубежная и отечественная практика показывает, что данный путь открывает новые перспективы в борьбе с преступностью. Однако уже первые шаги в этом направлении свидетельствуют о наличии серьезных проблем, без решения которых трудно рассчитывать на эффективные результаты. Условно их можно разделить на 4 группы: 1) научно-теоретические, 2) технические, 3) организационные и 4) правовые.

Научно-теоретические проблемы программирования расследования обусловлены отсутствием необходимой ясности в определении исходных понятий "программа", "алгоритм", "программирование" и т.п., вследствие чего неоднозначно раскрываются содержание и формы процессов, связанных с получением, хранением, передачей и применением информации в расследовании преступлений, отсутствием четкого представления о структуре банков данных, рубрикации их блоков, о принципах, которые должны составлять основу программирования расследования. Научные исследования по этим проблемам ведутся, но они должным образом не координируются и по сути разрознены, ибо осуществляются по индивидуальной методике с учетом частных технических возможностей вуза, лаборатории, ученого. Пора осознать, что фундаментальность разработки данных проблем может обеспечить только выработка единой общегосударственной концепции развития информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов, где программирование расследования займет конкретное место.

Технические проблемы обусловлены тем, что процесс оснащения правоохранительных органов ЭВМ опережает развитие научно-теоретической базы, а поэтому осуществляется бессистемно, непродуманно. Органы внутренних дел и прокуратуры приобретают сегодня самые

разнообразные ЭВМ и программное обеспечение, которые работают в различных режимах и на разных языках. Ввод данных осуществляется по нестандартизированным документам. Это неизбежно приведет к крайней сложности (либо невозможности) создания в будущем единой информационной системы области, края, республики и страны. На "состыковку" ЭВМ потребуется гораздо больше средств, чем на самую приобретенную технику. Чтобы этого избежать, необходимо немедленно определить принципы, которым должны отвечать ЭВМ для правоохранительных органов, прекратить практику приобретения ЭВМ для РОВД "любыми путями", обеспечить постепенное, но централизованное снабжение их ЭВМ, которые возможно было бы объединить в единую систему. Очевидно, с вступлением СССР в Интерпол должна учитываться и международная стандартизация в сфере информационного обеспечения деятельности полиции.

Организационные проблемы программирования расследования определяются внутренней (т.е. в силу сложившейся структуры правоохранительных органов, психологии сотрудников) неподготовленностью к внедрению и использованию программных средств и комплексов в повседневной работе. Для их решения необходима принципиальная реорганизация системы подготовки и переподготовки следователей и прокуроров, разработка новых программ основных и специальных курсов, издание соответствующей учебной и методической литературы, а также планирование штатных корректив, учитывая необходимость работы с ЭВМ.

Правовые проблемы программирования расследования порождены отсутствием четкой законодательной регламентации использования ЭВМ в борьбе с преступностью. Сегодня действующим законом не определено доказательственное значение материалов, полученных с помощью средств ЭВМ, не предусмотрены защитно-контрольные меры, исключающие несанкционированный доступ к программному обеспечению и банкам информационных данных, не указаны сроки, периодичность ввода в память ЭВМ соответствующей информации, продолжительность ее хранения, не установлена ответственность лиц, по вине которых допущена ошибка и т.д. Для устранения этих явных пробелов необходима разработка закона об использовании средств вычислительной техники в борьбе с преступностью и внесение необходимых изменений в действующие УК и УПК союзных республик.

Решение отмеченных проблем должно основываться не на ведомственных усилиях, а на единой общегосударственной программе, предполагающей бюджетное финансирование.

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.Е.Корноухов, Ф.В.Исмагилов

В науке уголовного права составы преступлений подразделяют на формальные и материальные. Последние характеризуются наличием причинной связи между деянием и наступившими последствиями. В этой группе можно выделить класс преступлений, при расследовании которых основная задача сводится к изучению развития причинно-следственной связи / ст.68-69, 84-86, 140, 160-161, 211, 211¹, 212², 213, 213¹, 214¹, 216, 223, 254-257 и др. статьи УК РФ/.

В нём причинная связь может развиваться в разных формах. Так, выделяют последовательную, параллельную, круговую и концентрическую формы развития причинно-следственной связи. Эти закономерности объединяют группу преступлений в единый класс.

Изучение развития причинной связи основывается на анализе соотношения фактического механизма деятельности с нормативной моделью, отраженной в актах, регулирующих деятельность в той или иной области народного хозяйства, и доказывании прямой причинно-следственной связи. Однако познание фактического механизма деятельности и нормативной модели по тем или иным видам преступлений имеет особенности, что подтверждает необходимость классификации методик /методических рекомендаций/ по расследованию преступлений.

Естественно, это предопределяет целесообразность разработки критериев классификации. Однако прежде чем их предложить, отметим, что развитая классификационная система включает основанные деления как по вертикали, так и горизонтали. В основаниях деления по горизонтали можно использовать такой критерий, как "сфера" деятельности, а по вертикали - "процесс" познания. Таким образом, первый критерий используется для классификации криминалистической характеристики преступлений, в которой рассматриваются закономерности механизма совершения преступлений, а второй для деления на группы процессов расследования. Взаимосвязь между двумя составляющими методики проявляется в том, что процесс расследования во многом обусловлен закономерностями как механизм совершения, так и отражения преступления в окружающей среде.

Используя критерии "сфера" деятельности, данный класс мето-

дик по горизонтали можно подразделить на три рода. Первый из них объединяет методики /методические рекомендации/ по расследованию преступлений, совершенных на транспорте, второй род - методики по расследованию нарушений правил охраны труда и третий - по расследованию фактов отрицательного воздействия производственной деятельности на окружающую среду.

Рассмотрим несколько подробнее первый род методик. В целом криминалистическая характеристика данного рода преступлений характеризуется высокой динамичностью производственных процессов, нередко приводящих к экстремальным ситуациям, что, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на принятие решения должностным лицом. Данные обстоятельства имеют специфику как на водном, так и воздушном, железнодорожном транспорте, что лежит в основании классификации рода на виды. В свою очередь особенности механизма совершения и отражения преступления в окружающей среде определяют особенности процесса расследования.

Естественно, что эти обстоятельства по-иному проявляются во втором роде методик, связанных с расследованием нарушений правил охраны труда. Здесь механизм совершения преступления связан с технологическими процессами, поэтому криминалистическая характеристика имеет свои закономерности в сельском хозяйстве, в промышленности, что лежит в основе деления рода на виды.

И, наконец, в третьем роде методик разрабатываются основы расследования преступлений, связанных с отрицательным воздействием производственной деятельности на окружающую среду. Нетрудно заметить, что если в первых двух изучается процесс производства /фактическая деятельность/, то в третьем роде она уже связывается с воздействием на окружающую среду, то есть здесь познание развития причинно-следственной связи является многоступенчатым.

В заключение отметим, что любая классификация направлена на раскрытие внутренних закономерностей, и предложенная систематика способствует решению этой проблемы, что является необходимым условием познания закономерностей расследования преступлений.

К ВОПРОСУ О ПРОГРАММНОЙ СИСТЕМЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В.В.Аникин

Расследование любого преступления в основном протекает в экстремальных условиях. Дефицит времени, информационный голод, противодействие заинтересованных лиц, различный уровень профессиональной, физической, психологической подготовки следователей обусловили "необходимость разработки формализованных типовых программ расследования, сокращающих время поиска и восприятия необходимых рекомендаций"¹.

Примером является разработанная Г.А.Густавом программа установления способов хищений в торговле и таблица типовых версий Л.Г.Видонова по делам об убийствах.

Появление вычислительной техники четвертого и пятого поколений позволяет поднять процесс расследования преступлений на более качественный и высокий интеллектуальный уровень. Так, например, В.Е.Корноухов, рассматривая вопросы алгоритмизации расследования, определяет целесообразность их исследования по двум направлениям. Во-первых, создание банка данных, в котором должны быть сосредоточены тактические задачи расследования преступлений, методы решения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Во-вторых, разработка модели расследования, применительной к какому-либо виду преступления. "Автоматизированная система, если предусмотреть ввод новой информации и перестройку модели, будет обладать большой гибкостью и, следовательно, эффективностью", по сравнению с методиками, используемыми сегодня, которые недостаточно полно отражают процесс расследования, и модификация их затруднена².

Развивая эту точку зрения, следует отметить, что традиционные компьютерные программы в основном предназначены для решения строго определенных задач. А чтобы приспособить программу к решению новой задачи, необходимо внести в неё такие изменения, которые практически создают совершенно новую программу.

Учитывая недостатки традиционного программирования, следует ориентироваться на создание программных систем расследования преступлений на основе технологии искусственного интеллекта, который опирается на знание о процессе человеческого мышления.

"Искусственный интеллект - это программная система, имитиру-

ющая на компьютере мышление человека. Для создания такой системы необходимо изучать процесс мышления человека, решающего определенные задачи или принимающего решение в конкретной области, выделить основные шаги этого процесса и разработать программные средства, воспроизводящие их на компьютере"³.

Методы искусственного интеллекта упрощают объединение программ и дают возможность заложить в систему искусственного интеллекта способность к самообучению и накоплению новой информации, полезной при дальнейшем её использовании.

Система искусственного интеллекта работает аналогично способу мышления человека, который может накапливать знания, не изменяя способ мышления, и не забывать уже известных фактов.

Различие методов традиционного программирования и методов искусственного интеллекта заключается в том, что применение последних позволяет существенно упростить и ускорить разработку программ. Хотя в программах обоих типов отдельные части выполняют строго определенные действия, однако программы искусственного интеллекта обладают особым свойством, которое походит на характерное свойство человеческого интеллекта. "Изменение любой, даже небольшой части информации не влияет на структуру всей программы. Такая гибкость дает процессу программирования большую эффективность, дает возможность создать программы, умеющие "понимать", т.е. обладающие чертами разума"⁴.

Подводя итог, следует отметить, что программная система расследования преступлений, действующая на основе технологии искусственного интеллекта, должна выполнять следующие функции:

- из большого объема фактов и правил, хранящихся в общей базе данных, быстро выбирать определенную информацию, необходимую для конкретной ситуации;
- заблокировать всякую информацию, не имеющую отношения к решаемой задаче в данный момент;
- достигая цель, при решении поставленной задачи одновременно приобретать новые знания, пополняя ими общую базу данных.

1. Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. Уфа, 1989. С. 62.

2. Там же. С. 39-40.

3. Левин Р., Дранг Д., Эдельсон Б. Практическое введение в технологии искусственного интеллекта и экспертных систем с иллюстрациями на байсике. М., 1990. С. 5.

4. Там же. С. 10.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, УСТАНОВЛЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ЭВМ

С.И.Ненашев, Н.А.Дудко

В последние годы в практику борьбы с преступностью шире стали внедряться ЭВМ. Это закономерное явление, отражающее развитие науки. Мировой опыт дает основание утверждать, что эти процессы неизбежно будут развиваться и дальше. Уже сегодня ЭВМ работают не только в центральных аппаратах правоохранительных органов, но и на местах. Проведенное нами исследование в УВД 9 краев и областей Сибирского региона показало, что почти 1/4 горрайотделов милиции имеет ЭВМ или персональные компьютеры, которые оснащены соответствующей периферией, в т.ч. принтерами (печатающими устройствами).

Использование электронной техники позволяет вводить в память ЭВМ значительную часть информации, с которой приходится работать органам внутренних дел, в несколько раз сокращая впоследствии время на поиск и получение необходимых данных. Подключение принтеров дает возможность выданную на экран дисплея информацию быстро отпечатать на бумаге, а затем использовать в раскрытии и расследовании преступления.

В настоящее время применение ЭВМ в горрайорганах МВД СССР, по нашим данным, ограничено в основном управленческой деятельностью и некоторыми видами криминалистических учетов (автотранспортных средств и т.п.). Гораздо шире используются ЭВМ в ИЦ УВД. Но предпринимаемые шаги к созданию сети, объединяющей ЭВМ в единую информационную систему области, края с доступом к банкам данных ИЦ УВД, открывает принципиально новые возможности применения компьютерной техники в расследовании преступлений. Это позволяет перевести все имеющиеся в распоряжении служб УВД данные на машинный язык, избавиться от гор архивных бумаг, а главное - значительно ускорить получение необходимых данных непосредственно на месте (в райгоротделе) и с помощью принтера в считанные секунды фиксировать полученные сведения на бумаге.

Проведенные в последние годы эксперименты (А.Ф.Аубакиров, Г.В. Михайленко, К.Н.Шакиров и др.) свидетельствуют о возможности осуществления компьютерными устройствами целого ряда экспертных исследований с выдачей принтером уже отпечатанных результатов.

Все сказанное выше открывает совершенно новые перспективы в борьбе с преступностью, однако с позиций сегодняшнего состояния уголовно-процессуального законодательства порождает проблемы в

доказывании. Закономерно возникает целый ряд вопросов: каково доказательственное значение данных, полученных с помощью ЭВМ? Являются ли отпечатанные принтером на бумаге материалы документами в уголовно-процессуальном смысле? Можно ли их приобщать к делу в полученном виде или требуется дополнительное процессуальное оформление? Если требуется, то каким оно может быть и кем должно осуществляться? И потом, одно дело, когда ЭВМ выдает справочные данные общего характера, а если это фактические данные, которые отягчают или смягчают вину? Кто и какую ответственность должен нести при выдаче компьютером ошибочных данных: программист, оператор ЭВМ, эксперт или другие лица?

Четких ответов на эти вопросы не дают ни Основы уголовного судопроизводства, ни республиканские УПК, ни судебное-следственная практика. Не прибавляет ясности и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июня 1982 г. "О судебном решении", которое по гражданским делам признает материалы, созданные средствами ЭВМ, доказательствами, но при условии их надлежащего оформления. Не понятно, кем и как это оформление должно осуществляться.

Фактически же нормы УПК не дают основания для бесспорного отнесения материалов, полученных с помощью ЭВМ, к доказательствам в понимании ст. 69 УПК РСФСР. По смыслу ст. 88 УПК РСФСР документы признаются доказательствами, если:

- а) в них имеются фактические данные;
- б) эти данные относятся к делу;
- в) они удостоверены или изложены предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами.

При отсутствии одного из этих условий документы не могут рассматриваться доказательствами.

Еще больше сложностей возникает, когда речь заходит о заключении эксперта, полученном с использованием ЭВМ.

Учитывая, что с развитием компьютерной техники и расширением ее использования в судебное-следственной практике обозначенные вопросы будут стоять все острее, полагаем, что ясные и четкие ответы на них должны быть даны не в подзаконных актах, не в актах толкования, а в процессуальном законодательстве. В этих целях, на наш взгляд, нуждаются в серьезном изменении ст.ст. 80, 88 и 191 УПК РСФСР, а режим и формы применения ЭВМ в расследовании преступлений должны определяться законом об использовании средств вычислительной техники в борьбе с преступностью.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ В ТАКТИКЕ ДОПРОСА

И.Т.Кривошеин

Результативность допроса зависит не только от того, насколько полно осуществлена подготовка к проведению данного следственного действия. Она определяется ещё и тем, насколько оптимально взаимосвязаны и взаимодействуют тактические и психологические положения допроса. Ведь тактические приёмы допроса приобретают практический смысл лишь тогда, когда они основываются на закономерностях функционирования психологии личности. Поэтому поиск точек соприкосновения тактического и психологического, раскрывающих механизм вплетения тактического в ткань психологическую, является одним из актуальных вопросов учения о допросе.

К числу важнейших регуляторов человеческого поведения и деятельности относятся психические состояния. Психические состояния существенно регулируют продуктивность познавательной деятельности. Так, отрицательные психические состояния снижают его продуктивность, а положительные повышают. Поэтому регуляция названных психических состояний имеет важное тактическое значение. Но помимо указанных психических состояний в поведении допрашиваемого можно выделить ещё одно психическое состояние – это состояние внимания. Например, А.В.Дулов, давая характеристику психических состояний, подчёркивает, что у допрашиваемых наблюдается повышенный интерес к действиям следователя, напряжённо-острое восприятие информации. Эта острота восприятия наблюдается в течение всего допроса. Данное обострённое восприятие действий следователя выражает, по нашему мнению, общее психическое состояние допрашиваемого – состояние внимания.

Внимание является неотъемлемой и важнейшей составной частью познавательного процесса, оно во многом, если не решающим образом, определяют его продуктивность, осуществляя функцию, регулирующую целенаправленность и сосредоточенность мыслительной деятельности допрашиваемого. Поэтому недооценка роли внимания в регуляции мыслительной деятельности может привести к ошибкам при допросе. Тактическое и психологическое значение овладения вниманием состоит в том, что, отвлекая или, наоборот, привлекая внимание допрашиваемого, следователь тем самым осуществляет воздействие на психику и сознание допрашиваемого, реально направляет его поведение и мыслительную деятельность в избранном и обусловленном тактикой направлении. Это приводит к выводу о том, что тактичес-

кле построение допроса есть во многом умелое, своевременное переключение внимания с одного предмета размышления на другой. Это тем более необходимо делать, поскольку длительное нервно-психическое напряжение приводит к нежелательным морально-психологическим последствиям, к изменению отношений между следователем и допрашиваемым. Переключением же внимания достигается изменение текущего психического состояния, устанавливается необходимое психологическое равновесие.

В общей психологии внимание определяется как сосредоточенность сознания на определённом объекте, обеспечивающее его особое отражение или как такую организацию деятельности, при которой определённые восприятия, мысли или чувства субъектом осознаются отчетливо, в то время как другие отходят на второй план или вовсе сознательно не воспринимаются (Грановская Р.М., Платонов К.К. Рубинштейн С.Л.). Внимание, в отличие от восприятия, мышления, памяти, эмоций, чувств, воли, не является самостоятельным видом психической деятельности, оно только организует её виды. Механизм внимания теоретически и экспериментально обоснован А.А.Ухтомским, основоположником учения о доминанте. Он писал, что "... принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления." (Ухтомский А.А. Доминанта. М.-Л., 1966, С. II). В криминалистических исследованиях доминанта известна как "защитная" или "оборонительная" доминанта (Ратинов А.Р.).

Признаки сосредоточенности внимания имеют место в следственной практике постоянно. Достаточно назвать установление психологического контакта, который рассчитан, в частности, на то, чтобы уравновесить психическое состояние допрашиваемого, достичь атмосферы доверительности, положительных, конструктивных отношений следователя с допрашиваемым. В ходе установления психологического контакта внимание допрашиваемого привлекается следователем к теме беседы, и если тот проявляет к ней устойчивый, положительный интерес, увлекается ею, то его внимание, будучи сосредоточенным уже на иных сторонах (направлениях) мыслительной, эмоционально-чувственной деятельности и поведения, отвлекается от владевшего его сознанием предыдущего предмета мышления. Аналогичные процессы происходят и при предъявлении доказательств, при постановке вопросов.

Внимание является той точкой соприкосновения тактического и психологического, которое даёт известное представление о механизме взаимодействия тактического приёма и особенностей личности допрашиваемого, того, как тактическое влетается в ткань психологическую.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ "СЛЕД ВРЕМЕНИ"

И.С.Аббаева

1. При производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежит обязательному доказыванию время совершения преступления (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 68 УПК РСФСР). Достоверные знания о времени совершения преступления важны в уголовно-правовом, процессуальном и тактико-криминалистическом аспектах.

2. Источники информации, позволяющие определить временные параметры события преступления в целом и отдельных его фрагментов, весьма разнообразны. Целесообразно дифференцировать их на две основные группы: а) идеальные – показания очевидцев и иных лиц; и б) материальные – различные изменения материальной среды.

3. Идеальные источники информации или идеальные следы времени – это чувственные отображения ("памятные следы", "энграммы памяти"). Материальные следы времени – различные изменения материальной среды как результат отражения при взаимодействии между объектами, обладающими потенциальной возможностью предоставления системе уголовного правосудия времясодержащих сведений.

4. И в идеальных, и в материальных источниках информации время фиксируется в связи со всеобщим законом отражения и может быть "уловлено" благодаря возможности измерения качественно-количественных признаков одной или нескольких форм движения физических тел в пространстве, нашедших своё отображение в следовоспринимающих объектах. След времени не только предметно-чувственное образование. Криминалистически значимая информация о времени события, преступления имеет в своей основе не только данные относительно конкретных изменений в тех или иных объектах, но и элементы выводного знания.

5. Учитывая изложенное, можно предложить следующее определение.

След времени – идеальное или материальное отображение различного рода события, процессов, индивидуальностей, несущее в себе информацию, которую можно интерпретировать как указание на расположение этих объектов на шкале времени, или на основе этой информации определить иные временные параметры, имеющие значение для раскрытия и расследования преступлений.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ САМОУБИЙСТВ

Н.В.Выдрина

Для психологии проблема мотивации не является новой. Существуют различные точки зрения, различные направления исследований, как мотивации вообще, так и мотивации конкретных явлений.

Концентрация нашего внимания на мотивационных процессах самоубийства вызвана не столько тем, что феномен суицида вообще недостаточно изучен, и подобная постановка вопроса является принципиально новой, сколько тем, что проблема мотивации самоубийств имеет кроме психологического, ещё и криминалистический аспект.

Знание мотивационных процессов суицида во многом определяет решение задачи разграничения самоубийств и связанных с ними происшествий. Критерием подобного разграничения является, на наш взгляд, криминалистическая характеристика самоубийств, в систему которой входят такие элементы, как личность суицидента и мотив самоубийства, понять которые невозможно без изучения мотивационных процессов. Личность всегда проявляет себя в деятельности через мотивационную сферу, мотив также тесно связан с последней, являясь её основной составной частью.

Под мотивацией, на наш взгляд, нужно понимать совокупность всех психологических процессов, управляющих деятельностью человека. Для пояснения механизма возникновения и протекания мотивационных процессов приведем следующую схему: потребность - интерес - образ цели - мотив - действие - цель (удовлетворение потребности). Данная схема, безусловно, не отражает полностью мотивационные процессы, так как здесь не определены психологические аспекты формирования звеньев указанной цепи. Она отражает не особенности мотивации, как таковой, а механизм удовлетворения потребности, лежащий в основе явления мотивации. Последняя - более широкое понятие, обусловленное всем комплексом биологических (например, темперамент, физические, интеллектуальные и т.п. особенности конкретного лица, инстинкты), социально-биологических (например, характер, совесть, мировоззрение, система ценностной ориентации личности), социальных (например,

воспитание, образование) компонентов личности, которые можно разделить на указанные группы лишь теоретически, а практически они представляют собой единое целое.

Особенности мотивации самоубийств заключаются в том, что суицидальные действия направлены не на реализацию какой-либо потребности, а возникают как реакция на невозможность удовлетворить данную потребность, которая в сознании самоубийцы оценивается как самая необходимая. Происходит разрыв звеньев указанной нами схемы, а именно: сужение зоны осознаваемых вариантов поведения по удовлетворению потребности, резкое уменьшение числа возможных выходов из сложившейся "тупиковой" ситуации. При психологическом осмыслении, анализе потребности, её эмоциональном переживании и поиске возможных путей её удовлетворения нарушается соответствие между самой потребностью и целью действия (удовлетворением потребности). Потребность, являющаяся в данный момент для человека самой важной, вступает в неразрешимое, по мнению субъекта, противоречие со способностью её удовлетворения, с осознаваемой суицидантом невозможностью удовлетворения данной потребности. Противоречие разрешается тогда, когда лицо начинает осознавать возможность выбора такого варианта поведения, как осуществление суицида. И этот вариант поведения становится для самоубийцы единственно реальным. Фактически происходит не удовлетворение существовавшей потребности, а её автоматическое снятие путем ухода из жизни вообще.

В целом мотивация самоубийств определяется общими признаками, присущими явлению мотивации, и особенностями мотивационных процессов применительно к суицидам.

Таким образом, без тщательного изучения вопроса мотивации самоубийств не может быть понят и криминалистический аспект данной проблемы, не может быть разработана эффективная система криминалистической характеристики самоубийств. Именно исследование мотивации суицида позволяет выделить те характерные для него признаки, которые должны быть положены в основу криминалистической характеристики самоубийств и по которым можно провести грань между самоубийствами и связанными с ними происшествиями.

ПРИЗНАКИ ДАКТИЛОГРАММ, ОТПЕЧАТКОВ И СЛЕДОВ ПАЛЫЦЕВ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ УЧЕТОВ

В.И.Титов

При осуществлении дактилоскопических учетов в отпечатках и следах пальцев выявляют самые разнообразные признаки их строения, избирают ту или иную очередность их использования при выведении формул или при использовании других методов формализации полученной информации.

Определяя тип узора, оценивают степень изогнутости папиллярных линий (дуги, петли, завитки) или число и положение дельт (дельт нет, дельта слева, дельта справа, две и более дельт). Дальнейшая классификация папиллярных узоров основывается, обычно на оценке строения центральной части узора: в дуговых узорах, на изучении направления ножек петель в петлевых узорах (петли правые и левые; ультрачные и радиальные), взаимного положения рукавов дельт в завитковых узорах, на установлении числа папиллярных линий, пересекаемых линией Гальтона. Для многих десятипальцевых дактилоскопических картотек полученная при изучении перечисленных признаков информация считается достаточной и используется при систематизации дактилоскопических карт в массиве картотеки и при поиске ранее влитой карты при проверке.

Стремление криминалистов устанавливать лиц, оставивших следы пальцев на местах происшествий, даже если обнаружен один след пальца, привело к созданию монодактилоскопических картотек. В связи с тем, что в этих случаях невозможно использование суммарной информации о дактилограмме, оценивается не десять отпечатков пальцев вместе взятых, а один, — неизбежно его углубленное исследование. Анализируя системы, описанные Э.Локаром, Р.Гейндлем и другими авторами, можно выделить следующие направления указанных исследований:

- детально изучается центральная зона папиллярного узора (Э.Локар в Руководстве по криминалистике описывает 17 разновидностей центров петлевых узоров, 7 разновидностей завитковых узоров, 7 — дуговых и составных; им же приводятся данные о том, что Ларсон насчитывая около 1000 разновидностей центров только в петлевых узорах);

- исследуются зоны дельт;

- производится подсчет папиллярных линий между центром узора и

дельтой в петлевых узорах, между центром узора и дельтами в завитковых узорах, между дельтами и сгибательной складкой и другими точками; полученные данные используются непосредственно, т.е. указывается фактическое число папиллярных линий или эти данные группируются и указывается индекс группы;

- измеряется центрально-осевой угол в петлевых узорах или угол, образуемый линиями Гальтона в завитковых узорах;

- изучается наличие и положение "минуций" или в отдельных зонах отпечатка: в зоне головки самой внутренней петли, на площади ограниченной кругами имеющими общий центр и т.п., или по всей площади отпечатка или следа.

Дактилоскопические системы такого типа требуют больших затрат времени на изучение и кодирование отпечатков. Постепенно, по мере увеличения объема картотек, усложняется проверка вновь обнаруженных на местах происшествий следов, их сравнение с имеющимися в картотеке отпечатками. Усложнение работы неизбежно из-за увеличения количества переходных случаев при очень детальной классификации признаков узоров, из-за неполной картины папиллярных узоров в следах с мест происшествий.

Попытки создать автоматизированные системы, считающие особенности папиллярных линий со всего поля отпечатка (следа), преобразующие полученную информацию в цифровой код, записываемый в память ЭВМ, ведутся в нашей стране с 1965 года (Советская милиция, 1989, №12), но, по оценке Н.Демидова, они безрезультатны.

Выявить 80-120 особенностей в отпечатке, отразить их строение или взаимное положение, а в ряде случаев и то и другое, вместе взятое, кодирующие устройства могут (Герасимов В. Дактилоскопия // "Наука и жизнь" №1, 1975, с.79-83), но объем получаемой информации очень большой, а это требует использования мощных ЭВМ с банками данных большого объема.

Представляется, что наиболее рациональной была бы система неавтоматического кодирования признаков дактилограмм, отпечатков и следов пальцев с внесением полученных данных в память ЭВМ. Это позволит переложить на плечи машин сложнейшую работу сравнительного исследования вновь полученных и ранее записанных кодов, в том числе вероятных. Этому должно предшествовать детальное исследование папиллярных узоров.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГАЗОВЫХ, ГАЗОВО-ШУМОВЫХ И ГАЗОВО-СИГНАЛЬНЫХ ПИСТОЛЕТОВ И РЕВОЛЬВЕРОВ

Е.Н.Тихонов

В последние годы в нашей стране при совершении ряда преступлений (разбой, вымогательство и др.) все чаще стали применяться газовые, газово-шумовые и газово-сигнальные пистолеты и револьверы, поэтому при расследовании уголовных дел они становятся объектами криминалистических исследований. Отечественной промышленностью такие пистолеты и револьверы не выпускаются, однако за рубежом они производятся во многих странах, имеются в свободной продаже и контрабандным путем попадают на территорию СССР, где продаются на "черном рынке".

Внешне и по своим конструктивным данным названные пистолеты и револьверы похожи на боевые гражданских и полицейских образцов, но не предназначены для стрельбы патронами, снаряженными пулями, а поэтому не являются огнестрельным оружием. Чтобы исключить возможность их применения не по своему основному назначению, конструкцией предусмотрены жестко вмонтированные перемычки в виде металлических пластин толщиной 2,0-2,5 мм, идущие вдоль канала ствола и частично перекрывающие его, но не препятствующие прохождению газов, или цапфы, расположенные ближе к казенной и дульной частям канала ствола.

Чаще всего в отечественной криминалистической практике встречаются газовые, газово-шумовые и газово-сигнальные пистолеты и патроны к ним, изготовленные в ФРГ. Выпущенные там в 50-60-е гг. газовые и газово-шумовые пистолеты имели калибры 6,0; 6,35; 7; 8 и 9 мм, а револьверы - 6 и 9 мм. В последнее десятилетие наибольшее распространение получили газово-сигнальные самозарядные пистолеты калибра 8 мм, имеющие магазины емкостью 5 или 7 патронов. Для этой группы моделей характерна их универсальность: без адаптера - насадки на дульную часть ствола они используются как газовые или шумовые пистолеты (в зависимости от вида применяемых патронов); с адаптером калибра 15 мм - как сигнальные, при этом шумовые холостые патроны выполняют функции воспламенятельных и вышибных зарядов для 15-мм сигнальных патронов - "звездок", помещаемых в адаптер. Основной номинальный калибр определяется по диаметру канала патронника.

8-мм газовые патроны центрального воспламенения имеют латунные гильзы с завальцованными во внутрь краями дульца, в которые помещаются вышибной заряд бездымного пороха, пыжи и пластмассовая капсула с отравляющим веществом (ОВ), на наружной поверхности которой сделана крестообразная насечка. Последняя при выстрелах прорывается газами, и газовая струя на расстоянии 1,5-2 м образует газовое облако с эпицентром примерно в 2 м от дульного среза пистолета. Для того, чтобы газами не был поражен сам стреляющий, выстрелы должны производиться не ближе 1 м от цели, при этом ствол направляется над целью (головой человека), чтобы не нанести механическое и термическое повреждения струей газов.

На доньках гильз газовых патронов маркировочные обозначения обычно включают: товарный знак предприятия (фирмы)-изготовителя, калибр и вид ОВ (например, "CS" - ОВ раздражающего слезоточивого действия).

Канал ствола газовых, газово-шумовых и газово-сигнальных пистолетов и револьверов обычно меньше по диаметру, чем патронника (камор барабана), что, с учетом наличия перемычек или цапф, серьезно препятствует его рассверловке для стрельбы боевыми патронами и тем самым превращению их в огнестрельное оружие. Однако такая переделка при наличии соответствующего станочного оборудования и инструментов квалифицированными специалистами не исключена, поэтому при криминалистическом исследовании названных пистолетов и револьверов на это необходимо обращать особое внимание. Вопрос о том, переделан ли объект и не стал ли он огнестрельным оружием, решается в рамках судебно-баллистической экспертизы.

Экспертами-баллистами могут быть также решены вопросы о техническом состоянии и пригодности для применения газовых, газово-шумовых и газово-сигнальных пистолетов (револьверов) и патронов к ним, произведена идентификация пистолетов (револьверов) по стреляным гильзам, руководствуясь общими методиками, разработанными для исследования боевого огнестрельного оружия, но соблюдая особые меры безопасности при экспериментальной стрельбе.

Для исследования же содержимого газовых патронов и определения вида и количества ОВ в них требуется привлечение экспертов-химиков и соответствующие лабораторные условия, исключая при этом поражение ОВ при демонтаже патронов.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОФОРМЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ФОТОСЪЕМКИ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Е.А.Смолин

Уголовно-процессуальное законодательство РСФСР и других союзных республик регламентирует порядок применения научно-технических средств и, в частности, фотосъемки при производстве следственных действий.

Однако некоторые теоретические вопросы, имеющие первостепенное практическое значение, нуждаются в уточнении и дальнейшей разработке. Закон (ст. 141 УПК РСФСР) не раскрывает, что конкретно должно быть указано об обстоятельствах применения фотосъемки. В комментарии к данной статье рекомендуется в протоколе следственного действия назвать модель фотоаппарата, дать характеристику объектива, наименование светофильтра, условия освещения, тип фотопленки, её чувствительность и количество используемой пленки.

В специальной литературе по судебной фотографии нет единой точки зрения по этому вопросу. Так, В.К.Башкатов, В.И.Гончаренко, А.В.Дулов, Н.А.Селиванов рекомендуют фиксировать в протоколе о ведении об использовании фотокамеры и объектива, вида пленки и её светочувствительность, дополнительных приспособлениях (удлинительные кольца, светофильтр, лампа-вспышка и т.д.), экспозиции (выдержка и диафрагма), точка съемки и расстояние до объекта. Ю.Г.Корухов, И.Д.Найдис, В.М.Николачик, В.И.Титов исключают из этого перечня точку съемки и расстояние до объекта. Кроме того, В.И.Титов считает ненужным указывать экспозицию, ибо к протоколам следственных действий прилагаются негативы (на практике к фототаблицам негативы прилагаются только в 15%).

Наше изучение 1000 архивных уголовных дел в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областях показало, что в протоколах следственных действий отражается следующее:

- название фотокамеры - в 94% случаев;
- название объектива - в 86% случаев;
- тип пленки и её светочувствительность - в 74% случаев;
- наличие дополнительных приспособлений (если они применялись при фотосъемке) - в 54% случаев;
- экспозиция (выдержка и диафрагма) - в 8% случаев;

- точка съемки и расстояние до объекта не указывались ни разу.

Предоставляется, что сведения об экспозиции, точке съемке и расстоянии до объекта ничего не дают для дела, а поэтому нет необходимости отражать их в протоколе следственного действия. На наш взгляд, в него необходимо вносить:

1. Название и модель камеры (если используемая при съемке камера является малораспространенной моделью, то важно указать, к какой группе - малоформатных или среднеформатных она относится).

2. Название марки объектива (для распространенных объективов - главное фокусное расстояние которых легко устанавливается). В случае применения объектива, технические характеристики которого не являются общеизвестными, целесообразно внести в протокол данные о его фокусном расстоянии. Они могут потребоваться при появлении необходимости восстановить размеры предметов по их изображениям на снимке.

3. Дополнительные принадлежности:

а) светофильтры (Л-2^X, О-2,8^X, КФ-4 и т.д.), и для фотография каких именно объектов они применялись, более достоверно оценить передачу световых соотношений и контрастов;

б) удлинительные кольца и их номера;

в) прочие принадлежности - телеконвертер, макроприставка, штатив и т.д.

4. Тип и светочувствительность фотопленки. Для бытовых пленок можно ограничиться наименованием таких материалов ("Фото-64", "Фото-125", "Фото-250" и т.п.). При использовании специальных негативных материалов, кроме наименования (КН-1, НК-4, ВЧ и т.д.), следует указать их светочувствительность.

5. Условия применения фотографической съемки:

а) характер освещения - естественное, искусственное;

б) состояние погоды;

в) направление освещения - проходящий, косопadaющий или отраженный свет;

г) вид искусственных источников света (лампа-вспышка, автомобильные фары, ракеты, термитные спички и т.д.).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.К.Гавло

1. Экономика нашей страны, как известно, испытывает серьёзные потрясения. Повальный дефицит продовольственных и промышленных товаров, введение талонной и купонной систем, противопоставление республиканских законов союзным, нарушение законности ведут к дальнейшей разбалансированности экономики со всеми отрицательными последствиями для страны. На этом фоне ещё пышнее расцветают корыстно-хозяйственные преступления, борьба с которыми весьма проблематична.

2. Корыстно-хозяйственные преступления включают в себя разные составы преступлений. Но ведущими в них все же являются хищения государственного и общественного имущества, совершенные материально-ответственными и должностными лицами. Исследование показывает, что такие хищения тесно связаны с другими преступлениями: со спекуляцией, незаконной торговой деятельностью, злоупотреблениями в торговле, взяточничеством, коррупцией. Как разновидностью является наркобизнес. Всем им может сопутствовать рэкет как вымогательство государственного, общественного и личного имущества.

Латентность этих преступлений велика. Данные уголовной статистики не отражают реального состояния дел в этой сфере и нуждаются в изменении.

3. Учитывая определенную растерянность правоохранительных органов в деле борьбы с преступностью в сфере экономики и особенно неурегулированность многих правовых отношений, вытекающих из деятельности и организации кооперативов, расхитители, взяточники, дельцы теневой экономики, различного рода нерадивые и недобросовестные хозяйственники успешно корыстно приспособились к новым трудным условиям перехода страны к рыночным отношениям.

Они совершают хищения материальных ценностей и денежных средств как старыми, так и новыми способами. Отсюда вытекает важная задача познания криминалистической характеристики корыстно-хозяйственных преступлений, с тем чтобы разработать наиболее эффективные для складывающихся следственных ситуаций криминалистические методики раскрытия, расследования и предупреждения данных преступлений.

Криминалистическая характеристика корыстно-хозяйственных преступлений рассматривается нами как первый базовый компонент в системе криминалистической методики расследования преступлений. И хотя в этом направлении есть известные конструктивные исследования /В.В.Братковская, Б.Е.Богданов, Г.А.Густов, Г.В.Дашков, Б.В.Коробейников, А.Н.Ларьков, К.Т.Чернова, Н.П.Яблоков и другие/, они все же проблему создания криминалистической характеристики корыстно-хозяйственных преступлений не разрешают.

4. Криминалистическая характеристика корыстно-хозяйственных преступлений, полагаем, представляет научную информационно-познавательную систему знаний о закономерных криминалистически-значимых чертах механизма и обстоятельствах совершаемых преступлений, разрабатываемую в целях оптимизации процесса раскрытия, расследования и предупреждения данных преступлений.

В структуру криминалистической характеристики корыстно-хозяйственных преступлений, с нашей точки зрения, входят: данные о способе, обстановке, криминалистическом механизме, личности субъекта преступлений, объекте и предмете преступного посягательства, его результате, мотиве и цели совершения преступлений, о типах их обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, их признаках.

5. Требуя пристального изучения те ситуации совершения хищений, в которых одной из сторон выступает кооператив. Финансовые органы не разработали методику бухгалтерского учета в кооперативах, что привело к разному в его ведении, а для недобросовестных кооператоров явилось питательной средой в запутывании учета. Ревизорский аппарат и служба БХСС по такому учету не вскрывают хищения.

6. Важный источник получения информации об экономических преступлениях в кооперативах находится в материалах госарбитража, который рассматривает споры в кооперативной деятельности. По нашим данным, по 15% дел, рассмотренных госарбитражем, просматриваются признаки хищений в деятельности кооперативов. Объективно это вытекает из проблемы обеспечения кооперативов сырьем и материалами. Кооперативы вынуждены в большинстве случаев приобретать их нелегальным путем. Между тем валовой доход их и объемы выполняемых работ исчисляются сотнями тысяч и миллионами рублей. Естественно, возникает вопрос: за счет каких источников сырья и материалов возможно такое бурное развитие? Фактически в таких случаях кооперативы встают на путь приобретения сырья и материалов путем взяток и составления подложных документов.

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ МЕТОДОМ ДЕРМАТОГЛИФИКИ

А.Н.Чистякин, В.В.Яровенко

В настоящее время, когда происходит формирование правового государства, необходимо глубокое изучение личности, обеспечивающее правильное применение уголовно-правового, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства, что способствует претворению в жизнь задачи по укреплению правовых основ государственной и общественной жизни. Современная научно-техническая революция предъявляет к психике человека повышенные требования, в результате чего увеличивается количество происшествий, связанных с управлением техникой и с нервно-психическими расстройствами, пограничными между нормой и патологией. Психофизиологические состояния лиц, страдающих пограничными психическими недостатками, в качестве внутренних условий могут оказывать определенное влияние на форму преступного поведения, направляя его в сторону преступлений насильственного или неосторожного типа (См.: Кузнецова Н.Ф., Лейкина Н.С. Криминологический аспект соотношения социального и биологического // Сов. государство и право. 1977. №9. С.102-111).

Поскольку психологические, психофизиологические особенности и состояния личности являются одним из существенных внутренних условий, способствующих совершению преступления, и имеют значение для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, то их наличие должно быть доказано.

Особое значение в качестве дополнительного способа собирания доказательств приобретают ускоренные экспертные оценки предрасположенности субъекта к некоторым психопатологическим состояниям. В связи с этим нами предпринята работа по определению предрасположенности к психопатиям методом дерматоглифики, поскольку этот метод обладает явными преимуществами перед другими. Отпечатки ладонных поверхностей кистей рук получены с помощью типографской краски по классической методике. Обработка отпечатков проводилась по методу Камминса и Мидло в модификации Т.Д.Гладковой (См.: Гладкова Т.Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966). На всех отпечатках выделялся комплекс признаков, характерных для психопатий. Всего обследовано 200 человек (100 мужчин, 100 женщин) зрелого возраста (мужчины 35-60 лет, женщины 35-55 лет). Полученные результаты приведены в таблице I.

Таблица I

Количество лиц, имеющих предрасположенность
к возникновению психопатий

Состояние	Мужчины	Женщины
Не имеют признаков предрасположенности	73	78
Имеют признаки предрасположенности	27	22
Из них имеют диагноз клинический	8	15
Всего:	100	100

Из приведенных данных видно, что признаки, свидетельствующие о предрасположенности к психопатиям, имеются у 22-27 процентов обследованных. У женщин проявления патологии отмечаются в два раза чаще, чем у мужчин.

Таким образом, полученные результаты позволяют рекомендовать метод дерматоглифики для ускоренного определения пограничных состояний, что может принести определенную пользу в расследовании некоторых преступлений (доведение до самоубийства, инсценированное самоубийство). При расследовании дел, связанных с самоубийством, в ряде случаев может быть назначена посмертная судебно-психиатрическая экспертиза по материалам дела. В качестве дополнительных объектов исследования эксперту целесообразно представлять данные о предрасположенности лица к психопатологическим состояниям.

О КЛАССИФИКАЦИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

О.Н.Сафаргалиева

Источниками информации о сущности происшедшего события, о биологических, социальных и психологических свойствах личности преступника являются следы, остающиеся в данной материальной обстановке в результате совершения преступления.

Понятие следа в криминалистике на различных этапах её развития трактовалось по-разному: первоначально под следами понимались любые изменения в материальной обстановке, в окружающей среде и предметах, связанных с событием преступления (И.Н.Якимов, М.Д.Воронцовский и др.); затем с введением в советскую криминалистику понятия трасологии (Б.И.Шевченко) понятие следа было сужено и ограничено следами-отображениями внешнего строения предметов на другом предмете или веществе. Начиная с 60-х годов, всё больше советских учёных-криминалистов склоняются к мысли, что учение о следах в криминалистике нельзя ограничивать лишь следами-отображениями внешнего строения (И.Ф.Крылов, Д.А.Турчин, А.С.Железняк, В.И.Ильченко и др.), поскольку следы, не являющиеся отображениями, органически связаны с последними, несут не менее ценную информацию о событии преступления, лицах, принимавших в нём участие, используются в раскрытии и расследовании преступлений. Однако изучены они недостаточно. Необходимость изучения закономерностей образования, свойств, информационной и доказательственной значимости различных видов следов ставит перед необходимостью создания классификации следов в широком их значении. В советской криминалистической литературе имеется несколько различных классифицирующих следов в широком их понимании. Классификации строятся авторами на основе того, как они понимают содержание следов в широком значении.

Нам представляется, что под следом в широком значении следует понимать любые изменения в материальной обстановке, возникшие в ходе преступного события и несущие информацию о преступлении, личности преступника и иных участниках преступного события.

В соответствии с таким пониманием следа, а также в зависимости от характера изменений как результата преступления, все известные на сегодняшний день следы в криминалистике могут быть объединены в следующие группы: а) традиционные трасологические следы; б) следы биологического происхождения; в) микрообъекты; г) следы в виде наличия или отсутствия предметов.

Предлагаемая нами классификация имеет своей основной задачей выявление информационной значимости отдельных видов следов в установлении свойств личности преступника. Применительно к решению этой задачи и рассматриваются элементы приведённой классификации.

Традиционные трасологические следы – это группа наиболее хорошо изученных в криминалистике и судебной медицине следов, информационной роли в деле установления личности преступника, его биологических свойств. В некоторых случаях на основе исследования этих следов можно выдвигать версии о профессии лица, совершившего преступление, о механизме преступного деяния, судить о состояниях преступника.

К следам биологического происхождения относятся следы, являющиеся отражением субстративных свойств человека – кровь, моча, сперма, пот, экскременты, запах человека, а также органы, ткани человеческого организма и т.д. Изучение этого вида следов переживает этап развития, раскрытия информационных возможностей – от уровня самых общих представлений (например, группа человека) до уровня конкретных рекомендаций (например, о болезненном состоянии человека).

В последние годы при совершении различного рода преступлений преступники всё меньше оставляют "традиционных" следов и крупных вещественных доказательств. Это обусловило появление качественно новой (в криминалистическом плане) категории вещественных доказательств, которые представляют собой микроскопически малые объекты – микрообъекты. Обнаруженные микрообъекты позволяют судить (в некоторых случаях) о профессии или привычках лица, его пребывании в определённом месте, об имевшихся у него предметах. Результаты исследований микрообъектов могут быть использованы при проведении оперативно-розыскных мероприятий, использоваться в качестве доказательств, опровергающих или подтверждающих вину обвиняемого.

Следы в виде наличия или отсутствия предметов. Данная группа следов весьма многочисленна, в неё входят и предметы, вещи, исчезнувшие с места преступления, и орудия преступления, и труп потерпевшего, и появление новых предметов, обронённых или брошенных преступником, т.е. все те предметы, которые внесли изменения в первоначальную материальную обстановку, существующую до момента преступления. Изучение того или иного вида следов, входящих в данную классификационную группу, позволяет в одних случаях судить о мотивах преступления, интересах, опыте, половых возрастных особенностях преступника, в других – о количестве преступников, о механизме преступления и т.д.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ

Н. А. Оркерич

Возможность пересмотра вступившего в законную силу приговора в порядке судебного надзора — одна из гарантий права обвиняемого на защиту. Значимость данного института подтверждается тем, что более 40% судебных ошибок исправляется в порядке надзора (см. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1990, № 3, с. 31).

Важным аспектом рассматриваемого вопроса является и то, что для осужденного обращения в предусмотренные ст. 371 УПК РСФСР органы с просьбой о принесении протеста на незаконный, по его мнению, приговор — последняя, а для осужденного Верховным Судом республики единственная возможность отстаивать свои права.

Роль данного института не найдла, однако, адекватного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. Речь в данном случае идет о том, что в законе полностью отсутствует регламентация деятельности, предшествующей принятию решения указанным ст. 371 УПК РСФСР органом об истребовании уголовного дела (известия ввиду изучения материалов дела, составление жалобы и т.п.).

Между тем значение этой деятельности весьма велико, ибо от обоснованности жалобы на вступивший в законную силу приговор зависит принятие решения об истребовании уголовного дела.

Правовой базой указанной деятельности в настоящее время является Указ ПВС СССР "О порядке рассмотрения преписаний, заявлений и жалоб граждан" в редакции Указа от 4 марта 1980 г. Однако практика показывает, что подобный порядок порождает массу проблем и несуразиц. Следствием этого является чрезмерная загруженность органов суда и прокуратуры жалобами осужденных с одной стороны, и наличие множества трудностей в осуществлении защиты в этой стадии процесса — с другой.

С учетом этого представляется очевидной острая необходимость установления четкой процедуры обжалования вступивших в законную силу приговоров.

В этой связи нельзя не отметить, что судебной практикой разработаны определенные традиции в решении этой проблемы. Так, достаточно устойчивым стало понятие надзорной жалобы и требования к ее содержанию, с которыми она сопоставляется. Суды разное значение придают значимости с материалами уголовного дела, а администрация ИТУ предоставляет

тавляют, как правило, свидания осужденному с адвокатом для решения вопросов, связанных с составлением нацзорных жалоб.

К сожалению, все эти льготы не имеют четкой нормативной базы. К примеру, положения ст. 23 Основ уголовного судопроизводства (ст. 51 УПК РСФСР) о том, что право на свидание с погвзщитным и на ознакомление с материалами дела у защитника с момента его допуска к участию в деле, в статьи нацзорного производства практически неприменимы. Подобное нередко приводит к ущемлению права на зачиту, т.к. все зависит от усмотрения должностных лиц.

На основании изложенного, считаем необходимым предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве субъектов, сроки и порядок обжалования приговоров, вступивших в законную силу. К числу субъектов обжалования приговора в порядке нацзора можно отнести лиц, указанных в ст. 325 УПК РСФСР, установить трехмесячный срок нацзорного обжалования с момента вступления приговора в законную силу; дополнить ст. 23 Основ уголовного судопроизводства (ст. 51 УПК РСФСР) указанием на права и обязанности защитника в стадии нацзорного производства.

К названным проблемам примыкает вопрос о правовых последствиях подачи так называемой нацзорной жалобы. В настоящее время она порождает у органа, которому адресована, лишь обязанность ответа на нее, но не обязанность проверить ее обоснованность. В результате на практике, как правило, уголовные дела не истребуются для проверки обоснованности жалобы (по данным, приведенным в литературе, лишь по пяти из 100 жалоб уголовные дела истребуются для проверки. — См. например; Ваксберг А. Правде в глаза. Л., 1986, 17 декабря).

Очевидно, что без ознакомления с материалами дела невозможно дать объективный и обоснованный ответ на нацзорную жалобу. Поэтому, думается, подача нацзорной жалобы должна порождать у соответствующего органа обязанность истребовать уголовное дело.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

В.Д.Филимонов. О способах уголовно-правовой охраны конституционных прав и свободы граждан	3
В.И.Плохова. Проблемы конкуренции правовых норм.	5
Т.В.Строкина. Уголовно-правовое значение профессионального статуса лица.	7
А.М.Трухин. Деятельное раскаивание и его виды.	9
А.С.Фролов. К вопросу об основании уголовной ответственности соучастников преступления.	11
Т.А.Плаксина. Мечь как мотив убийства.	13
В.А.Пенчуков. О практике применения наказания за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов.	15
О.В.Дмитриев. Краткий уголовно-правовой анализ вымогательства	18
М.П.Клейменов. Уголовно-правовое прогнозирование индивидуального преступного поведения.	20
В.В.Бабурин. О криминологических проблемах экономического и социального развития села.	24
В.И.Евстратов. Бродяжничество и тунеядство - условия, способствующие совершению тяжких насильственных преступлений.	27
И.А.Никитина. Преступность в сфере хозяйственной деятельности кооперативов.	30
С.А.Елисеев. Зарубежная криминология о причинах имущественных преступлений.	33
Л.М.Прокументов. О некоторых социальных факторах, способствующих формированию групп несовершеннолетних антиобщественной направленности.	37
А.В.Шеслер. Криминогенные подростково-молодежные группировки как фактор негативной социализации несовершеннолетних.	41
В.А.Уткин. Проблемы кодификации исправительно-трудового /уголовно-исполнительного/ законодательства РСФСР.	45
Д.А.Тарасов. Сущность и цели уголовного наказания	49

Н.И.Данкин. Исправление и перевоспитание осужденных: миф или реальность.	51
П.С.Метельский. Тяжкие преступления против личности, совершаемые в местах лишения свободы, и "другая жизнь" осужденных.	54
В.И.Горобцов. О разграничении институтов судимости и постпенитенциарного воздействия.	58
А.К.Музеник. Некоторые перспективные направления реформирования института условного осуждения с обязательным привлечением к труду.	61
Г.Н.Дорожин. О системе общепреventивных мер борьбы с преступностью несовершеннолетних.	64
Т.П.Русакова. О совершенствовании правового регулирования условного осуждения несовершеннолетних.	67
Н.В.Густап. Восприятие воспитанниками ВТК уголовного наказания.	69
Б.В.Коротких. Как формировать автоматизированные информационные системы в органах внутренних дел.	72
В.Г.Швыдкий. К проекту ч.2 ст.2.5.2. Конституции Российской Федерации.	75
В.К.Новосельцев. Некоторые вопросы правового регулирования наказания в виде лишения свободы.	77
Я.В.Золотенков. О возможности использования локального банка данных в текущей работе и перспективном планировании деятельности горОВД.	81
Д.А.Савченко. Основания уголовно-правовых норм, регулирующих повышенную ответственность за совершение группового преступления.	84
Т.П.Русакова. К вопросу об основаниях применения отсрочки исполнения приговора и условного осуждения.	86

В.К.Якимович. Дела частного обвинения и принцип публичности в уголовном судопроизводстве.	88
Л.Ф.Мартынякин. О совершенствовании правовых условий судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении. . .	91
В.Е.Прченко. О защитнике подозреваемого.	93
С.Л.Лонь. Основные термины протокольной формы и их содержание.	95
В.В.Коряковцев. Вопросы применения видеозаписи в советском уголовном процессе.	99
А.И.Киселев. Необходимые и достаточные признаки уголовно-процессуального доказательства.	101
В.М.Царев. Проблемы законодательной регламентации участия защитника в стадии предварительного расследования.	104
В.А.Моршинин. Понятие и система правоохранительных органов в СССР.	107
А.Г.Халиулин. Прокурорский надзор за законность прослушивания телефонных и иных разговоров.	109
В.Д.Адаменко. Стадия исполнения приговора нуждается в реорганизации.	111
Т.В.Козина. О содержании приговора.	113
Н.Т.Ведерников. Институт помилования в Российской Федерации: организация и порядок рассмотрения.	115
В.Е.Корноухов. Индуктивно-эвристические методы познания и их использования при расследовании преступлений.	118
А.И.Баянов, Л.Ф.Первухина. Научные предпосылки программирования раскрытия и расследования преступлений.	120
С.И.Ненашев. Проблемы программирования расследования преступлений.	122

В.Е.Корноухов,Ф.В.Исмагилов. Изучение причинно-следственной связи при расследовании преступлений.	124
В.В.Аникин. К вопросу о программной системе расследования преступлений на основе технологии искусственного интеллекта.	126
С.И.Ненашев,Н.А.Дудко. Доказательственное значение фактических данных,установленных с помощью ЭВМ.	128
И.Т.Кривошеин. Роль и значение внимания в тактике допроса. .	130
И.С.Аббасова. Определение криминалистического понятия "след времени".	132
Н.В.Выдрина. Особенности мотивации самоубийств.	133
В.С.Максимов. Нравственные начала взаимодействия следователя, подозреваемого и защитника при производстве допроса.	135
В.И.Титов. Признаки дактилограмм,отпечатков и следов пальцев и их использование при осуществлении дактилоскопических учетов.	137
Е.Н.Тихонов. Особенности криминалистического исследования газовых, газово-шумовых и газово-сигнальных пистолетов и револьверов.	139
Е.А.Смолин. К вопросу о процессуальном оформлении результатов фотосъемки при производстве следственных действий.	141
В.К.Гавло. Криминалистическая характеристика корыстных хозяйственных преступлений.	143
А.Н.Чистякин,В.В.Яровенко. Опыт определения психопатологических состояний методом дерматоглифики.	145
О.Н.Сафаргалеева. О классификации материальных следов в криминалистике.	147
Н.А.Држевич. К вопросу о реализации права на защиту в надзорной инстанции.	149

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Часть 2

Редактор М.И. Сваровская

Подписано в печать 25.04.1993г. Формат 60x84 I/16.
Отпечатано на ротапринте. П.л. 9,625; усл.п.л. 8,94;
Уч.-изд.л. 8,2. Заказ 344 Тираж 300. С 22

Издательство ТГУ, 634029, Томск, Ул. Никитина, 4.
Ротапринт ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.